This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Ф, Нк-3(1 ун. М Ф-
Щб12
Ав-18
Avenarius, Vasilii P

КНИГА

о

КІЕВСКИХЪ БОГАТЫРЯХЪ.

СВОДЪ

24 ИЗБРАННЫХЪ БЫЛИНЪ ДРЕВНЕ-КІЕВСКАГО ЭПОСА.

Составилъ В. П. Авенаріусъ.

Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы Л. А. Сѣрякова, и 12 картинками, гравированными на деревѣ, по рисункамъ А. В. Прохорова, въ ксилограф. заведеніи Клича и Рохлитцера въ Лейпцигѣ.

Щб121

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1876.

PG3114
A92

(171)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Введеніе къ былинамъ (съ портретомъ народнаго пѣвца Рябинина).	III
Былины:	
I. Вольга Всеславьевичъ (съ картинкой)	3
II. Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра	15
III. Дунай Ивановичъ и Настасья королевична	29
IV. Алеша Поповичъ (съ карт.)	35
V. Первый бой Добрыни Никитича съ змѣемъ Горынчищемъ	46
VI. Второй бой Добрыни съ змѣемъ (съ карт.)	52
VII. Ставёръ Годиновичъ и Василиса Микулична	62
VIII. Соловей Будиміровичъ (съ карт.)	77
IX. Исцѣленіе Ильи Муромца	90
X. Илья Муромецъ, черниговцы и Соловей разбойникъ (съ карт.).	98
XI. Микула Селяниновичъ (съ карт.).	118
XII. Святогоръ	129
XIII. Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична	134
XIV. Илья Муромецъ и Святогоръ (съ карт.)	139
XV. Илья Муромецъ и Идолище	146
XVI. Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ	156
XVII. Илья Муромецъ и Калинъ царь (съ карт.)	167
XVIII. Чурила Плёнковичъ (съ карт.)	190
XIX. Дюкъ Степановичъ	201
XX. Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ (съ карт.)	228
XXI. Михайло Потыкъ	243

XXII. Илья Муромецъ и Сокольникъ (съ карт.) 253
XXIII. Три поѣздочки Ильи Муромца (съ карт.) 267
XXIV. Какъ перевелись богатыри на святой Руси 277
Примѣчанія къ былинамъ I
Алфавитный Указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и необычныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ XXV

ВВЕДЕНІЕ КЪ БЫЛИНАМЪ.

Младенецъ, едва перенявшій нѣсколько отрывочныхъ словъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ окружающаго міра, въ которомъ все для него ново, подъ вліяніемъ пянюшкиныхъ чудныхъ сказокъ и пѣсенекъ, начинаетъ безъ умолку лепетать и щебетать, пока языкъ и слухъ его не разовьются до связной рѣчи и музыкальныхъ звуковъ. Точно также и всякая юная отрасль великой человѣческой семьи, выходя изъ первобытнаго состоянія и пробуждаясь къ духовной жизни, ощущаетъ безотчетную потребность все свое фантастическое міросозерцаніе, всѣ выдающіеся случаи изъ жизни цѣлаго народа или главныхъ общественныхъ дѣятелей облечь въ замысловатый разсказъ, который, за отсутствіемъ или малой распространенностью письменности, и передается устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, притомъ въ стихотворной и музыкальной формѣ, ласкающей слухъ и легко сохраняемой памятью. Никакое народное гульбище, никакое семейное торжество не можетъ обойтись безъ вдохновеннаго носителя народной поэзіи — безъ *„рапсода“* (греческое названіе *слагателей* эпическихъ пѣсень, принятое во всѣхъ литературахъ), который, подъ звуки безъискусственнаго струннаго инструмента, напѣваетъ про милую, славную старину. Благодаря своему метрическому складу, народное сказаніе даже въ теченіе столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ

свой самобытный характеръ, совершенствуясь главнѣйше въ отдѣлкѣ: умѣлый рапсодъ твердо запоминаетъ и дословно повторяетъ всякій разъ тѣ неожиданные обороты въ ходѣ повѣствованія, тѣ картинныя сравненія и звучные стихи, которые въ глазахъ его слушателей зажигаютъ восторженный огонь или на устахъ ихъ вызываютъ довольную улыбку. Замѣчая, напротивъ, что слушатели начинаютъ зѣвать, разсѣянно поглядывать по сторонамъ,— смѣтливый разсказчикъ не преминетъ въ слѣдующій разъ сократить не въ мѣру разросшееся описаніе, навѣвающее скуку, причемъ съ художническимъ чутьемъ наложитъ на всю картину, смотря по обстоятельствамъ, больше или темныхъ или свѣтлыхъ красокъ. Если при такомъ-то выраженіи, при такомъ-то стихѣ слушатели, недоумѣвая, переглядываются, морщатся или почесываютъ за ухомъ, онъ остережется вторично вызвать тоже впечатлѣніе, и неудобопонятное выраженіе, неуклюжій стихъ, при новомъ пересказѣ, замѣняется другимъ выраженіемъ и стихомъ: если впечатлѣніе на этотъ разъ замѣтно благопріятнѣе, то новое выраженіе, новый стихъ и впредь идутъ въ дѣло; если нѣтъ, то они опять передѣлываются, пока не удовлетворятъ наконецъ и самого повѣствователя и его слушателей. Отрывочныя сказанія, одухотворенныя одною общею идеею, вращающіяся около одного главнаго событія, около одной первенствующей личности, мало по малу, какъ-бы сами собою, сливаются въ одинъ сплошной разсказъ, который въ окончательномъ видѣ и обращается въ народную эпопею. Такимъ образомъ, народная эпопея есть опоэтизированная *исторія* народа, разсказанная имъ самимъ.

Русская эпическая пѣсня не выработалась до стройной эпопеи, остановившись на переходной ступени—отдѣльныхъ рапсодій, носящихъ у насъ названіе „*былинъ*“ (разсказъ о *быломъ*), а также „*старинъ*“ (разсказъ о *старинѣ*) или просто „пѣсень“. *) Но, по единству мѣста дѣйствія, времени и личностей, былины могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ или „цикловъ“: 1) древнѣйшій циклъ—о полумиѳическихъ герояхъ до-владимірской эпохи, такъ-называемыхъ „*старшихъ*“ богатыряхъ (см. прим. 3 въ концѣ книги), 2) *кіевскій* или *Владиміровъ* циклъ, 3) *новгородскій*, 4) *московскій* и 5) *казацкій*. Всѣхъ обширнѣе и замѣчательнѣе циклъ кіевскій. Всѣ былины этого цикла имѣютъ своимъ предметомъ „князя-солнышка“, „ласковаго Владиміра стольно-кіевскаго“, т.-е. Владиміра Святаго (980—1014 г.г.), съ его богатырскою дружиной. Князь-солнышко — центральное свѣтило, около котораго вращается его планетная система—богатыри и богатырицы, сверкающіе, однако, не только заимствуемымъ отъ центральнаго солнца свѣтомъ, но и своимъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, какъ свѣтились имъ въ древнѣйшую эпоху мірозданія и небесные спутники нашего дневнаго свѣтила, пока не остыли понемногу и не покрылись твердою корою, отсвѣчивающею только солнечный блескъ. Княжеская „гридня“, подобно римскому форуму,—свѣтовой

*) Совершенно особнякомъ отъ нашего былеваго творчества стоитъ народное произведеніе XII вѣка—„Слово о Полку Игоревѣ“, которое, разсказанное устами современника, хотя и отличается задушевною непосредственностью, образностью и нѣкоторымъ ритмическимъ складомъ, но описываетъ только частный эпизодъ изъ боевой жизни новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича и лишено основнаго условія пѣсни—болѣе или менѣе правильнаго стихотворнаго размѣра.

фокусъ общественной и государственной жизни, изъ котораго исходятъ и въ который возвращаются всѣ лучи ея: подъ звонъ „полуторапудовыхъ“ чашъ, подъ звуки „яровчатыхъ“ гуслей, здѣсь сливки древне-кіевскаго общества щеголяютъ другъ передъ другомъ кто чѣмъ гораздъ, сватаются, интригуютъ, ссорятся, мирятся, замышляютъ богатырскіе выѣзды противъ насильниковъ внутреннихъ и внѣшнихъ и отдыхаютъ на лаврахъ послѣ многолѣтняго стоянія на сторожевой „заставѣ“.

Что Владиміръ Святой съ его богатырскою дружиной сдѣлался главнымъ центромъ нашего народнаго эпоса— объясняется тѣмъ, что царствованіе этого князя, „краснымъ солнышкомъ“ разсѣявшаго лежавшій дотолѣ надъ Русью мракъ язычества и кочевой неурядицы, было дѣйствительно самою свѣтлою эпохою до-татарскаго времени. Послѣ же долголѣтняго гнета азіятскихъ пришельцевъ, славный богатырскій вѣкъ „князя-солнышка“ долженъ былъ представляться народу въ еще болѣе радужныхъ краскахъ, и даже подвиги героевъ позднѣйшихъ—Дмитрія Донскаго, Ермака—безсознательно пріурочивались новѣйшими рапсодами все къ тому-же „солнечному“ вѣку.

Въ старыя времена, близкія къ событіямъ, описываемымъ въ древне-кіевской пѣснѣ, пѣсня эта пѣлась „загусельщиками“ (гуслярами) и „каликами перехожими“ (нищими калѣками) вездѣ, гдѣ она слушалась охотно: и на княжескихъ пирахъ, и на семейныхъ торжествахъ горожанъ и крестьянъ, и всенародно—на рынкахъ и ярмаркахъ. Съ татарскимъ погромомъ, пѣсня наша по-неволѣ смолкла на мѣстѣ своего зарожденія и искала спасенія въ дали,

въ глуши, гдѣ ей можно было еще свободно раздаваться. Въ теченіе 2½ вѣковъ татарскаго ига, понемногу заглохли въ кіевской Руси и воспоминанія о князѣ-солнышкѣ и его славныхъ богатыряхъ, и въ послѣдовавшіе затѣмъ періоды казачества и литовскаго владычества, облегченная русская грудь затянула уже пѣсню о новѣйшихъ богатыряхъ—казакахъ и литовцахъ; но прекрасныя сами по себѣ малороссійскія „*думы*“, не имѣя между собою органической связи, не только не могли слиться въ какое-либо подобіе эпопеи, но, по преобладанію въ нихъ лирическаго элемента, должны быть отнесены скорѣе къ лирической, чѣмъ къ эпической поэзіи. Въ нѣкоторыхъ изъ среднихъ великорусскихъ губерній слышатся еще рѣдкіе, но значительно искаженные отголоски древняго кіевскаго эпоса. На отдаленнѣйшихъ же окраинахъ, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской и сибирскихъ, въ селеніяхъ, лежащихъ среди лѣсовъ и болотъ, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, отъ торговой и заводской дѣятельности, особенно между раскольниками, крѣпко держащимися старины, стародавняя пѣсня сохранилась еще довольно чистою, поется и слушается съ умиленіемъ, почти съ благоговѣніемъ. Какое впечатлѣніе производитъ она въ безъискусственной сельской обстановкѣ на всякаго свѣжаго человѣка—лучше всего можно видѣть изъ описанія извѣстнаго собирателя былинъ Рыбникова предпринятой имъ въ маѣ 1860 году поѣздки въ Заонежье, гдѣ ему въ первый разъ удалось услышать настоящаго „*сказителя*“, какъ называютъ себя тамошніе рапсоды. Приводимъ здѣсь описаніе это собственными словами собирателя:

„Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемѣны вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсѣяно множество мелей и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы (лодки) понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостью, и я скоро уговорилъ его перевести меня въ Пудожгорскій приходъ. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ „баженымъ“ (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся „стрѣтный“ вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-Наволоку — пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска. На островѣ стоитъ закопченая „фатера“ — домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и „фатера“ народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и грязна, и, хоть было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ. Меня разбудили странные звуки: до того я много слыхалъ и пѣсень, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхивалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣ-

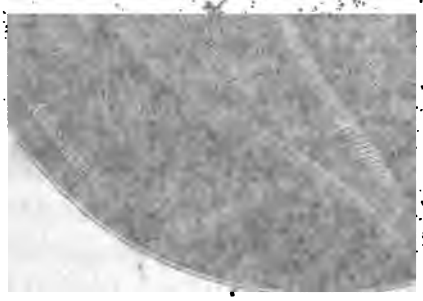
ніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатый старикъ, съ окладистою, бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ купцѣ, богатомъ гостѣ *). Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ распрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Серёдки, Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буслаевича **), про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варіянты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. Впрочемъ, на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впослѣдствіи слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія,

*) Былина новгородскаго цикла.
**) Тоже.

которое произвели плохіе варіянты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтья на Шуй-Наволокѣ."

Хотя былины поются въ настоящее время и „каликами", пѣвцами по ремеслу, спеціальность которыхъ— „духовные" стихи, но настоящими носителями и рачителями народнаго эпоса являются „сказители", непромышляющіе своимъ пѣніемъ, а занимающіеся имъ, какъ истинные художники, изъ любви къ искусству. Они обыкновенно—зажиточные крестьяне: по мѣткому замѣчанію другаго собирателя былинъ Гильфердинга, „былины, повидимому, укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни". Лучшимъ изъ живущихъ сказителей почитается 80-ти лѣтній крестьянинъ деревни Серёдки, Кижской волости, Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Трофимъ Григорьевичъ *Рябининъ* (портретъ котораго прилагается къ нашей книгѣ)— ученикъ двухъ извѣстнѣйшихъ олонецкихъ пѣвцовъ начала нынѣшняго столѣтія: Ильи Елустафьева и дяди Рябинина— Игнатія Андреевыхъ. Кромѣ крестьянъ, хорошіе рапсоды встрѣчаются и между нѣкоторыми перехожими ремесленниками, именно между занимающимися портнымъ и сапожнымъ мастерствами. Замѣчательно, однако, что самая незначительная часть пѣвцовъ грамотна: какъ слѣпой, прозрѣвъ, теряетъ прежнюю тонкость осязанія, такъ и человѣкъ грамотный не въ состояніи уже удержать въ памяти пространныхъ стихотворныхъ рапсодій въ нѣсколько сотъ стиховъ.

Впрочемъ, и въ сокровенной глуши нашихъ отдален-



Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 23-го Октября 1875 г.

ныхъ окраинъ, начинаетъ понемногу вымирать поколѣніе истыхъ пѣвцовъ. Какъ слышалъ Рыбниковъ въ Пудожѣ отъ старожиловъ, еще не такъ давно — въ началѣ настоящаго столѣтія, у мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій собирались вечеринки „съ сказителями“; но теперь сказители „вышли изъ моды“ и находятъ себѣ внимательныхъ слушателей только въ деревняхъ. Даже на сельской Шунгской ярмаркѣ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, калики, распѣвавшіе на погостѣ, кромѣ духовныхъ стиховъ, и былевыя пѣсни, изчезли съ 50-хъ годовъ, но не столько вслѣдствіе равнодушія слушателей, сколько „ради порядка“, по настоянію земской полиціи. Этотъ простонародный „продуктъ“ постигла общая участь всякаго мало требуемаго товара: съ уменьшеніемъ спроса, уменьшилось и его производство: лучшіе пѣвцы — старики съ семью-восемью десятками за плечами; молодое поколѣніе, зараженное промышленнымъ духомъ новаго времени, слушаетъ ихъ пѣсню однимъ ухомъ и перенимаетъ ее туго. Недалеко то время, когда передъ пронзительнымъ свистомъ локомотива и фабрикъ окончательно замолкнетъ задушевная пѣсня о сѣдой старинѣ! *)

Тѣмъ болѣе настоятельнымъ представлялось для отечественной литературы записать сохранившіеся еще въ памяти народной обрывки русскаго эпоса. Трудъ этотъ болѣе или менѣе выполненъ нѣсколькими собирателями, преимущественно четырьмя: *Киршею Даниловымъ* („Древнія Россійскія Стихотворенія“, изд. въ первый разъ въ 1804 г.),

*) Таже участь предстоитъ и малороссійской „думѣ“: посѣтившій осенью 1873 года Петербургъ 70-ти лѣтній слѣпой „кобзарь“ Остапъ Вересай — чуть ли не послѣдній истинно-народный пѣвецъ Малороссіи.

П. В. Кирѣевскимъ (10 томовъ „Пѣсень", изд. съ 1860—1874 г.), *П. Н. Рыбниковымъ* (4 тома „Пѣсень", изд. съ 1861—1867 г.) и *А. Ѳ. Гильфердингомъ* (1 томъ „Онежскихъ былинъ" въ 1336 стрн. мелкой печати, изд. въ 1873 г.).

Однако, и до настоящаго времени для большинства нашего читающаго общества эти чисто-народныя произведенія остаются недоступными, какъ потому, что они разсѣяны по множеству дорого-стоющихъ книгъ въ нѣсколькихъ десяткахъ варіянтовъ, такъ и потому, что едва ли хоть одинъ изъ записанныхъ варіянтовъ, сколько бы онъ ни превосходилъ другіе варіянты той-же былины интересными подробностями или поэтическими красотами, можетъ произвести вполнѣ цѣльное впечатлѣніе, имѣя всегда нѣсколько испорченныхъ стиховъ, явныя недомолвки или несогласныя съ требованіями современнаго изящнаго вкуса и нравственности выраженія и частности. Задача наша была — дать русскимъ читателямъ и, въ особенности, русскому юношеству возможность въ одной, не слишкомъ объемистой, книгѣ близко ознакомиться съ лучшими перлами древне-кіевскаго эпоса. Съ этою цѣлью сличивъ, по стихамъ, всѣ извѣстные варіянты избранныхъ былинъ какъ Владимірова круга, такъ и предшествующаго ему круга „старшихъ богатырей", тѣсно связаннаго съ нимъ мѣстомъ дѣйствія (въ кіевской Руси) и лицами (старшимъ богатыремъ Святогоромъ и дочерьми старшаго же богатыря Микулы Селяниновича), выбравъ лучшіе, по нашему мнѣнію, стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенія, затруднявшія плавное теченіе стиховъ,—мы соста-

вили возможно полный сводъ каждой былины, причемъ не пренебрегли, конечно, ни былинами съ полуразрушеннымъ стихомъ или такъ-называемыми „*побывальщинами*“, ни прозаическими „*богатырскими сказками*“, представляющими только послѣднюю стадію разложенія былинъ. Расположивъ затѣмъ былины въ хронологическомъ порядкѣ, мы позволили себѣ, для бо́льшей занимательности разсказа, послѣдовать примѣру нѣмца Зимрока и финляндца Лёнрота, которые, въ новѣйшее время, разрозненные отрывки древнегерманской „Пѣсни объ Амелунгахъ“ и финской „Ка́левалы“ сгруппировали въ связныя поэмы: не касаясь существа былинъ, мы связали ихъ въ возможно послѣдовательную хронику, стоявшія же отдѣльно отъ Владимірова круга былины о „старшихъ“ богатыряхъ вложили въ уста славнаго „загусельщика“—Добрыни Никитича, какъ то часто встрѣчается и въ другихъ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ. Что касается былевыхъ анахронизмовъ, то мелкіе позднѣйшіе наросты (какъ-то: огнестрѣльное оружіе, подзорныя трубки, постоянный эпитетъ Ильи Муромца „казакъ“ и т. п.) нами, по возможности, устранены; крупныхъ, органически-сросшихся со всѣмъ былевымъ эпосомъ (какъ, напр., валовое наименованіе всѣхъ внѣшнихъ враговъ кіевлянъ „татаровьями“) мы не считали себя въ правѣ тронуть, чтобы ненарокомъ не посягнуть на самобытное ядро разсказа. Значеніе важнѣйшихъ изъ такихъ анахронизмовъ, какъ и вообще всѣхъ встрѣчающихся въ былинахъ фактовъ, личностей и предметовъ, требующихъ поясненія, указано въ приложенныхъ въ концѣ книги *Примѣчаніяхъ*, гдѣ помѣщены нами и нѣкоторые, заслуживающіе вниманія, ва-

ріянты былевыхъ стиховъ. Для сохраненія самобытнаго характера былинъ, мы равнымъ образомъ удержали значительное число вышедшихъ уже изъ употребленія или малоизвѣстныхъ народныхъ словъ, *Алфавитный Указатель* которымъ также прилагается.

Теперь намъ остается сказать еще о томъ, ка́къ слѣдуетъ читать былины и ка́къ онѣ поются рапсодами. Первоначальный размѣръ бо́льшей части былинъ — правильный хореическій: 4, 5 или 6 хореевъ, изъ которыхъ послѣдній, чрезъ прибавленіе короткаго слога, обращенъ въ дактиль: напр.:

„Въ стольномъ | было | горо | дѣ во | Кіевѣ.“

Этотъ размѣръ, соблюдаемый лучшими рапсодами (напр. Рябининымъ) довольно строго, принятъ нами въ бо́льшей части былинъ. Рѣдкія отступленія допущены нами только въ тѣхъ случаяхъ, когда и у рапсодовъ, для бо́льшей выразительности, послѣдняя стопа растянута еще на одинъ лишній слогъ, на которомъ слышится полу-удареніе, какъ въ слѣдующемъ ироническомъ возгласѣ богатырицы Настасьи Микуличны:

„Я-то думала, комарики покусываютъ,
Анъ то русскіе бога́тыри пощёлкиваютъ.“

Изъ сколькихъ бы стопъ ни состоялъ хореическій стихъ, привычный слухъ различаетъ всегда ни болѣе, ни менѣе, какъ *три* ударенія, изъ которыхъ послѣднее упадаетъ на длинный слогъ по́слѣдней стопы:

„Въ сто́льномъ было го́родѣ во Кіевѣ
Да у ла́сковаго кня́зя у Влади́міра
Бы́ло пирова́ньице поче́стенъ пиръ
На́ многихъ князе́й, на бо́яровъ.“

(Или:

„На многи́хъ князе́й, на бо́яровъ.“)

Особенно важно имѣть въ виду это правило при чтеніи такихъ стиховъ, гдѣ конецъ послѣдней стопы составляетъ отдѣльное слово, имѣющее въ прозаической рѣчи свое особое удареніе, противоположное стихотворному; напр., должно читать: „во чисто́мъ полѣ“, „ни одно́й птички“, а не „во чи́стомъ по́лѣ“, „ни одной пти́чки“. Чтобы при выговариваніи словъ, требующихъ необычнаго ударенія, не встрѣчалось недоразумѣнія, нами надъ подлежащими слогами поставленъ знакъ ударенія.

У бо́льшей части пѣвцовъ, впрочемъ, правильный хореическій размѣръ утратился: неизмѣннымъ остается только условіе, чтобы въ стихѣ было *три* ударенія; изъ слоговъ же, неимѣющихъ ударенія, можетъ быть выпущено, по надобности, сколько угодно, лишь бы между двумя слогами *съ* удареніемъ оставался одинъ *безъ* ударенія. Такъ образовался особый размѣръ, полухореическій, полудактилическій *) (хорошо извѣстный всякому читателю по знаменитой лермонтовской „Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова“, оче-

*) Подъ *дактилемъ* (— ∪ ∪) мы разумѣемъ здѣсь вообще стопу изъ одного длиннаго и двухъ короткихъ слоговъ, такъ какъ и *амфибрахій* (∪ — ∪), и *анапестъ* (∪ ∪ —) обращаются въ дактиль, если въ началѣ стиха выпустить одинъ или два слога.

видно, навѣянной на чуткаго поэта „Древними Стихотвореніями“ Кирши Данилова):

„Закати́лося кра́сное со́лнышко,
Закати́лось за го́рушки высо́кія,
За моря́ глубо́кія, широ́кія,
Разсажда́лись часты звѣзды по свѣтлу́ небу.“

Нерѣдко первое удареніе въ стихѣ бываетъ и не на третьемъ слогѣ, а на второмъ или на первомъ:

„Дружи́на моя до́брая, хоро́брая,
Три́дцать мо́лодцевъ безъ еди́наго!“

Точно также къ концу стиха нерѣдко прибавляются лишніе слоги, изъ которыхъ въ такомъ случаѣ послѣдній получаетъ нѣкоторое удареніе, сообщающее стиху особенную, размашистую упругость:

„Я какъ ржи́ напашу́ да въ ски́рды сложу́,
Въ ски́рды сложу́, съ поля вы́волочу́,
Съ поля вы́волочу́, дома вы́молочу́,
Дра́ни надеру́ да пи́ва накурю́,
Пи́ва накурю́ да гостей заберу́,—
Ста́нутъ гости пи́ть, станутъ ку́шати,
Станутъ здра́вствовать меня́ да похва́ливати́:
— Ай ты здра́вствуешь, Мику́ла Селяни́новичъ!“

Только въ 6-мъ и въ 8-мъ стихахъ сохранено здѣсь обыкновенное дактилическое окончаніе (—∪∪). Такимъ полухореическимъ, полудактилическимъ размѣромъ изложены у насъ три былины о „старшихъ“ богатыряхъ (№ №: 1,

11 и 12), и первая и послѣдняя былины объ Ильѣ Муромцѣ (№№: 9 и 23). Не говоря уже о томъ, что возстановить въ этихъ былинахъ, безъ ущерба для ихъ содержанія, правильный хореическій стихъ, которымъ онѣ вѣроятно также были нѣкогда сложены, представлялось бы очень затруднительнымъ, такъ какъ не имѣется на лицо ни одного варіянта ихъ такого стихосложенія,—по нашему мнѣнію, неровный, своевольный хореическо-дактилическій размѣръ даже соотвѣтствуетъ какъ стихійному характеру старшихъ богатырей и появляющихся въ первой былинѣ объ Ильѣ каликъ перехожихъ, такъ и нетвердымъ шагамъ муромскаго героя, сейчасъ послѣ исцѣленія его отъ тридцатилѣтняго паралича и при закатѣ его дней, когда онъ по-старчески при всякомъ случаѣ сѣдой головой покачиваетъ.

Третій размѣръ, весьма схожій съ предъидущимъ, отличается отъ него только обиліемъ во многихъ стихахъ дактилическихъ стопъ:

„Высота́ ли — высота́ поднебе́сная!
Глубота́ — глубота́ океа́нъ-море!“

Или:

„Здра́вствуешь, со́лнышко Влади́міръ князь!
Да́й, госуда́рь, намъ пра́ведный су́дъ,
Да́й на Чури́лу сына Плёнковича́.“

Благодаря дактилямъ, стихъ дѣлается игривымъ, какъ-бы рѣзво скачущимъ. Этимъ размѣромъ поются всѣми рапсодами и изложены и у насъ двѣ веселыя былины объ удалыхъ молодцахъ: Соловьѣ Будимировичѣ (№ 8) и Чурилѣ

Плёнковичѣ (№ 18). Прибаутки къ былинамъ — эти вызывающіе ритурнели въ началѣ или въ концѣ ихъ — также иногда принимаютъ дактилическій складъ:

„На́шему хозя́ину че́сть бы была́,
На́мъ бы, ребя́тамъ, ведро пи́ва было́:
Са́мъ бы испи́лъ, да и на́мъ бы поднёсъ.“

Изрѣдка въ прибауткахъ допускаются, среди такихъ дактилическихъ стиховъ, чисто-хореическіе, даже съ хореическимъ окончаніемъ:

„Охъ вы, рощи, рощи зелены́я! липушки цвѣтны́я!“

Или короткій хореическій стихъ:

„Здунинай-най-най!
Болѣ пѣть впередъ не знай.“

Гомеровскія пѣсни въ древней Греціи пѣлись, какъ извѣстно, речитативомъ. Напѣвы нашихъ народныхъ рапсодовъ также очень просты и не ушли далеко отъ речитатива. У каждаго пѣвца для десятковъ былинъ одинъ, два, много три разныхъ напѣва; но ускореніемъ или замедленіемъ пѣнія, возвышеніемъ или пониженіемъ голоса чрезвычайно разнообразится напѣвъ, такъ что тотъ-же немногосложный мотивъ на нѣсколькихъ нотахъ въ одной былинѣ звучитъ грозно-торжественно, въ другой протяжно-уныло, въ третьей весело-игриво. „Въ Ставрѣ“, какъ выразился Рябининъ, „надо пѣть толще, а въ Потыкѣ тоньше“. Точно также полезно, по нашему мнѣнію, и при чтеніи вслухъ былинъ, примѣнительно къ ихъ содержанію, „утолщать“ или „утончать“ тонъ.

Въ заключеніе не можемъ не выразить искренней признательности извѣстному изслѣдователю древне-кіевскаго эпоса, профессору О. Ѳ. Миллеру и В. Ф. Гильфердингъ: первому — за сдѣланныя намъ указанія на многія такія черты, которыя служатъ къ болѣе отчетливой обрисовкѣ кіевскихъ богатырей, особенно главнаго изъ нихъ — Ильи Муромца; послѣдней—за предупредительно-предоставленное намъ право воспользоваться для нашей книги столь удачнымъ портретомъ пѣвца Рябинина (работы Л. А. Сѣрякова), приложеннымъ къ сборнику ея покойнаго супруга.

БЫЛИНЫ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

ВОЛЬГА ВСЕСЛАВЬЕВИЧЪ.

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пи́ва было́:
Самъ бы испи́лъ да и намъ бы поднёсъ.
Станемъ мы, ребята, сказывати,
А вы, люди добрые, послушайте
Что про старое время, про доселѣшнее.
Изъ-за лѣсу было изъ-за темнаго,
Изъ-подъ чуднаго креста съ-подъ Леванидова, (1)
Изъ-подъ бѣлаго горюча камня Ла́тыря—(2)
Тутъ повышла, повышла, новы́бѣжала́,
Выбѣгала-вылегала матка Волга-рѣка,
Мѣстомъ шла она ровно три тысячи верстъ,
А и много же въ себя она рѣкъ побрала́,
Да побольше того вѣдь ручьевъ пожрала́,
Широко́-далеко́ подъ Казань прошла,
Шире, далѣй того да подъ Астрахань;
Здѣсь пускала устьё ровно семьдесятъ верстъ,
Выпадала во морюшко Хвалынское.
Да все это, братцы, не стари́нушка,
Все-то это, братцы, прибауточка,
А теперь старинамъ у насъ зачи́нъ пойдетъ.

* *
*

Какъ не красно солнце въ небѣ разыгралося —
Какъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У Владиміра у князя солнышка
Заводилось пированьице — почéстенъ пиръ,
Собирались всѣ князья да бóяре,
Русскіе могучіе богáтыри, (3)
Да и поленúцы ли удáлыя. (4)
А живетъ во городѣ во Кіевѣ
У своей любезной рóдной матушки,
У честнóй вдовы Афимьи Александровны,
Добрый мóлодецъ, боярскій сынъ,
Что по имени Добрынюшка Никитичъ младъ. (5)
Какъ садила его матушка за грамоту,
Какъ учила уму-разуму да вѣжеству,
Какъ возрóстила до полнаго до возраста, —
Сталъ Добрынушка въ чистó поле поѣзживать,
На почéстенъ пиръ къ Владиміру похаживать,
На пиру да во гусёлышки поигрывать.
А и будетъ день во половину дня,
Княженецкій столъ да во полу́-столѣ,
За столомъ всѣ пьяны-веселы,
Самъ Владиміръ свѣтелъ-радошенъ, —
Во столовую во гридню княженецкую
Входитъ тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Крестъ кладетъ да по писáному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Солнышку Владиміру въ особину.
Проводили мóлодца тутъ во большóй уголъ,
Во большой угóлъ, во мѣсто бóльшее,
За столы садили за дубовые,
За тѣ яства за сахáрныя,
За тѣ питья за медвя́ныя.
Не златая трубочка вострубила,

Не серебряна сапóвочка возыграла—
Воспрогóворилъ самъ батюшка Владиміръ князь,
Воскричалъ да громкимъ голосомъ:
„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Наливайте-ка вы чару зелена́ вина,
Наливайте чару пива пьянаго,
Наливайте чару меду сладкаго,
Слейте всѣ три чары во еди́ную,
Подносите чару добру мо́лодцу,
Молоду Добрынюшкѣ Никитичу".
Слушалися князя слуги вѣрные,
Наливали чару зелена́ вина,
Наливали чару пива пьянаго,
Наливали чару меду сладкаго,
Слили всѣ три чары во единую:
Стала мѣрой чара въ полтора ведра,
Стала вѣсомъ чара въ полтора́ пуда;
Подносили молоду Добрынюшкѣ.
Принималъ ее Добрыня едино́й рукой,
Выпивалъ ее Никитичъ едины́мъ духомъ.
Самъ Владиміра на томъ поздравствовалъ.
И спрогóворитъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
А бери-ка ты гусёлышки ярóвчаты,
Поподёрни-ка во струнки золочёныя,
По унылыно́му сыграй намъ, по умильному,
Во другой сыграй да по весёлому."
Какъ беретъ Добрыня во бѣлы́ руки
Тѣ звонча́тыя гусёлышки ярóвчаты,
Поподёрнетъ да во струнки золочёныя,
Заиграетъ стихъ Еврейскій по унылыному,
По унылыному да по умильному—
Во пиру всѣ призадумались,
Призадумались да позаслушались.

Заигралъ Добрыня по весёлому,
Игрище завелъ отъ Ерусо́лима,
Игрище другое отъ Царя́-града,
Третіе отъ стольна града Кіева—
Во пиру́ привелъ всѣхъ на весельице.
Какъ Владиміру игра та показалася,
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, лихой игрокъ Добрынюшка!
Распотѣшь-ка мнѣ еще князей да бо́яровъ,
Звесели могучіихъ бога́тырей:
Заведи стари́нку стародавнюю
Про того про ста́ршаго бога́тыря,
Про уда́лаго Вольгу́ Всеславьича.“ (6)
Какъ повелъ опять Добрыня по гусёлышкамъ,
Заигралъ напѣвки святорусскія,
Заводилъ стари́нку стародавнюю
Про уда́лаго Вольгу́ Всеславьича:

* *
*

„Закатилося красное солнышко,
Закатилось за горушки высокія,
За моря глубокія, широкія,
Разсаждались часты звѣзды по свѣтлу́ небу—
Нарождался на матушкѣ святой Руси
Молодой богатырь Вольга́ Всеславьевичъ.
Только будетъ Вольгѣ́ полтора часа,
Говоритъ Вольга́, будто громъ гремитъ:
„— А и гой еси, сударыня матушка,
Молодая Мароа Всеславьевна!
Ты не пе́ленай во пе́лену червчатую,
Не поясай въ поясья шелко́вые—
Пелена́й меня, сударыня матушка,
Въ крѣпкія латы булатныя,

А на буйну голову клади златъ шеломъ,
Въ праву руку—палицу свинцовую,
Чтобы вѣсомъ была палица въ триста пудъ.—
„Росъ-подросъ Вольга до пяти годковъ,
Какъ пошёлъ Вольга по сырой землѣ—
Мать-сыра земля всколыбалася,
По темнымъ лѣсамъ звѣри разбѣжалися,
По подоблачью птицы разлеталися,
По синю морю рыбы разметалися.
И ношелъ Вольга Всеславьевичъ
Обучаться всякимъ хитростямъ-мудростямъ:
Обучался первой хитрости-мудрости—
Обертываться яснымъ соколомъ;
Обучался другой хитрости-мудрости—
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Обучался третьей хитрости-мудрости—
Обертываться туромъ—золотые рога.
Да задался отъ семи годовъ,
Обучался до двѣнадцати.
Сталъ дружину себѣ набирать Вольга,
Дружинушку добрую, хоробрую,
Набиралъ дружину три года:
Самому Вольгѣ пятнадцать лѣтъ,
И всей его дружинѣ по пятнадцати.
Тридцать молодцевъ набралъ безъ единаго,
Становился самъ тридцатымъ.
„И возговоритъ Вольга таковы слова:
„— Дружина моя добрая, хоробрая,
Тридцать молодцевъ безъ единаго!
Слушайте-ка братца большаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Отъ моей отъ славы богатырскія
Звѣри ушли во темны лѣса,
Птицы ушли подъ оболока,

Рыбы ушли во синё море,
Во синё море, въ глубокй станы;
Вейте-ка тенéта шелкóвыя,
Становите-ка ихъ во темнóмъ лѣсу,
Во темнóмъ лѣсу, по сырóй землѣ,
И ловите въ нихъ куницъ и лисицъ,
Всякихъ дикихъ звѣрей и черныхъ сóболей.—
„Они слушали братца бóльшаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Вили тенета шелкóвыя,
Становили ихъ во темнóмъ лѣсу,
Во темнóмъ лѣсу, по сырóй землѣ,
Ловили три дня и трй ночи—
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Обернулся Вольгá лютымъ звѣрёмъ,
Поскочилъ въ темный лѣсъ, по сырóй землѣ,
Загонялъ въ тенета куницъ и лисицъ,
Всякихъ дикихъ звѣрей и чёрныхъ сóболей;
Ни медвѣдю, ни волку спуску нѣтъ;
Да и мелкимъ звѣрюшкомъ не брёзгивалъ:
Забиралъ поскакучіихъ заюшекъ,
Бралъ и малыихъ горнастаюшекъ.
И поилъ-кормилъ онъ дружинушку,
Обувалъ-одѣвалъ добрыхъ мóлодцевъ.
И носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то—барсовыя.
„И возгóворитъ Вольгá таковы слова:
„—Дружинушка моя добрая, хорóбрая!
Слушайте-ка братца бóльшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Звѣри въ лѣсахъ всѣ повыловлены;
Вейте-ка сѣти шелкóвыя,
Становите-ка ихъ во темнóмъ лѣсу,
Во темнóмъ лѣсу, на самый верхъ,

Обернулся Вольга́ яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ Вольга́ по подоблачью,
Заворачивалъ въ сѣти гусей-лебедей,
Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.

И ловите въ нихъ гусе́й-ле́бедей,
Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.—
„Они слушали братца бо́льшаго,
Дѣлали дѣло повеле́ное:
Вили сѣточки шелко́выя,
Становили ихъ во темно́мъ лѣсу,
Во темно́мъ лѣсу, на самый верхъ,
Ловили три дня и три́ ночи—
Не могли добыть ни одно́й птички.
Обернулся Вольга́ яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ Вольга́ по подоблачью,
Заворачивалъ въ сѣти гусей-ле́бедей,
Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.
И поилъ-кормилъ онъ дружинушку,
Всѣ-то яства у него отборныя,
Перемѣнныя яства—саха́рныя.
„И возго́воритъ Вольга́ таковы́ слова:
„—Дружина моя добрая, хоро́брая!
Слушайте-ка братца бо́льшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повеле́ное:
Звѣри-птицы въ лѣсахъ всѣ повы́ловлены;
Вы берите-ка топоры дроворубные.
Стройте-ка судёнышко дубовое,
Ладьте́-ка тоневья шелко́вые,
Поплавочки кладите чиста золота.
Выѣзжайте на синё море,
И ловите рыбу-сёмжинку, бѣлужинку,
Дорогую рыбку осётринку,
Да и щученьку, малую плотиченьку.—
„Они слушали братца бо́льшаго,
Дѣлали дѣло повеле́ное:
Брали топоры дроворубные.
Строили судёнышко дубовое,
Ладили тоневья шелко́вые.

Выѣзжали на синё море,
Ловили три дня и три́ ночи—
Не могли добыть ни одно́й рыбки.
Обернулся Вольга́ рыбой-щучиной,
Опустился Вольга́ во синё море,
Изъ глубокихъ стано́въ рыбъ повыпугалъ,
Заворачивалъ рыбу-сёмжинку, бѣлужинку,
Дорогую рыбку осётринку,
Бралъ и щученьку, малую плотиченьку...
„Какъ прошла тутъ слава великая
Ко стольному граду Кіеву,
Что индейскій царь (7) снаряжается,
Стольный Кіевъ градъ взять похваляется,
Божьи церкви разорить, на дымъ пустить.
И возго́воритъ Вольга́ таковы́ слова:
„—Дружина моя добрая, хоро́брая!
А и есть ли удалый добрый мо́лодецъ,
Что́ сходилъ бы во царство индейское,
Про царя Салтыка Ставрульевича
Да про думу его тайную провѣдати,
Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
Того мо́лодца я буду жаловать
За его за услугу великую.—
„Тутъ всѣ мо́лодцы добрые, хоро́брые—
Большій туляется за средняго,
Средній туляется за ме́ньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
Какъ-бы листъ со травой пристилается,
Вся дружина его приклоняется:
„—Ужь такого ли уда́ла добра мо́лодца
Нѣтъ опричь тебя, Вольги́ Всеславьича!—
„—Такъ ужь видно жь Вольгѣ самому пойдти!—
„Обернулся туромъ—золотые рога,
Первый сковъ за цѣлу́ версту скочилъ,

А другой-то скокъ не могли найти.
Добѣжалъ до царства индейскаго,
Обернулся малой птицей-пташицей,
Садился на царское окошечко,
И слушалъ рѣчи тайныя.
„Говоритъ царь Салтыкъ Ставрульевичъ
Со своею царицей Азвяковной:
„—Ай же ты, жена возлюбленная,
Молодая царица Азвяковна!
Знаешь ли мою царскую выдумку?—
„Говоритъ царица Азвяковна:
„—Ай же, царь Салтыкъ Ставрульевичъ!
Какъ мнѣ знать твою царскую выдумку?—
„Говоритъ царь Салтыкъ Ставрульевичъ:
„—Я задумалъ ѣхать на святую Русь,
Завоюю девять городовъ на Руси,
Подарю города девяти сынамъ,
Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ,
А тебѣ, царица Азвяковна,
Подарю дорогую шубоньку.—
„Говоритъ царица Азвяковна:
„—Ночью спалось—во снѣ мнѣ видѣлось:
Съ-подъ восточной съ-подъ сторонушки
Налетѣла мала птица-пташица,
А съ-подъ западной съ-подъ сторонушки
Налетѣла птица чернóй воронъ;
Во чистóмъ полѣ онѣ слеталися,
Межъ собою бились-подирáлися;
Малая-то птица-пташица
Черна ворона повы́клевала,
По перышку его повы́щипала,
На́ вѣтеръ всего повы́пустила.
Малая птица-пташица—
Молодой богатырь Вольга́ Всеславьевичъ,

Черный воронъ—царь Салтыкъ Ставрульевичъ.—
„Какъ тѣ рѣчи царю не слюбилися:
Какъ ударитъ онъ царицу по бѣлу́ лицу,
Повернется—и въ другой-то разъ,
Кинетъ царицу о кирпичатъ полъ.
Кинетъ ее и въ другой-то разъ:
„—А поѣду же я на святую Русь,
Завоюю девять городовъ на Руси,
Подарю города девяти сынамъ,
Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ!—
„Воспрого́воритъ Вольга́ Всеславьевичъ:
„—Ай ты, царь Салтыкъ Ставрульевичъ!
Не бывать тебѣ на святой Руси,
Не владѣть тебѣ градомъ Кіевомъ!—
„Обернулся Вольга́ сѣры́мъ волкомъ,
Поскочилъ Вольга́ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коне́й всѣхъ попе́ребралъ,
Глотки у всѣхъ попе́рервалъ:
Обернулся ма́лымъ горнастаюшкой,
Побѣжалъ по подваламъ, по по́гребамъ,
У туги́хъ луковъ тетивки накусывалъ,
У калёныхъ стрѣлъ желѣзца повы́нималъ,
Сабли острыя повыщербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ.
Обернулся тогда яснымъ соколомъ,
Высоко́ взвился по подоблачью,
Полетѣлъ далече во чисто́ поле,
Ко дружинушкѣ доброей, хоро́броей,
Разбудилъ удалыхъ добрыхъ мо́лодцевъ:
„—Гой, дружина моя добрая, хоро́брая!
Не время теперь спать, пора́ вставать!
Мы пойдемте-ка къ царству индейскому!—
„И пошли они къ царству индейскому,
Подошли къ стѣнѣ бѣлокаменной:

Крѣпка́ стѣна бѣлокаменна̀,
Ворóты въ стѣнѣ желѣзныя,
Крюки́-засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы денны́-нощны,
Стоитъ подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мудрѣные вырѣзы вырѣзаны,
А и только въ вырѣзъ мурашу пройти.
Закручинились мóлодцы, запечалились:
„—Потерять, знать, даромъ буйны головы!
А и какъ намъ будетъ стѣну пройти?—
„Молодой Вольга́ догадливъ былъ:
Самъ себя обернулъ мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ мóлодцевъ мурашками—
Прошли они стѣну бѣлокаменну,
На ту сторону, въ царство индейское.
Обернулъ опять добрыми мóлодцами
Со всею со сбруею ратною,
Говоритъ имъ самъ, приказъ даетъ:
„—Дружина моя добрая, хорóбрая!
Вы ходите-ка по царству индейскому,
Вы рубите-ка и стараго и малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
Оставьте только женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного немало—семь тысячей.—
„А и ходятъ они по царству индейскому,
А и рубятъ и стараго, и малаго,
А и только оставляютъ женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного немало—семь тысячей.
„—Дружина моя добрая, хорóбрая!
А станемъ-ка теперь полону́ дѣлить.—
„Что́ было на дѣлежѣ дорого,
Что́ было на дѣлежѣ дешево?

Добры ко́ни были по семи рублей,
Сабли острыя по пяти рублей,
Тяжки палицы булатныя по три́ рубля.
А то было дешево—женскій полъ:
Старушечки были по полушечкѣ,
Молоду́шечки по двѣ полушечки,
Красны дѣвушки-душечки по денежкѣ.
„То старина, то и дѣянье!
Синему морю на утѣшенье,
Старымъ люда́мъ на послу́шанье,
Молодымъ молодца́мъ на перени́манье,
А веселымъ молодца́мъ на потѣшенье,
Сидючи́ во бесѣдушкѣ смиренноей,
Испиваючи медъ, зелено́ вино;
А и гдѣ мы пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Государю-свѣту, красну солнышку,
Нашему хозяину ласковому!“

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ СВАТОМЪ КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА.

Хорошо Добрынюшка Никитичъ младъ
Во гусёлышки играетъ во ярóвчаты,
Хорошо поетъ старúнку стародавнюю
Про удáлаго Вольгý Всеславьича
Со его дружиной доброю, хорóброю.
На пиру всѣ пріутихли, пріумолкнули,
Пріумолкнули да призаслушались.
Какъ встаетъ изъ-за стола за задняго
Старый тутъ Бермята ([8]) сынъ Васильевичъ,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„А слыхалъ еще я отъ стары́хъ людей,
Что того Салтыка-то Ставрульича,
Ухватя, Вольга́ ударилъ о кирпичатъ полъ,
Во крохи расшибъ да самъ царемъ насѣлъ,
Взялъ себѣ царицею Азвяковну,
А его дружина добрая, хорóбрая
На тѣхъ красныхъ дѣвушкахъ переженилася“.
Какъ тутъ солнышко Владиміръ распотѣшился,
Повскочилъ со мѣста княженецкаго,
По столовой гриднѣ запоха́живалъ,
Частую бородку запогла́живалъ,
Бѣлыми руками заразва́живалъ,
Желтыми кудря́ми запотря́хивалъ,

Пословечно сударь выгова́ривалъ:
„Гой же вы, мои князья да бо́яре,
Сильные, могучіе бога́тыри!
Всѣ-то вы во Кіевѣ пожéнены,
Всѣ-то дѣвушки-боя́рушки повы́даны,
Только я, Владиміръ, не женатъ живу,
Не женатъ живу да холостымъ слыву.
Вы не знаете ли, братцы, красной дѣвицы,
Красной дѣвицы—мнѣ, князю, супротивницы:
Чтобы станикомъ была ровнёшенька,
Ростомъ, какъ и самъ я, высоко́шенька,
Очи были бъ ясна со́кола,
Брови были бъ чёрна соболя,
Тѣло было бъ снѣгу бѣлаго,
Красотой красна́ и мнѣ умо́мъ сверстна:
Было бъ съ кѣмъ мнѣ думушку подумати,
Было бъ съ кѣмъ словечко перемолвити,
Во пиру-бесѣдушкѣ кѣмъ похвали́тися,
А и было бы кому вамъ поклонитися,
Было бы кому вамъ честь воздать“.
Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
Бласлови-ка, государь, мнѣ слово вымолвить.
Знаю я тебѣ княгиню—красну дѣвицу,
Красну дѣвицу да супротивницу:
Какъ во той землѣ, во хоробро́й Литвѣ,
У того у короля литовскаго (9)
Есть двѣ дочери любимыя на вы́даньѣ;
Бо́льшая-то дочь Настасья королевична
Не пойдетъ къ тебѣ княгинею-царицею:
Ѣздитъ въ полѣ сильной поленицею;
Ме́ньшая же дочь Апраксья королевична (10)
Въ терему́ сидитъ все, во златомъ верху,
Что за три́девятью ли замочками

Да за три́девятью сторожо́чками:
Красно солнышко ее не за́печетъ,
Буйны вѣ́трушки ее не о́бвѣютъ,
Многи люди не увидятъ, не обза́рятся.
А и ростомъ-то она высокая,
А и станомъ становитая,
Красотою красовитая:
Черны брови — соболя заморскаго,
Ясны очи — со́кола пролётнаго,
Личушкомъ бѣ́ла какъ зимній снѣгъ,
Да и въ грамотѣ-то поучёная:
Будетъ съ кѣмъ тебѣ свой вѣкъ коро́тати,
Будетъ намъ кому и честь воздать."
Какъ то слово князю по душѣ пришло,
Больно солнышку словечко полюбилося,
И возго́воритъ онъ таковы́ слова:
„Ай же вы, мои князья да бо́яре,
Ай же вы, могучіе бога́тыри!
А кого же мнѣ послать посвататься
За меня за князя за Владиміра
У того у короля литовскаго
На прекрасной на Апраксьѣ королевичнѣ?"
Всѣ за столикомъ сидятъ, умолкнули,
Пріумолкнули да пріутихнули,
Пріутихнули да затулялися:
Бо́льшіе туляются за средніихъ,
Средніе туляются за меньшіихъ,
А отъ меньшой тулицы-то и отвѣту нѣтъ.
Возстаетъ опять Бермята сынъ Васильевичъ:
„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
Бласлови еще мнѣ слово молвити.
Ты пошли-ка сватомъ добра мо́лодца,
Тихаго Дунаюшку Иванова ([11]):
Тихій-то Дунай вѣдь во послахъ бывалъ,

Много множество чужихъ земель видалъ,
Тихій-то Дунай и говорить гораздъ—
Ужъ кому, какъ не ему бы, и посвататься."
Не изъ бóльшаго тутъ мѣста, не изъ мéньшаго,
Изъ того ли мѣста да изъ средняго,
Изъ-за стóлья изъ-за бѣлодýбова
Возстаетъ удалый добрый мóлодецъ,
Тихій тотъ Дунай Ивановичъ,
Понизéнько князю поклоняется:
„Гой еси ты, государь нашъ батюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій!
Бласлови и мнѣ словечко молвити,
Безъ казнéнія, безъ дальней высылки?"
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
Хочешь говорить, такъ говори теперь."
„Жилъ я, государь, во хоробрóй Литвѣ
Девять лѣтъ у короля литовскаго:
Трú года у короля я кóнюхалъ,
Трú года у короля я стольничалъ,
Трú года у короля я клюшничалъ.
А и вѣрно слово говорилъ тебѣ
Старый человѣкъ Бермята сынъ Васильевичъ:
Есть двѣ дочери у короля литовскаго,
Обѣ дочери—пригожія, хорошія.
Много ѣзживалъ я по инымъ землямъ,
Много видывалъ я королевишенъ,
Много видывалъ и изъ ума пыталъ:
Та красна́ лицомъ—да не сверстна́ умомъ,
Та сверстна́ умомъ—да не красна́ лицомъ.
Не нахаживалъ я эдакой красавицы,
И не видывалъ я эдакой пригожицы,
Какъ та младша дочка королевская,
Молода Апраксья королевична:

Ходитъ—словно бѣлая лебёдушка,
Глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день;
А и въ грамотѣ-то больно гóразда.
Было бы тебѣ съ кѣмъ жить да быть,
Было бы кого назвать намъ матушкой,
Величать намъ государыней!“
„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
Ты умѣлъ ее теперичко повы́хвастать,
Такъ умѣй-ка ты ее оттоль и вывести.
Ты возьми съ собою силы сорокъ тысячей,
Ты возьми казны да десять тысячей,
Поѣзжай во ту во хоробру́ Литву,
О томъ добромъ дѣлѣ да о сва́товствѣ
На прекрасной на Апраксьѣ королевичнѣ.“
Скоро бралъ Владиміръ чарочку хрустальную,
Дорогаго хрусталя восточнаго,
Со краями позлачёными,
Наливалъ во чару зелена́ вина,
Да не малую стопу, а полтора ведра,
Разводилъ медами да стоялыми,
И подноситъ тихому Дунаюшкѣ;
Скоро бралъ Дунаюшка Ивановичъ
Чарочку отъ князя во бѣлы́ ручки,
Принималъ одною ручкою,
Выпивалъ однимъ душкомъ,
Подавалъ назадъ Владиміру,
Понизе́нько князю поклоняется:
„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
А не надобно мнѣ силѣ княженецкія,
И не надобно мнѣ золотой казны:
Да не биться же мнѣ тамъ, не ра̀ниться;
Дай-ка только мнѣ товарища любимаго,
Молода Добрынюшку Никитича:
Роду онъ, Добрынюшка, хорошаго.

Да умѣетъ онъ съ людьми и рѣчь вести;
Соизволь еще сходить намъ на конюшенъ дворъ,
Выбрать двухъ жеребчиковъ неѣзжаныхъ,
Выбрать два сѣдёлышка недéржаныхъ,
Да еще двѣ плёточки нехлы́станыхъ,
Самъ пиши-ка ярлыки да скорописчаты
О томъ добромъ дѣлѣ да о сватовствѣ."
Бралъ опять Владиміръ чару во бѣлы́ ручки,
Наливалъ во чару зелена́ вина,
Разводилъ медами да стоялыми,
И подноситъ молоду Добрынюшкѣ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
А пожалуй-ка къ Дунаю во товарищи;
Да идите съ нимъ вы на конюшенъ дворъ,
Да берите тамъ всего, что́ надобно."
Скоро всталъ Добрыня на рѣзвы́ ножки,
Скоро́ бралъ отъ князя чару во бѣлы́ ручки,
Принималъ одною ручкою,
Выпивалъ однимъ душкомъ,
Пониже́нько князю кланялся;
Скоро шли они съ палаты бѣлокаменной,
Выходили на конюшенъ дворъ,
Брали двухъ жеребчиковъ неѣзжаныхъ,
Брали два сѣдёлышка недéржаныхъ,
Да еще двѣ плёточки нехлы́станыхъ,
Сами обкольчужились, облатились,
Приняли еще отъ князя солнышка
Ярлыки тѣ скорописчаты,
Сѣли на добры́хъ коней, поѣхали;
А и видѣли ихъ на коней-то сядючи,
Да не видѣли ихъ на коняхъ поѣдучи:
Будто ясны со́колы воспо́рхнули,
По пути-дорожкѣ только пыль пошла.
Какъ поѣхали они тутъ изъ земли́ въ землю,

Изъ земли въ землю́ да изъ орды въ орду,
Пріѣзжали скоро въ хоробру́ Литву,
Ко тому ли королю литовскому,
Заѣзжали на широкій королевскій дворъ,
Становились противъ самыихъ окошечекъ,
Соскочили со добры́хъ коней.
Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты побудь-ка тутъ, покарауль коней,
Подъ окошечкомъ косящатымъ похаживай,
За собой добры́хъ коней поваживай,
Во палаты королевскія поглядывай,
Поспѣвай на выруку, какъ позову тебя.“
Самъ проходитъ во палаты королевскія;
Знаетъ онъ порядки королевскіе:
Что не надо ни креститься, ни молитвиться,—
Бьетъ челомъ лишь королю онъ, покланяется:
„Здравствуй, батюшка, король ты хоробро́й Литвы!“
На Дуная тутъ король огля́нется:
„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
А и жилъ ты у меня вѣдь цѣлыхъ девять лѣтъ:
Три́ года ли жилъ во конюхахъ,
Три́ года ли жилъ во стольникахъ,
Три́ года ли жилъ во клюшникахъ,
Жилъ-служилъ мнѣ вѣрой-правдою.
За твои услуги молодецкія
Посажу тебя теперь за бо́льшій столъ,
Посажу за бо́льшій столъ, во мѣсто бо́льшее,
Ѣшь-ка до́-сыта да пей-ка до́-люби.“
Посадилъ за большій столъ, во мѣсто бо́льшее
Тихаго Дунаюшку Иванова,
Самъ Дуная сталъ выспрашивать, вывѣдывать:
„А скажи, Дунай, скажи-ка, не утай себя,
За какимъ ты дѣломъ къ намъ пожаловалъ?

Насъ ли повидать, себя казать,
Аль по старому пожить да мнѣ служить?“
„Гой ты, батюшка, король ты хоробро́й Литвы!
Я не васъ пріѣхалъ повидать, себя казать,
Не по старому пожить, тебѣ служить;
Я прибы́лъ о добромъ дѣлѣ къ вамъ—о сва́товствѣ
На твоей на дочери Апраксіи
За Владиміра за князя солнышка.“
Положилъ онъ ярлыки тутъ на дубовый столъ;
А король въ сердца́хъ ихъ ме́четъ о кирпичатъ полъ,
Чёрны кудри рветъ себѣ на го́ловѣ,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„Глупый князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Ме́ньшую-то дочку сватаетъ,
Бо́льшую во дѣвкахъ за́садилъ!
Коль Апраксью за кого просватаю,
Такъ просватаю во Золоту́ Орду,
За того собаку царя Ка́лина.
Самого тебя, Дунаюшка Ивановичъ,
Кабы прежде не служилъ мнѣ вѣрой-правдою,
За твои за рѣчи неумильныя
Посадилъ бы въ погреба́ глубокіе,
Позадвинулъ бы дощечками желѣзными,
Позасыпалъ бы песками рудожёлтыми,
Пропитомствовалъ бы хлѣбушкомъ-водицею;
Погостилъ бы у меня ты въ хоробро́й Литвѣ,
Ума-разума въ головку понабрался бы.“
Какъ тутъ тихому Дунаю за бѣду́ пало,
Повскочилъ Дунаюшка да на рѣзвы́ ножки,
Поднялъ ручку выше го́ловы,
Кулакомъ ударилъ по́ столу—
Столъ дубовый порастре́скался,
Питья на столѣ порасплеска́лися,
Вся посуда на столѣ разсы́палась.

Какъ забѣгалъ тутъ король по за́столью,
Куньей шубкой укрывается:
„Ахти, братцы! во́тъ такъ на бѣду попалъ,
Ахти, братцы! на великую.
Ка́къ съ бѣдой, не знаю, развязатися?“
Со двора ли тутъ бѣгцы́ бѣгутъ, гонцы́ гонятъ:
„Ай ты, батюшка, король нашъ хоробро́й Литвы!
Ѣшь ты, пьешь да утѣшаешься,
А невзгоды надъ собой не вѣдаешь:
На твоемъ дворѣ на королевскоемъ
Добрый мо́ло́децъ невѣдомый уродствуетъ:
Во лѣво́й рукѣ два повода шелко́выихъ—
Держитъ двухъ коней да богатырскіихъ,
Во право́й рукѣ дубинка сорочинская,
Чебурацкаго свинцу нали́та въ сорокъ пудъ.
Яснымъ со́коломъ онъ по́ двору полётываетъ,
Чернымъ во́рономъ онъ по́ двору попа́рхиваетъ,
Изъ конца въ конецъ онъ по́ двору поскакиваетъ,
На всѣ стороны дубинкою помахиваетъ,
Крупной силы по́билъ сорокъ тысячей,
Мелкой силушки—и смѣты нѣтъ.
Неужто́ намъ изъ-за дѣвки всѣмъ поги́нути?“
А король-то бѣгаетъ по за́столью,
Куньей шубкой укрывается:
„Ай же, тихій ты Дунаюшка Ивановичъ!
Ужь по́помни-ка ты стару хлѣбъ да соль,
Поуйми-ка своего товарища,
Видно, до́чушка сами́мъ вамъ Богомъ су́жена.
Ужъ вы служки, ня́нюшки да мамушки!
Вы бѣгите-ка во те́ремъ ко златы́мъ верхамъ,
Отомкните три́девять замочиковъ,
Три́девять да сторожо́чиковъ
Къ молодой Апраксьѣ королевичнѣ,
Поумойте дѣвицу бѣлёхонько,

Сокрутите хорошохонько,
Проводите на широкій дворъ,
Посадите на добра́ коня,
Отпустите на святую Русь,
Во замужество за князя за Владиміра."
Выходилъ Дунай тутъ на крутой крылецъ,
Унималъ любимаго товарища:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Поло́но же тебѣ теперь уродствовать,
А и есть намъ, видно, по́мочь божія."
Проходилъ самъ ко златы́мъ верхамъ,
Три́девять замочиковъ отщёлкивалъ,
Дверцы со крюковъ выста́вливалъ—
Королевскія палаты зашаталися.
А сидитъ во теремѣ, въ златомъ верху
Молода Апраксья королевична,
Во однихъ тонки́хъ чулочикахъ безъ чо́ботовъ,
Русая коса-то пораспущена.
Какъ увидѣла Дунаюшку Иванова,
Испужалась бѣлая лебёдушка,
Бросилась какъ угорѣлая.
Воспроговорилъ Дунай Ивановичъ:
„Ай же ты, Апраксья королевична!
А идешь ли ты за князя за Владиміра?"
Говоритъ Апраксья королевична:
„Ай ты, славный богатырь Дунай Ивановичъ!
Три́ года я Богу вѣдь молилася,
Чтобъ попасть заму́жъ за князя за Владиміра."
Какъ пришли тутъ нянюшки да мамушки,
Поумыли-убѣлили красну дѣвицу,
Напушили личико ей бѣлое,
Сокрутили хорошохонько,
Проводили на широкій дворъ.
Бралъ ее Дунай да за бѣлы́ ручки,

На добра́ коня садилъ да къ головѣ хребтомъ,
Самъ Дунаюшка садился къ головѣ лицомъ.
Сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Да по славному раздолью по чисту́ полю.
Какъ настигла во раздольѣ во чисто́мъ полѣ.
Во пути-дороженькѣ ихъ ночка темная,
Пораздёрнули палатку полотняную,
Заходили во палатку опочи́въ держать;
Въ ноженьки поставили добры́хъ коней,
Въ головы ли копья долгомѣрныя,
По правой рукѣ ли сабли острыя,
По лѣво́й рукѣ ли палицы тяжелыя.
А и спятъ они да высыпаются,
Темну ночку сномъ коро́таютъ.
Темной ночкой ничего не видѣли,
Ничего не видѣли, да много слышали,
Слышали погоню богатырскую,
Услыхали по́свистъ по-змѣиному,
Услыхали по́крикъ по-звѣриному.
Говоритъ Дунаюшка Иванович:
„Гой же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Вѣдь за нами есть погоня богатырская.
Поѣзжай-ка со Апраксьей королевичной
На святую Русь, во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Отвези ему поклоны, челомъ-би́тьице,
Да подай ему невѣсту во бѣлы́ ручки.
Самъ я здѣсь останусь, во чисто́мъ полѣ,
Со бога́тыремъ побиться да пора́титься.“
И садили красну дѣвицу да на добра́ коня,
На добра́ коня да къ головѣ хребтомъ,
Самъ Добрынюшка садился къ́ головѣ лицомъ,
Распростился и поѣхалъ съ красной дѣвицей
На святую Русь, на стольный Кіевъ градъ.

Тихій же Дунаюшка Ивановичъ
Не съ упадкою, а со прихваткою,
Со прихваткой богатырскою
Ѣдетъ ко бога́тырю на стрѣтушку.
Какъ не двѣ тутъ горушки скатилися—
Съѣхалися два могучіихъ бога́тыря,
Попытать ли богатырскихъ плечъ,
Поиспробовать отваги молодецкія;
Сдѣлали разъѣздъ въ чисто́мъ полѣ,
Съѣхалися во одно́ мѣсто,
Пріударили во палицы булатныя,
Словно громъ гряну́лъ въ подне́бесьи—
Палицы въ рукахъ ихъ приломилися.
Какъ разъѣхались опять въ чисто́мъ полѣ,
Съѣхалися во одно́ мѣсто,
Пріударили во сабли острыя—
Остры сабли притупилися.
Въ третій разъ разъѣхались въ чисто́мъ полѣ,
Съѣхалися во одно́ мѣсто,
Пріударили во копья долгомѣрныя—
Вышибъ тихій тутъ Дунай Ивановичъ
Изъ сѣдла лихаго супротивничка,
Со добра́ коня сронилъ да на сыру́ землю,
Самъ едва лишь усидѣлъ въ сѣдлѣ,
Не казнилъ уда́ла супротивничка,
Только ко сырой землѣ копьемъ прижалъ,
Въ бѣлу грудь тупымъ концемъ уперъ:
„Ты скажись-ка мнѣ, удалый добрый мо́лодецъ,
Ты ко́ей земли, ко́ей орды,
Коего́ отца да ко́ей матери?“
Добрый мо́лодецъ ему отвѣтъ держитъ:
„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
Что же ты меня не о́позналъ?
Во одной дороженькѣ со мною ѣзживалъ,

Во одной бесѣдушкѣ со мною сиживалъ,
Со одной и чарочки со мною кушивалъ.
Жилъ у насъ вѣдь ровно девять лѣтъ:
Три́ года ли жилъ во конюхахъ,
Три́ года ли жилъ во стольникахъ,
Три́ года ли жилъ во клюшникахъ."
„Ай же ты, Настасья королевична!
А почто́ ты ѣздишь по чисту́ полю,
Поленицею уда́лою поля́куешь?"
„А почто́ вы, святорусскіе бога́тыри,
Увезли сестрицу мнѣ любимую?
А поля́ковать я ѣзжу во чисто́ поле—
Поискать себѣ да супротивничка:
А и кто меня побьетъ въ чисто́мъ полѣ,
За того мнѣ и замужъ идти."
Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
„Во семи земля́хъ служилъ я, во семи ордахъ,
Не съумѣлъ себѣ я выжить красной дѣвицы,
А теперь я во чисто́мъ полѣ
Супротивницу нашелъ себѣ, обру́чницу.
Ай ты, молода Настасья королевична!
Собирайся-ка со мною въ путь-дороженьку,
Скидыва́й-ка златъ шеломъ со буйной го́ловы,
Скидыва́й-ка латы со кольчугою,
Обряжайся по-дѣвичьему
Во простую епане́чку бѣлую,
Да поѣдемъ-ка со мной во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Сходимъ вмѣстѣ въ церковь божію,
Примемъ вмѣстѣ по злату́ вѣнцу."
Обряжалася Настасья по-дѣвичьему,
Сѣли на добры́хъ коней, поѣхали,
Прибыли во стольный Кіевъ градъ,
Подъѣзжали къ матушкѣ ко церкви божіей;

А Владиміръ князь съ Апраксьей королевичной
Въ церковь божію ужь ко вѣнцу идетъ.
На церковномъ на крыльцѣ сестрицы встрѣтились,
Встрѣтились сестрицы, поздоровкались:
Вмѣстѣ ли крестились и молитвились,
Вмѣстѣ ли пошли теперь и въ церковь божію,
Вмѣстѣ приняли и по злату вѣнцу,
Положили заповѣдь великую:
Съ мужевьями жить да быть, да вѣкъ корóтати.
Завели тутъ свадебку, почéстенъ пиръ,
Пированьице на весь крещёный людъ,
Не на мало, не на много—на двѣнадцать дёнъ.

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ и НАСТАСЬЯ КОРОЛЕВИЧНА [12]).

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ
Ласковый Владиміръ князь вѣнчается
Со прекрасной со Апраксьей королевичной,
Тихій ли Дунаюшка Ивановичъ
Съ бóльшею сестрицею вѣнчается,
Съ молодой Настасьей королевичной.
Какъ пошли со церкви божіей,
Приходили во палаты бѣлокаменны,—
Заводили тутъ почéстенъ пиръ,
Пированьице на весь крещёный людъ
Не на мало, не на много—на двѣнадцать дёнъ.
Всѣ-то за столы посáжены,
Всѣмъ-то яства, питьица налажены;
Всходе солнышко идетъ ко западу,
Бѣлый день идетъ ко вечеру,
А почéстенъ пиръ идетъ ко вéселу;
Въ пóлъ-сыта всѣ наѣдаются,
Въ пóлъ-пьяна всѣ напиваются,
Всѣ промежъ собою порасхвастались:
Сильный хвастаетъ великой силушкой,
Голый щапъ—одёжей цвѣтною,

А богатый—золотой казной;
Кто гораздъ бороться рукопашкою,
Кто гораздъ стрѣляти изъ туга́ лука,
Кто гораздъ поѣздить на добро́мъ конѣ;
Умный хва́лится отцомъ да матерью,
А безумный—молодой женой.
Какъ выходитъ тутъ Дунаюшка Ивановичъ
Изъ-за тѣхъ изъ-за столовъ дубовыихъ,
Изъ-за тѣхъ скамеечекъ окольныихъ,
Отъ своей семеюшки любимыя,
Молодой Настасьи королевичны;
Сталъ Дунай по горенкѣ похаживать,
Пословечно выговаривать:
„А и нѣту мо́лодца во Кіевѣ
Противъ тихаго Дунаюшки Иванова:
Отъ того отъ короля литовскаго
Вытащилъ двѣ бѣлыхъ лебеди,
Самъ себя женилъ и друга по́дарилъ.“
Говоритъ ему Настасья королевична:
„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
Не пустымъ ли ты, Дунай, расхвастался?
Хоть не долго здѣсь, во Кіевѣ, я по́была,
Много я во Кіевѣ повы́знала:
Нѣту силой мо́лодцевъ, ухваткою
Супроти́въ Самсона да Самойлова,
Нѣтъ поѣздкой мо́лодцевъ, посадкою
Супротивъ Михайла По́тыка Иванова,
Уговоромъ мо́лодцевъ, смиреньицемъ
Противъ молода Добрынюшки Никитича,
Красотою мо́лодцевъ, угожествомъ
Противъ князя солнышка Владиміра,—
А на выстрѣлъ нѣту изъ туга́ лука
Супроти́въ Настасьи королевичны:
На твою головку молодецкую

Покладу свое колечико серебряно,
Понаставлю свой булатный ножъ,
Отойду сама да на пятьсотъ шаговъ,
Три́ раза калёну стрѣлочку повы́стрѣлю,
Пропущу сквозь то колечико серебряно,
По тому по острію ножёвому,
Чтобъ разсѣклась стрѣлочка калёная
На двѣ равныхъ половиночки,
Обѣ вѣсомъ и на взгля́дъ равны,
Покатилися бы на двѣ стороны,
Не сронили бы колечика съ головушки."
Какъ тутъ тихому Дунаю ко стыду пришло,
Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
„Ай же ты, Настасья королевична!
А мы выйдемъ-ка съ тобою во чисто́ поле,
Востроты другъ у́ друга отвѣдаемъ,
Кто стрѣлять гораздѣй изъ туга́ лука."
Выходилъ Дунай съ ней во чисто́ поле,
Полагалъ колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую,
Понаставилъ свой булатный ножъ;
Отошла Настасья королевична
Отъ Дуная на пятьсотъ шаговъ,
Брала въ ручки ту́гой лукъ разрывчатый,
Налагала стрѣлочку калёную,
Натяну́ла за́ ухо тетивочку,
И спущала стрѣлочку калёную:
Пропустила сквозь колечико серебряно,
По тому по острію ножёвому,
Раскололась стрѣлочка калёная
На двѣ равныхъ половиночки,
Обѣ вѣсомъ и на взгля́дъ равны,
Покатились на двѣ стороны,
Не сронили съ головы колечика.

Три́ раза Настасья королевична
Пропустила стрѣлочку калёную
Во колечико серебряно,
По тому по острію ножёвому,
Да не сшибла съ головы колечика.
Говоритъ Дунай ей таковы́ слова:
„Ай же ты, Настасья королевична!
Становись-ка супроти́въ меня.“
Полагалъ колечико серебряно
Ей на буйную головушку,
Понаставилъ свой булатный ножъ,
Отошелъ самъ на пятьсотъ шаговъ.
Первый разъ стрѣлилъ—пере́стрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ—не до́стрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—попасть не могъ.
Какъ у тихаго Дунаюшки Иванова
Разгорѣлося тутъ ретиво́ сердцо,
Ретиво́ сердцо́ да молодецкое;
Сталъ онъ стрѣлочкой помахивать,
Самъ ли стрѣлочкѣ да выговаривать:
„Ай же ты, моя стрѣла любимая!
Ужь пади-ка ты не на́ воду, не на́ землю,
Попади-ка ты Настасьѣ да во бѣлу грудь.“
Восполо́шилась княгинюшка Апраксія,
Стала тихаго Дуная уговаривать:
„А и гой еси ты, мой любимый зятюшка,
Молодой Дунай да сынъ Ивановичъ!
То была лишь шуточка пошучена.“
Возмоли́лася ему и молода́ жена,
Кланялася въ землю, убивалася,
Горючьми́ слезами уливалася:
„Гой еси ты, мой любезный ладушка,
Молодой Дунаюшка Ивановичъ!
Ты прости, прости меня во женской глупости!

Ты оставь-ка шутку до другаго дня;
Ты теперь, Дунаюшка, хмѣльнёшенекъ,
Ты теперь, Дунаюшка, пьянёшенекъ,
Угодишь и въ-правду въ молоду́ жену,
Сдѣлаешь головку безповинную."
Стали всѣ князья да бо́яре,
Сильные, могучіе бога́тыри
Тихаго Дуная уговаривать:
Озадо́рился Дунай, не слушаетъ,
Налагаетъ стрѣлочку калёную;
Спѣла у туга́ лука тетивочка,
Угодила стрѣлочка калёная
Молодой Настасьѣ да во бѣлу грудь,
Пала молода Настасья на сыру́ землю,
Облила́ся кровію горючею;
Тутъ Настасьѣ и славу́ поютъ.
Подошелъ Дунаюшка Ивановичъ,
Запечалился Дунаюшка, расплакался,
Говорилъ самъ таковы́ слова:
„Гдѣ головкой пала лебедь бѣлая,
Тамъ пади головкой и ясёнъ соколъ!"
Вынималъ изъ но́женъ саблю острую,
Становилъ въ сыру́ землю тупымъ концомъ,
Падалъ самъ на саблю ретивы́мъ сердцомъ;
Тутъ и тихо́му Дунаюшкѣ славу́ поютъ.
Гдѣ головкой пала лебедь бѣлая,
Тамъ отъ крови отъ ея напрасныя
Протекала быстрая Настасья-рѣченька;
А гдѣ палъ головкою ясёнъ соколъ,
Тамъ отъ крови отъ Дунаевой
Протекала славная Дунай-рѣка;
На двѣ струйки рѣчки расходилися,
Во одно мѣсто́ опять сходилися.
Выростало тутъ два древца кипарисныихъ,

Во одно мѣстó верхушки совивалися,
Вѣточки со вѣточками сплеталися.
Малы дѣти йдутъ—набалуются,
Молодые идутъ—надивуются,
Стары люди идутъ—понаплачутся.

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ. (13)

Какъ изъ славнаго Ростова, красна города,
Не ясёнъ сокóлъ съ сокóликомъ вылётывалъ—
Выѣзжали два могучіихъ богáтыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ, (14)
Съ нимъ молоденькій Екимъ Ивановичъ.
Ѣздили богáтыри плечо въ плечо,
Стремя въ стремя богатырское;
Ѣздили, гуляли по чистý полю,
Не наѣзживали ничего въ чистóмъ полѣ,
Не видали птицы перелётныя,
Не видали звѣря порыскýчаго;
Только и наѣхали въ чистóмъ полѣ
Три дороженьки широкія,
Промежду́ дороженекъ горючъ камéнь лежитъ,
А на камнѣ подписи подписаны.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, братецъ мой Екимъ Ивановичъ!
Человѣкъ ты поучёный въ грамотѣ:
Посмотри на камнѣ подписи,
Что́ на камнѣ-то подписано?“
Соскочилъ Екимъ тутъ со добрá коня,
Посмотрѣлъ на камнѣ подписи,
А на камнѣ три дороженьки расписаны:

„Первая дороженька на Муромъ градъ,
А другая на Черниговъ градъ,
Третья ли ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.“
Говоритъ Екимъ Ивановичъ:
„Ай ты, братецъ мой Алешенька Поповичъ младъ!
Ты какой дорожкою изволишь путь держать?“
Говоритъ ему Алешенька Поповичъ младъ:
„Лучше ѣхать намъ ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.“
Повернули добры мо́лодцы добры́хъ коней,
И поѣхали ко городу ко Кіеву.
Не доѣхавши до славной до Сафатъ-рѣки, (15)
Становились на лугахъ зеленыихъ,
Покормить своихъ добры́хъ коней,
Разставляли два бѣлы́хъ шатра,
И Алеша поизволилъ опочи́въ держать.
Мало время позамѣшкавши,
Молодой Екимъ добры́хъ коней
Въ зе́ленъ лугъ пустилъ стреноживши,
Самъ въ шатеръ ложился опочивъ держать.
Какъ прошла та ночь осенняя,
Ото сна Алеша пробуждается,
Возстаетъ рано́-ранёшенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкой утирается,
Ко востоку Богу молится.
Молодой Екимъ Ивановичъ
По добры́хъ коней сходилъ скорешенько,
Попоить сводилъ ихъ на Сафатъ-рѣку.
Приказалъ Алеша тутъ сѣдлать добры́хъ коней.
Осѣдлавши онъ, Екимъ, добры́хъ коней,
Снаряжалися ко городу ко Кіеву.
Приходилъ къ нимъ тутъ калика перехожая: (16)

Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковыренныя чистымъ се́ребромъ,
Передокъ унизанъ краснымъ золотомъ,
Шуба соболи́ная да долгополая,
Шляпа сорочинская да земли греческой.
Шелепуга подорожная
Чебурацкаго свинцу нали́та въ тридцать пудъ.
Говоритъ калика перехожая:
„Ой вы гой еси, уда́лы добры мо́лодцы!
Видѣлъ я за славной за Сафатъ-рѣкой
Молода Тугарина Змѣёвича: (17)
Въ вышину-то онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
Промежъ плечъ-то у него коса́ сажень,
Промежъ глазъ-то калена́ стрѣла,
Конь крылатый подъ Тугариномъ какъ лютый звѣрь,
Изъ хайли́ща-то ого́нь пышетъ,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ валитъ.“
Привязался тутъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, братецъ мой, калика перехожая!
Дай свое мнѣ платьице каличее,
Самъ возьми мое да богатырское,
Дай мнѣ лапотки семи шелковъ,
Подковыренныя чистымъ се́ребромъ,
Передокъ унизанъ краснымъ золо́томъ,
Шубку соболиную да долгополую,
Шляпу сорочинскую да земли греческой,
Шелепугу подорожную
Чебурацкаго свинцу нали́ту въ тридцать пудъ.“
Не отказывалъ калика перехожая,
Далъ ему свое онъ платьице каличее,
Надѣвалъ самъ платье богатырское.
Наряжается Алешенька каликою,
Взялъ съ собою шелепугу подорожную
Чебурацкаго свинцу нали́ту въ тридцать пудъ,

Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,
И пошелъ за славную Сафатъ-рѣку.
Какъ завидѣлъ тутъ Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ
Отъ дали́ Алешеньку Поповича,
Заревѣлъ собака зычнымъ голосомъ,
Инъ продрогнула дубровушка зелёная,
Младъ Алеша еле живъ идетъ.
Говоритъ ему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:
„Ай ты гой еси, калика перехожая!
Не слыхалъ ли ты да не видалъ ли гдѣ
Про млада́ Алешу про Поповича?
Я бъ Алешу закололъ копьемъ,
Закололъ копьемъ, спалилъ огнемъ.“
Говоритъ Алешенька каликою:
„Ай ты гой еси, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко ста́рчищу:
Не слыхать мнѣ отъ дали́-то, что́ ты го́воришь.“
Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ.
Какъ сверста́лся младъ Алеша со Тугариномъ,
Шелепугою его по головѣ хлестнулъ,
Буйну голову Тугарину разбилъ-расшибъ,
Повалилъ собаку на сыру́ землю,
Самъ вскочилъ ему на чёрну грудь.
А и взмо́лится Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси, калика перехожая!
Ты не самъ ли есть Алешенька Поповичъ младъ?
Если ты Алеша—побратаемся.“
Въ тѣ поры Алешенька врагу не вѣровалъ,
Отрубилъ ему онъ буйну голову,
Поснималъ съ него онъ платье цвѣтное,
Платье цвѣтное да на́ сто тысячей,
Самого во торокй вязалъ,
Одѣвался въ платье цвѣтное,
На коня его садился на люта́ звѣря,

„Ай ты гой еси, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко ста́рчищу:
Не слыхать мнѣ отъ дали́-то, что́ ты го́воришь.“

И поѣхалъ ко своимъ бѣлы́мъ шатрамъ.
Какъ увидѣли его Екимъ съ каликою,
Испужались, сѣли на добры́хъ коней,
Побѣжали ко Ростову городу.
Настигаетъ ихъ Алешенька Поповичъ младъ.
Какъ обёрнется Екимъ Ивановичъ,
Показался онъ ему Тугариномъ,
И выдёргивалъ онъ боевую па́лицу,
Палицу булатную во̀ тридцать нудъ,
И бросалъ ее назадъ себя—
Угодилъ Алешѣ въ груди бѣлыя,
Сшибъ Алешу изъ черкасскаго сѣдёлышка,
И упалъ онъ на сыру́ землю.
Соскочилъ Екимъ ту́тъ со добра́ коня,
Сѣлъ ему на груди бѣлыя,
Ладитъ ихъ пороть ему чингалищемъ—
И увидѣлъ золотъ чуденъ крестъ на немъ,
Самъ заплакалъ, говоритъ каличищу:
„По грѣхамъ мнѣ, видно, учинилося,
Что убилъ я братца своего родимаго!“
Стали оба тутъ его трясти, качать,
По́дали ему питья заморскаго,
И пришелъ онъ отъ того ко живности.
Помѣнялися они съ каликой платьицемъ:
Надѣвалъ калика платьице каличее,
Надѣвалъ Алеша богатырское,
А Тугарина-то платье цвѣтное
Положили въ торокѝ къ себѣ.
Сами сѣли на добры́хъ коней,
И поѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.
Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,
Какъ заѣхали на княженецкій дворъ,
Соскочили со добры́хъ коней,

Привязали ко столбамъ дубовыимъ
И пошли во гридни свѣтлыя.
А у ласковаго князя у Владиміра
Со его княгиней со Апраксіей
Поразставлены столы дубовые
И идетъ хорошъ почéстенъ пиръ.
Какъ вошли во гридни свѣтлыя,
Молятся святому Спасу образу,
Бьютъ челомъ на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Говоритъ имъ ласковый Владиміръ князь:
„Гой еси вы, добры мóлодцы!
А и какъ же васъ зовутъ по имени,
Величаютъ по изотчеству?
Вамъ по имени бы можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловать.“
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Я изъ славнаго Ростова, красна города,
Сынъ Леонтья, стараго попа соборнаго,
А зовутъ Алешею Поповичемъ.
Повстрѣчалъ путемъ Тугарина Змѣевича,
Голову́ срубилъ чудовищу,
Въ торокáхъ его привезъ къ тебѣ.“
Какъ возрадуется тутъ Владиміръ князь,
Говоритъ Алешѣ таковы́ слова:
„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
А садись-ка ты да по отечеству
Во большое мѣсто, во большóй уголъ,
Во другое мѣсто богатырское—
Во скамью дубову супротúвъ меня,
Въ третье мѣсто—куда самъ захошь.“
Не садился младъ Алеша во большóй уголъ,
Не садился во скамью дубовую,
Сѣлъ онъ со товарищами на палатный брусъ.

Воскричалъ Владиміръ князь тутъ громкимъ голосомъ:
„Гой еси вы, слуги вѣрные!
Вы идите-ка да на широкій дворъ
За чудовищемъ Тугариномъ Змѣевичемъ,
Вы берите-ка со тороко́въ его,
Принесите предъ лицо мое.“
И идутъ двѣнадцать добрыхъ мо́лодцевъ,
Принесли Тугарина Змѣевича
На доскѣ изъ красна золота,
Посадили во больши́й уголъ,
Рядомъ со княгиней со Апраксіей. (18)
Были же тутъ повара́ догадливы:
Приносили яствушекъ саха́рныихъ,
Приносили бѣлую лебёдушку.
Стали ѣсть всѣ, прохлажатися;
А Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ нечестно ѣстъ:
По ковригѣ цѣлой за щеку́ мечётъ,
Проглотилъ заразъ всю лебедь бѣлую,
Закусилъ еще ковриго́й монастырскою.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Какъ у моего у государя батюшки,
У Леонтья у попа Ростовскаго,
Было псище старое, сѣдатое,
Ѣле по подстолію таскалося;
Какъ хватило псище кость великую,
Гдѣ хватило тамъ и подавилося:
Подавиться и Тугарину Змѣевичу
Отъ меня Алеши отъ Поповича.“
Почерпѣлъ Тугаринъ какъ осення ночь,
Прояснѣлъ Алеша, какъ свѣтёлъ мѣсяцъ.
Были повара́ опять догадливы:
Приносили зелена́ вина,
Приносили питьицевъ медвяныихъ,
Питьицевъ медвяныихъ, заморскіихъ;

БИБЛИОТЕКА

Стали пить всѣ, прохлажатися;
А Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ нечестно пьетъ:
Въ разъ охлёстываетъ чары цѣлыя,
Каждая-то чара въ полтора ведра.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Какъ у моего родителя у батюшки,
У Леонтья у попа Ростовскаго,
Было старое коро́вище,
Еле по двору таскалося,
На поварню къ поварамъ забилося,
Браги прѣсной цѣлый чанъ охлестнуло,
Гдѣ охлестнуло—и треснуло:
Треснуть и Тугарину Змѣевичу
Отъ меня Алеши отъ Поповича.“
Потемнѣлъ Тугаринъ, какъ осення ночь,
Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ во Алешу во Поповича;
Да Алешенька на то повёртокъ былъ,
И не могъ Тугаринъ угодить въ него.
А стоялъ у печки у мура́вленой
Молодой Екимъ Ивановичъ,
Налету чингалище подхватывалъ,
Самъ Алешѣ приговаривалъ:
„Ай ты, братецъ мой Алешенька Поповичъ младъ!
Самъ изволишь ли бросать въ него, аль мнѣ велишь?“
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Самъ не брошу и тебѣ не дамъ бросать.
За́утро ужо́ съ нимъ перевѣдаюсь:
Бьюся съ нимъ я о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ—
Бьюся о своей о буйной го́ловѣ.“
Въ тѣ поры князья и бо́яре
Повскочили на рѣзвы́ ноги,
Всѣ поруки держатъ за Тугарина:

Какъ по сту рублей князья кладутъ,
По пятидесяти бо́яре,
А крестьяне по пяти рублей.
Гости ли торговые случилися:
Подъ Тугарина Змѣевича
Подписали корабли свои,
Что́ стояли на быстро́мъ Днѣпрѣ
Со товарами заморскими.
За Алешу за Поповича подписывалъ
Изо всѣхъ владыка лишь черниговскій.
Взвился тутъ Тугаринъ и съ палатъ ушелъ,
На добра́ коня садился, на люта́ звѣря;
Поднялся́ на крыльяхъ его добрый конь,
Полетѣлъ высо́ко близъ подъ облако́мъ.
Со товарищами и Алеша вонъ пошелъ;
На добры́хъ коней садилися,
И поѣхали ко славной ко Сафатъ-рѣкѣ;
Поразставили бѣлы́ шатры,
Отпустили ко́ней въ зелены́ луга,
Сами стали опочи́въ держать.
Тутъ Алеша цѣлу ночь не спалъ—
Цѣлу ночь стоитъ да на востокъ лицомъ,
Со слезами Богу молится:
„Дай-ка, Господи, мнѣ тучу грозную,
Тучу грозную со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило бы коня крылатаго
У Тугарина Змѣевича,
Опустился бы Тугаринъ на сыру́ землю,
Было бы мнѣ съ нимъ посъѣхаться.“
По тому ли по Алешину моленію,
По Господнему да по велѣнію,
Наставала туча грозная,
Туча грозная со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило крылья у коня крылатаго,

Палъ Тугаринъ на сыру́ землю.
Прибѣгаетъ тутъ Екимъ Ивановичъ
Ко Алешѣ съ радостною вѣсточкой,
Что Тугаринъ ѣдетъ по сыро́й землѣ.
Скоро младъ Алеша снаряжается,
Взялъ съ собою палицу тяжелую,
Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,
И садился на добра́ коня,
Ѣдетъ ко Тугарину на стрѣтушку.
А Тугаринъ ѣдетъ на добро́мъ конѣ,
На добро́мъ конѣ да по сыро́й землѣ,
Увидалъ Алешеньку Поповича,
Заревѣлъ собака зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
Хошь ли, я тебя огнемъ спалю?
Хошь ли, я тебя конемъ стопчу?
Хошь ли, я тебя копьемъ убью?“
Замахнулся онъ чингалищемъ булатнымъ,
Чтобы снять съ Алеши буйну голову;
А Алеша былъ востёръ собой:
Завернулся за ту гриву лошадиную;
Промахнулося чингалище булатное
И ушло въ сыру́ землю до че́рена.
Говоритъ Алешенька Тугарину
Изъ-за гривы лошадиныя:
„Гой же ты, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!
Бился ты со мною о великъ закладъ:
Биться-драться одинъ-на́-одинъ,
А вѣдь за тобою силы смѣты нѣтъ
На меня Алешу на Поповича.“
Какъ оглянется Тугаринъ тутъ назадъ себя,
Младъ Алеша былъ востёръ собой:
Вывернулся изъ-за гривы лошадиныя,
Да ударитъ палицей тяжелою

Въ буйну голову Тугарина Змѣевича—
Своротилося главúще на правý страну,
Туловúще да на лѣвую.
Соскочилъ Алеша со добрá коня,
Бралъ чингалище булатное,
Прокололъ собакѣ уши въ гóловѣ,
Да главúща-то не можетъ на плечо поднять,
Жалкимъ голосомъ кричитъ товарищамъ:
„Гой еси, мои вы вѣрные товарищи!
Подсобите-ка главúще на плечо поднять.“
Подъѣзжали вѣрные товарищи,
Помогли главúще на плечо поднять.
И несетъ его Алеша ко добрý коню,
Привязалъ кудёрушками желтыми
Къ стремянамъ ко лошадиныимъ,
И повезъ ко городу ко Кіеву.
Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,
Какъ заѣхали на княженецкій дворъ,
Бросилъ онъ середь двора чудовище.
Увидалъ ихъ ласковый Владиміръ князь,
Выходилъ къ нимъ на красно́ крыльцо,
Проводилъ ихъ въ гридни свѣтлыя,
За убрáные столы сажалъ,
Самъ Алешѣ приговаривалъ:
„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
Ужъ живи-ка ты теперь у насъ во Кіевѣ,
Послужи-ка мнѣ, князю Владиміру:
До́-люби тебя пожалую“.
Такъ про молода Алешу старину поютъ,
Морю синему на тúшину,
Добрымъ людямъ на послýшанье.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

ПЕРВЫЙ БОЙ ДОБРЫНИ НИКИТИЧА СЪ ЗМѢЕМЪ ГОРЫНЧИЩЕМЪ.

Середи ли было лѣта краснаго,
Во жары ли непомѣрные Петровскіе,
Захотѣлося Добрынюшкѣ Никитичу
Во студёной быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское.
Приходилъ Добрыня къ ро́дной матушкѣ,
Ко честно́й вдовѣ Афимьѣ Александровнѣ,
Говорилъ ей таковы́ слова:
„Ай же ты, моя родитель-матушка!
Ужъ ты дай-ка мнѣ прощеньице,
Дай прощеньице-благословеньице
Съѣздить ко той славной ко Пучай-рѣкѣ: (19)
Мнѣ охота во студёной быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское.“
Говоритъ Добрынѣ ро́дна матушка,
Та честна́ вдова многоразумная:
„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Душенька, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты не ѣзди-ка купаться во Пучай-рѣкѣ;
Та Пучай-рѣка свирѣпая, сердитая:
Изъ-за первой струйки какъ огонь сѣчётъ,
Изъ-за средней струйки искры сыплются,
Изъ-за третьей струйки дымъ столбомъ валитъ,
Дымъ столбомъ валитъ да съ жаромъ-пламенемъ.“

Не послушался Добрыня ро́дной матушки,
Выходилъ онъ изъ столовой горенки
Да во славныя палаты бѣлокаменны,
Одѣвалъ одёжицу дорожную,
Накрывалсѧ шляпой земли греческой,
Заходилъ въ широкъ конюшенъ дворъ
И уздалъ, сѣдлалъ добра́ коня;
Бралъ копье съ собою долгомѣрное,
Ту́гой лукъ да калены́ стрѣлы,
Саблю острую да палицу тяжелую—
Не для драки бралъ, для кроволитьица,
Для потѣхи бралъ для молодецкія.
Какъ садился тутъ Добрыня на добра́ коня,
Какъ съѣзжалъ да съ широка́ двора
Съ молодымъ слугою, съ малымъ па́робкомъ,—
Плеткою добра́ коня понуживалъ,
Палицей булатною поигрывалъ,
Долгомѣрнымъ копьемъ да поворачивалъ.
Какъ поѣхалъ по чисту́ полю да ко Пучай-рѣкѣ,
Какъ проѣздилъ часъ-другой по красну солнышку—
Богатырское-то тѣло разгорѣлося,
Разгорѣлося да распотѣлося.
Приправлялъ коня онъ къ быстрой рѣченькѣ,
Соскочилъ скоре́нько со добра́ коня,
Бросилъ поводъ малу па́робку:
„Ай же ты, дѣтинка, малый па́робокъ!
Подержи-ка мнѣ, покарауль коня.“
Снялъ съ головки шляпу земли греческой,
Разболо́кивалъ одёжицу дорожную,
Штаники со спусками да чёрны чо́боты,
Скидывалъ рубашку миткали́ную,
Да спустился во студёну, быстру рѣченьку.
Заходилъ за стру́ечку за первую,
Заходилъ за стру́ечку за среднюю,

Говоритъ самъ таковы́ слова:
„Мнѣ, Добрынѣ, говорила матушка,
Мнѣ, Никитичу, наказывала ро́дная:
— Не купайся ты, Добры́ня, во Пучай-рѣкѣ:
Та Пучай-рѣка свирѣпая, сердитая.—
Анъ Пучай-то рѣченька кротка́, смирна,
Будто лужица дождёвая.“
Не успѣлъ Добрыня сло́ва смолвити,
Вѣтра нѣтъ, а тучу на́несло,
Тучи нѣтъ, а будто дождь дождитъ,
И дождя-то нѣтъ, а громъ гремитъ,
Громъ гремитъ да свищетъ молнія.
Ни отколь на молода Добрынюшку
Налетѣло змѣище Горынчище,
Лютая змѣя о трехъ о го́ловахъ,
О двѣнадцати змѣя о хо́ботахъ.
Говоритъ ему змѣя проклятая:
„А вѣдь стары люди-то пророчили,
Что убиту быть мнѣ, змѣищу Горынчищу,
Молодымъ Добрынею Никитичемъ,
А теперь Добрыня самъ въ моихъ рукахъ!
Захочу теперь—Добрыню я огнемъ сожгу,
Захочу теперь—Добрыню съѣмъ-сожру,
Захочу теперь—Добрыню въ хобота́ возьму,
Въ хобота́ возьму да во поло́нъ снесу.“
Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Ай же ты, змѣя проклятая!
Ты поспѣй-ка захватить Добрынюшку,
Въ ту́ пору Добрынюшкой и хвастайся,
А теперь Добрыня не въ твоихъ рукахъ.“
Плавать онъ, Добрыня-то, гораздъ вѣдь былъ:
Какъ у тамошняго бережка ныркомъ нырнулъ,
Такъ у здѣшняго повынырнулъ;
Вышелъ по желту́ песку да на крутой берёгъ.

Въ ту́ пору-то па́робокъ былъ то́ропокъ:
Вонъ угналъ коня Добрынина,
Взялъ съ собой копье Добрынино,
Ту́гой лукъ и калены́ стрѣлы,
Саблю острую и палицу тяжелую—
Нечѣмъ-то ему съ змѣею попротивиться.
А она опять летитъ проклятая,
Сыплетъ искрами горючими,
Жжетъ ему да тѣло бѣлое.
Пріужа́хнулося сердце богатырское.
Поглядѣлъ Добрынюшка по бе́режку—
Не случилось ничему лежать на бе́режкѣ,
Не́чего-то взять ему въ бѣлы́ ручки.
Вспомнилась Добрынѣ ро́дна матушка:
„Не велѣла мнѣ, Добрынѣ, ро́дная
Во Пучай-рѣкѣ купатися;
А теперь приходитъ мнѣ кончинушка!“
Поглядѣлъ въ послѣдній разъ по бе́режку—
Увидалъ тутъ шляпоньку на бе́режкѣ,
Шляпоньку свою да земли греческой.
Скоро бралъ онъ шляпоньку въ бѣлы́ ручки,
Насыпа́лъ въ нее песочку желтаго,
Желтаго песочку цѣлыхъ три́ пуда,
Да со всей досадушкой великою
Какъ ударитъ шляпонькой поганую—
Изъ двѣнадцати ей поотшибъ три хобота,
Повалилъ змѣю съ размаху на сыру́ землю,
На сыру́ землю да во ковыль-траву,
Повскочилъ на груди ей колѣнками,
Отшибить ей хочетъ остальные хоботы.
Какъ возмо́лится змѣя Добрынюшкѣ:
„Ай же ты, молоденькій Добрынюшка!
Не убей меня ты за напраслину,
А спусти летать да по бѣлу́ свѣту:

Буду я тебѣ сестрою мéньшею,
Будешь ты мнѣ братцемъ бóльшіимъ. (20)
И положимъ мы съ тобою заповѣдь,
Заповѣдь велику, нерушúмую:
Не ѣзжать тебѣ, Добрынюшкѣ, въ чистó поле,
Не топтать моихъ дѣтенышей-змѣенышей;
Не летать и мнѣ, змѣѣ, къ вамъ на святую Русь,
Не носить въ полонъ народу христіянскаго."
Поддался́ Добрынюшка на рѣчь лукавую,
Положилъ съ змѣею заповѣдь великую,
И спустилъ изъ-подъ колѣнъ проклятую.
Поднялáся вверхъ змѣя подъ óблака,
Полетѣла прямо да на Кіевъ градъ;
Пролетая черезъ Кіевъ градъ,
Увидала князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну, (21)
Чтó повышла съ мамками да съ няньками
Погулять во зеленóмъ саду,—
Припадала лютая къ сырой землѣ,
Ухватила князеву племянницу
Въ хобота свои змѣиные,
Унесла съ собой на гóру Сорочинскую, (22)
Во пещерушки свои змѣиныя.
Въ тý пору Добрынинъ малый пáробокъ
Подбѣгалъ опять къ нему, ко добру мóлодцу,
Подавалъ одежицу дорожную,
Подводилъ коня да богатырскаго.
Только сѣлъ Добрыня на добрá коня—
Какъ не тѣни темныя затéмнѣли,
Какъ не тучи черныя попáдали—
Какъ летитъ по воздуху змѣя проклятая,
Въ хоботáхъ несетъ да князеву племянницу.
Тутъ молоденькій Добрыня закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.

Въ Кіевъ градъ Добрыня поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на свой широкій дворъ,
Проходилъ въ палату бѣлокаменну,
Во столову горенку ко ро́дной матушкѣ,
Да садился на брусо́ву лавочку,
До само́й земли повѣсилъ буйну голову,
Ни словечкомъ не промолвился.
Подходила ко Добрынѣ ро́дна матушка,
Стала старая его выспрашивать,
Стала старая вывѣдывать:
„Ты объ чемъ, Добрынюшка, кручинишься?
Ты объ чемъ, мой свѣтъ, печалишься?“
Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:
„Не объ чемъ я не кручинюся,
Не объ чемъ я не печалюся;
Только дай-ка, матушка, прощеньице,
Дай прощеньице-благословеньице
Мнѣ сходить ко князю ко Владиміру:
У него, у князя у Владиміра,
Зачался́ поче́стенъ пиръ да на двѣнадцать дёнъ,
На многи́хъ князей его, на бо́яровъ,
Да на всѣхъ могучіихъ бога́тырей.“
Говоритъ Добрынѣ ро́дна матушка:
„Ай ты, свѣтъ мой, душенька Добрынюшка!
Не ходи-ка ты ко князю на поче́стенъ пиръ,
А живи-ка во своемъ дому, у матушки,
Хлѣба-соли ѣшь-ка до́-сыта,
Зелена́ вина пей до́-пьяна,
Золотой казны держи по на́добью.“
Не послушался Добрыня матушки,
Снаряжался, отправлялся на поче́стенъ пиръ
Къ ласковому князю ко Владиміру.
Какъ на этомъ старина кончается,
А другая начинается.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

ВТОРОЙ БОЙ ДОБРЫНИ СЪ ЗМѢЕМЪ.

Какъ идетъ Добрынюшка Никитичъ младъ
На почéстенъ пиръ ко князю ко Владиміру,
Какъ проходитъ въ гридню княженецкую,
Гдѣ стоятъ столы дубовые,
Стланы скатерти шелкóвыя,
Понакладаны у̀ѣдушки сахáрныя,
Поразставлены напиточки медвя́ные,—
Крестъ кладетъ онъ по писáному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Проводили гостя во бо̀лыпóй уголъ,
Во большой угóлъ, во мѣсто бóльшее.
Какъ тутъ ласковый Владиміръ князь
По столовой гриднѣ запохаживалъ,
На своихъ богáтырей посматривалъ,
Пословечно сударь выговаривалъ:
„Ай вы, сильные, могучіе богáтыри!
Хоть идетъ у насъ почéстенъ пиръ на-вéселѣ,
Самому-то мнѣ, Владиміру, не весело:
Унесла змѣя проклятая Горынчище
У меня любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.

Вы подумайте-ка, братцы, посовѣтуйтесь:
На кого бы мнѣ накинуть служебку,
Служебку не малую, великую,
Съѣздить на ту го́ру Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣиныимъ,
Отыскать, добыть любимую племянницу?"
То услышавши, могучіе бога́тыри
Бо́льшіе туляются за средніихъ,
Средніе хоронятся за ме́ньшіихъ,
А отъ меньшіихъ по чину и отвѣту нѣтъ.
Какъ выходитъ тутъ изъ-за стола за средняго
Молодой Алешенька Леонтьевичъ:
„Гой ты, батюшка Владиміръ стольно-кіевскій!
Былъ вчерась я во чисто́мъ полѣ,
Видѣлъ у Пучай-рѣки Добрынюшку:
Съ змѣищемъ Горынчищемъ онъ дрался-ра́тился,
Покорилася змѣя ему, винилася,
Называла братцемъ бо́льшіимъ,
Нарекалася сама сестрою ме́ньшею.
Ты пошли-ка на ту служебку Добрынюшку:
Онъ тебѣ любимую племянницу
Безъ бою, безъ драки-кроволитьица
У назва́ной у сестры своей повы́проситъ."
И возговорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты садись-ка на добра́ коня,
Поѣзжай-ка на ту го́ру Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣиныимъ,
Добывай-ка мнѣ любимую племянницу,
Молоду Забавушку Путятичну.
Не добудешь мнѣ племянницы—
Прикажу тебѣ, Добрынѣ, голову́ рубить."
Опустилъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ во столъ дубовый очи ясныя,

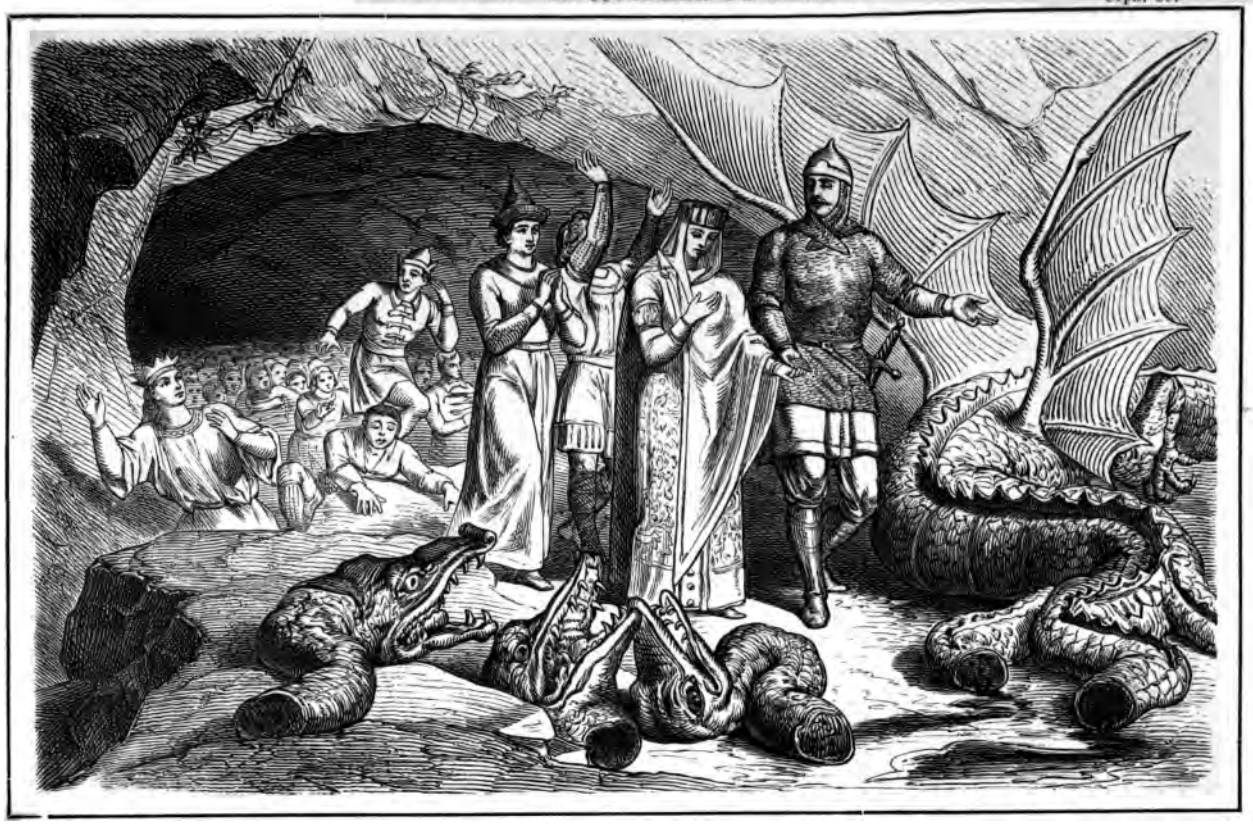
Ни словечка на тѣ рѣчи не отвѣтствовалъ.
Онъ вставалъ изъ-за столовъ дубовыихъ,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ окольныихъ,
Отдавалъ великое почтеніе
Князю за весёло пированьице,
И пошелъ къ своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
Какъ пришелъ въ столовую во горенку
Ко своей ко ро́дной матушкѣ,
Говоритъ ему тутъ ро́дна матушка,
Та честна́ вдова Афимья Александровна:
„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты объ чемъ, про что́ такъ пригорюнился,
Пригорюнился да закручинился?
Мѣсто ли въ пиру было́ не по́ чину,
Чарой ли въ пиру тебя поо́бнесли,
Али пьяница-дуракъ поосмѣялъ въ глаза?“
Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Мѣсто-то въ пиру мнѣ было по́ чину,
Чарою въ пиру меня не о́бнесли,
Пьяница-дуракъ не осмѣялъ въ глаза;
А накинулъ на меня Владиміръ князь
Служебку не малую, великую:
Съѣздить на ту го́ру Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣиныимъ,
Отыскать ему, добыть племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.“
Говоритъ Добрынѣ ро́дна матушка:
„Ты ложись-ка спать поранѣй съ вечера,
Мудренѣе утро будетъ вечера:
Встанешь утрушкомъ отъ молодецка сна,
Заходи въ конюшеньку стоялую,
Выводи бурка́ съ конюшеньки,
Дѣдова коня матёраго;

А стоитъ бурка́ пятнадцать лѣтъ,
По колѣна ноженьки въ назёмъ зарощены,
Дверь по по́ясу въ назёмъ ушла."
И ложился спать Добрыня съ вечера,
Утрушкомъ вставалъ ранёшенько,
Умывался водушкой бѣлёшенько,
Утирался полотёнышкомъ сушохонько,
Подкрутился хорошохонько;
Выходилъ къ конюшенькѣ стоялоей,
Изъ назема дверь повытащилъ,
Дѣдову коню матёрому
Изъ назема ноженьки повыдернулъ.
Выводилъ за уздицу тесьмя́ную
На широкій дворъ добра́ коня,
Сталъ добра́ коня засѣдлывать, улаживать:
Полагалъ сперва подпотничекъ,
На подпотничекъ клалъ потничекъ,
Сверху потничка еще да войлочекъ,
А на войлочекъ черкасское сѣдёлышко—
Что сѣдёлышко-то изукрашено:
Цѣнными шелка́ми пообши́вано,
Да червонным золотомъ обви́вано.
Сталъ подтягивать тутъ по́дпруги шелко́веньки,
Втягиваетъ въ нихъ шпеньки булатные,
Полагаетъ пряжки красна золота:
Шелкъ не по́рвется, булатъ не по́трется,
Красно золото не ржа́вѣетъ,
Добрый мо́лодецъ въ сѣдлѣ не ста́рѣетъ.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать по́дпруговъ,
Клалъ еще тринадцатый для крѣпости,
Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра мо́лодца въ чисто́мъ полѣ не выронилъ.
Какъ садился тутъ Добрыня на добра́ коня,
Какъ съѣзжалъ да съ широка́ двора,

Провожала его ро́дна матушка,
Подавала на поѣздѣ плёточку,
Плеточку семи шелковъ да разныихъ,
Говорила, слезы утираючи:
„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое!
Ты возьми-ка плеточку семи шелковъ:
Какъ пріѣдешь на ту го́ру Сорочинскую,
Какъ начнешь змѣенышей потаптывать,
Да не станетъ бурушко поскакивать,—
Ты хлыщи бурка́ проме́жь ушей,
Промежь ногъ хлыщи да промежь задніихъ;
Станетъ у тебя бурка́ поскакивать,
Прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивать,
Всѣхъ притопчетъ до единаго.“
Отломилась вѣточка съ садовой яблоньки,
Откатилось яблочко отъ яблоньки,
Отъѣзжаетъ сынъ отъ ро́дной матушки
Въ чужедальнюю сторонушку.
День уходитъ за́ день будто дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ.
Ѣдетъ днемъ Добрынюшка по красну солнышку,
Ѣдетъ ночью онъ по свѣтлу мѣсяцу.
Въѣхалъ на ту го́ру Сорочинскую,
Сталъ топтать поганыихъ змѣенышей.
Подточили тутъ змѣеныши
У добра́ коня копытушки,
И не можетъ добрый конь поскакивать,
Сталъ онъ подъ Добрынюшкой припадывать.
Вспомнилъ тутъ Добрынюшка наказъ родительскій,
Выдернулъ онъ плеточку изъ-за пояса,
Плеточку семи шелковъ да разныихъ,
Сталъ хлыстать бурка́ проме́жь ушей,
Промежь ногъ хлыстать да промежь задніихъ,
Сталъ бурку́ да приговаривать:

„Ай ты, бурушко, скачи-поскакивай,
Прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивай.“
Сталъ тутъ бурушко скакать-поскакивать,
По верстѣ да по другой помахивать,
По колѣнушки въ сыру́ землю погрязывать,
Изъ сырой земли копытушки выхватывать,
По сѣнной копнѣ земелюшки вывертывать.
За три выстрѣла да камешки откидывать;
Сталъ онъ прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивать.
Притопталъ всѣхъ до единаго.
И сходилъ Добрыня со добра́ коня,
Облачался во доспѣхи крѣпкія,
Бралъ во праву руку саблю острую,
Полагалъ подъ лѣвую подъ пазушку
Палицу тяжелую булатную,
На бѣлы́ груди копье да долгомѣрное.
Клалъ подъ поясъ шелепугу подорожную,
Съ ней и плеточку семи шелковъ—
И пошелъ къ пещерушкамъ змѣинымъ.
Какъ не тѣни темныя зате́мнѣли,
Какъ не тучи черныя попа́дали—
Какъ летитъ сама змѣя Горынчище,
Во когтяхъ несетъ да тѣло мертвое.
Увидала молода Добрынюшку—
Опустила тѣло мертвое
На сыру́ землю, на мураву́-траву,
Подлетѣла къ молоду Добрынюшкѣ:
„Ай же ты, молоденькій Добрынюнка!
Ты зачѣмъ нарушилъ нашу заповѣдь,
Притопталъ моихъ дѣтенышей-змѣенышей?“
Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:
„Ай же ты, змѣя проклятая!
Я ль нарушилъ нашу заповѣдь,
Али ты, змѣя, ее нарушила?

Ты зачѣмъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,
Унесла у насъ Забаву дочь Путятичну?
Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Путятичну
Безъ бою, безъ драки-кроволитьица."
Не хотѣла отдавать змѣя
Безъ бою, безъ драки-кроволитьица,
Заводила съ нимъ великій, кроволитный бой.
Бились-ратились они тутъ трое суточекъ,
А не можетъ одолѣть змѣю Добрынюшка,
Начала змѣя его покидывать,
Начала его побрасывать.
Вспомнилъ онъ опять про плеточку,
Плеточку семи шелковъ да разныхъ,
Бралъ во праву руку плеточку,
Лѣвою поймалъ змѣю поганую,
Преклонилъ ее къ сырой землѣ,
Билъ той плеточкой шелковою,
Укротилъ аки скотинушку.
Отрубилъ тогда змѣѣ всѣ хоботы,
Распиналъ ее да по чисту полю,
Разрубилъ на мелки частички.
И пошла съ востока внизъ до запада
Вкругъ Добрыни кровь змѣиная;
Простоялъ въ крови Добрыня трое суточекъ—
Не пожрала крови той сыра земля.
Бралъ опять Добрыня плеточку шелковую,
Билъ той плеточкой сыру землю,
Самъ землѣ да приговаривалъ:
„Разступись-ка, мать-сыра земля,
На четыре разступись на четверти,
Да пожри-ка кровь змѣиную."
Разступилась мать-сыра земля
На четыре да на четверти,
Всю пожрала кровь змѣиную.



„Ай же ты, Забава дочь Путятична!
Для тебя я ѣздилъ-странствовалъ,
Для тебя съ змѣею бился-ра́тился.
Мы пойдемъ-ка теперь во Кіевъ градъ.“

И сошелъ Добрынюшка Никитичъ младъ
Ко пещерушкамъ змѣиныимъ.
Какъ затворено тамъ мѣдными затворами,
Пóдперто желѣзными пóдпорами—
Не пройти въ пещерушки змѣиныя.
Онъ желѣзныя подпоры прочь откидывалъ,
Мѣдные затворы вонъ отдвигивалъ,
Проходилъ въ пещерушки змѣиныя.
А сидитъ тамъ полонóвъ-то много множество:
Съ сорокá земель царей, царевичей,
Съ сорокá ли королей да королевичей,
А простой-то силушки и смѣты нѣтъ.
И спрогóворилъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Ай же вы, цари, царевичи,
Короли да королевичи,
Ты, простая силушка несмѣтная!
Выходите-ка на божью волюшку,
Расходитесь по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ.“
Стали выходить они на божью волюшку,
И пошелъ у нихъ великій шумъ.
Не видать одной Забавушки Путятичны.
Проходилъ Добрыня всѣ пещерушки,
Приходилъ къ послѣдней ко двѣнадцатой—
Только тутъ нашелъ Забавушку Путятичну,
Ко стѣнѣ руками врозь приковану.
Со стѣны снималъ онъ красну дѣвушку,
Бралъ ее за бѣлы ручушки,
Выводилъ съ пещерушекъ змѣиныихъ,
Говорилъ ей таковы́ слова:
„Ай же ты, Забава дочь Путятична!
Для тебя я ѣздилъ-странствовалъ,
Для тебя съ змѣею бился-рáтился.
Мы поѣдемъ-ка тенерь во Кіевъ градъ,

Къ твоему ко дядюшкѣ любимому,
Къ ласковому князю ко Владиміру."
И садился тутъ Добрыня на добра́ коня,
И садилъ съ собою красну дѣвушку,
И повезъ съ собою по чисту́ полю.
Говоритъ Добрынѣ красна дѣвушка,
Молода Забава дочь Путятична:
„За твою за вы́слугу великую
Назвала бы я тебя, Добрыню, батюшкой—
Называть мнѣ такъ Добрыню не́ можно;
За твою за ѣыслугу великую
Назвала бы братцемъ да родимыимъ—
Называть тебя и братцемъ не́ можно;
За твою за выслугу великую
Назвала бы другомъ да любимыимъ—
Самъ Добрыня не возьметъ замужъ меня!"
Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Ахъ ты, молода Забавушка Путятична!
Ты изъ роду княженецкаго,
Я изъ роду изъ боярскаго—
Не чета тебѣ, княжнѣ, боярскій сынъ."
И повезъ ее во стольный Кіевъ градъ;
А Владиміръ князь ужь на крыльцѣ стоитъ,
Съ почестью его встрѣчаетъ, съ благодарностью.
Какъ сошелъ Добрыня тутъ съ добра́ коня,
Опущалъ онъ на земь красну дѣвушку,
Подводилъ племянницу къ Владиміру,
Подавалъ ему во бѣлы ручушки.
И дарилъ его Владиміръ золотой казной,
И дарилъ его онъ платьемъ цвѣтныимъ,
Покланялся до само́й земли:
„А спасибо же тебѣ, Добрынюшкѣ!
Сослужилъ ты службу мнѣ великую,
Отыскалъ ты мнѣ любимую племянницу.

Никого не могъ найти я въ цѣломъ Кіевѣ,
Изо всѣхъ могучихъ изъ бога́тырей
Одного тебя нашелъ, Добрынюшку!“
Прибѣгала тутъ и матушка Добрынина,
Во слезахъ брала его въ бѣлы́ ручки,
Цѣловала во уста саха́рныя.
И пошелъ тутъ пиръ у нихъ да пированьице,
Что для молода Добрынюшки Никитича,
Для другой—Забавушки Путятичны.
Такъ про молода Добрынюшку Никитича
Славу славятъ, старину поютъ,
Морю синему ли на утѣшенье,
А вамъ, добрымъ лю́дямъ, на послу́шанье.

БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

СТАВЁРЪ ГОДИНОВИЧЪ и ВАСИЛИСА МИКУЛИЧНА. (23)

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ
Да у ласковаго князя у Владиміра
Было пированьице, почéстенъ пиръ
На многúхъ князей, на бóяровъ,
На всѣхъ гóстюшекъ столовыихъ,
На всѣхъ людушекъ торговыихъ,
На всѣхъ званыхъ-браныхъ, приходящіихъ.
На пиру всѣ наѣдалися,
На честнóмъ всѣ напивалися,
Чѣмъ-нибудь всѣ похвалялися:
Кто хвалился славнымъ отечествомъ,
Кто удáлымъ молодечествомъ,
Инóй хвастался добрúмъ конемъ,
А другой ли шелковúмъ портомъ.
Изо всѣхъ гостей Ставёръ Годúновичъ, (24)
Молодой торговый гость черниговскій, (25)
Лишь одинъ сидитъ, не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Да ничѣмъ-то мóлодѣцъ не хвастаетъ.
Ходитъ солнышко Владиміръ князь по горенкѣ,
Самъ Ставрý да воспрогóворитъ:
„Ахъ ты, молодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
Что же ты сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь;

Бѣлой лебеди моей не рушаешь,
Да ничѣмъ-то, мо́лодецъ, не хвастаешь?
Али не́чѣмъ вамъ, черниговцамъ, похвастати?“
Отвѣчаетъ молодой Ставёръ Годиновичъ:
„Нечѣмъ мнѣ, Ставру́, предъ вами здѣсь похвастати!
Мнѣ похвастать—не похвастать отцомъ-матушкой:
Отца-матушки моихъ въ живыхъ ужь нѣтъ.
Мнѣ похвастать—не похвастать золотой казной:
Золота́ казна торговая не то́щится,
Малы денежки торговыя не де́ржатся.
Мнѣ похвастать—не похвастать цвѣтнымъ платьицемъ:
Цвѣтны платьица мои не носятся:
У меня есть тридцать мо́лодцевъ,
Тридцать мо́лодцевъ—портны́хъ все ма́стеровъ,
Шьютъ кафтанцы мнѣ все сново-на́-ново;
День держу кафтанчикъ, подержу другой,
Да снесу кафтанчикъ въ лавоньку на рыночекъ,
Вамъ же, князьямъ—бо́ярамъ, повы́продамъ,
А возьму съ васъ цѣну полную.
Мнѣ похвастать—не похвастать крѣпкимъ чо́ботомъ:
Чо́боты мои не держатся:
У меня есть тридцать мо́лодцевъ,
Тридцать мо́лодцевъ—сапожныхъ ма́стеровъ,
Шьютъ мнѣ чо́боты все сново-на́-ново;
День держу ихъ, проношу другой,
Въ лавоньку снесу опять на рыночекъ,
Вамъ же, князьямъ-бо́ярамъ, повы́продамъ,
А возьму съ васъ цѣну полную.
Мнѣ похвастать—не похвастать и добры́мъ конемъ:
Добры ко́ни у меня не ѣздятся:
У меня кобылочки все златошерстныя,
Все даютъ жеребчиковъ хорошенькихъ;
Что́ получше-то жеребчики—то́ ѣзжу самъ,
Что́ похуже—то́ сгоню на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-бóярамъ, повы́продамъ,
А возьму съ васъ цѣну полную.
А и нéчѣмъ мнѣ предъ вами хвастати.
Развѣ мнѣ похвастать молодой женой,
Василисой дочерью Микуличной? ([26])
Какъ во лбу-то у нея свѣтёлъ мѣсяцъ,
По коси́цамъ—звѣзды частыя,
Бро́вушки чернѣе чёрна со́боля,
Очушки яснѣе ясна сокола;
Всѣхъ васъ, князей-бóяровъ, продастъ да вы́купитъ,
А тебя, Владиміра, съ ума сведетъ."
На то слово на пиру всѣ призамолкнули,
А Владиміру то слово не слюбилося,
И спрого́воритъ Владиміръ таковы́ слова:
„Гóй вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы берите-ка Ставра́ Годинова
За его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злачёные,
Отведите-ка во погреба́ холодные
За его хвасткй да за великіе,
За его за рѣчи неучливыя,
Посадите на овесъ да на́ воду ([27])
Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.
Пусть-ка тамъ Ставёръ да объумѣется,
Пусть-ка тамъ да образумится.
Поглядимъ-ка, какъ Ставро́ва молода́ жена
Муженька́ изъ погребовъ повы́ручитъ,
Всѣхъ васъ, князей-бóяровъ, продастъ да выкупитъ,
А меня, Владиміра, съ ума сведетъ."
Взяли слуги вѣрные Ставра́ Годинова
За его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злачёные,
Отвели во погреба глубокіе,
Позадвинули дощечками желѣзными,

Позащёлкнули замóчками булатными,
Пропитомство клали овсецá съ водой.
Посылалъ Владиміръ князь грознá посла ([28])
Ко Ставрý Годиновичу во Черниговъ градъ,
Чтобы дворъ его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять.
Въ тý пору Ставрóвой молодой женѣ,
Василисѣ дочери Микуличнѣ,
Перепала вѣсточка нерадостна,
Что ея любимый мужъ Ставёръ Годиновичъ
Солнышкомъ Владиміромъ во Кіевѣ
Посажёнъ въ полóнъ во погреба холодные
Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.
Говорила Василиса дочь Микулична:
„Деньгами мнѣ выкупáть Ставрá—не выкупить,
Силою мнѣ выручать Ставрá—не выручить.
Я могу ли, нѣтъ, Ставрá повыручить
Да своей догадочкою женскою.“
Шла тутъ Василиса дочь Микулична
По своей палатѣ бѣлокаменной,
Воскричала Василиса во всю голову,
Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:
„Ай же вы, мои служанки вѣрныя!
Вы бѣгите-ка ко мнѣ скорёшенько,
Вы рубите-ка мнѣ косы русыя,
Вы несите-ка мнѣ платьица посыльныя
Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго!“
Подбѣгали вѣрныя служаночки,
Подрубили по-мужскú ей русы косыньки,
Приносили ей одежицы посыльныя,
Засѣдлали ей коня да богатырскаго.
Накрутилась Василиса въ платья цвѣтныя,
Назвалáсь посломъ со Золотой Орды,
Что грознúмъ посломъ Василіемъ Микуличемъ,

Набрала́ дружинушки хоро́брыя,
Сорокъ мо́лодцевъ—все молодыхъ борцовъ,
Сорокъ мо́лодцевъ—все молодыхъ стрѣльцовъ,
И поѣхала посломъ ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.
Половину ли дороженьки проѣхали,
А на встрѣчу имъ изъ Кіева грозёнъ посолъ;
Съѣхались послы тутъ, поздоровались;
Какъ великіе послы послуются,
Ручка о́бъ ручку они цѣлуются.
Сталъ изъ Кіева посолъ выспрашивать:
„Ай и гой же вы, уда́лы добры мо́лодцы!
Вы куда поѣхали, куда васъ Богъ несётъ?“
Говорятъ ему, послу, да таковы́ слова:
„Мы изъ дальней, де, земли, изъ Золотой Орды,
Отъ грозна́ царя собаки Ка́лина,
А поѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Взять всѣ дани-выходы-невы́платы
За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
Что за всякій годъ да по три тысячи.“
Какъ изъ Кіева посолъ-то позадумался,
Позадумался, въ отвѣтъ прогово́ритъ:
„Самъ я, де, изъ Кіева грозёнъ посолъ,
Ѣду ко Ставру́ Годи́нову въ Черниговъ градъ,
Дворъ его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять.“
Говорятъ ему уда́лы добры мо́лодцы:
„Прежде былъ у насъ тамъ постоялый дворъ;
Нынѣ заѣзжали—никого въ дому:
Молода жена Ставро́ва убиралася
Въ дальнюю землю́, во Золоту́ Орду.“
Скоро кіевскій посолъ тутъ поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку,

Разсказалъ ему, Владиміру, тихохонько,
Что изъ дальней, де, земли, изъ Золотой Орды,
Ѣдетъ къ Кіеву немилостивъ посланничекъ
Отъ грозна́ царя соба́ки Ка́лина.
А и больно тутъ Владиміръ запечалился;
Повидался всѣ, пометался;
Улицы метутъ, да ставятъ ельничекъ; ([29])
Передъ воротáми ждутъ посланничка
Отъ грозна́ царя собаки Ка́лина.
А грозёнъ посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ,
Не доѣдучи до города до Кіева,
Пораздёрнулъ во чисто́мъ полѣ бѣло́й шатёръ,
Оставлялъ дружину у бѣла́ шатра,
Ѣдетъ самъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку.
Пріѣзжалъ посолъ на княженецкій дворъ,
Поскакалъ посолъ да со добра́ коня,
Во сыру́ землю копье тупымъ концомъ,
А шелко́вый поводъ на злачёный гвоздь,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шелъ въ палаты бѣлокаменны,
По ступенцамъ ставится тихо́шенько,
По сѣнямъ идетъ да полего́шенько,
Входитъ въ гридню княженецкую,
Кре́ститъ очи по писа́ному,
И ведетъ поклоны по учёному,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Князю солнышку съ княгинею въ особину,
Наипаче же той князевой племянницѣ,
Молодой Забавушкѣ Путятичнѣ.
Говоритъ грозну́ послу Владиміръ князь:
„Здравствуешь, посолъ ты съ Золотой Орды!
Ты садись-ка съ нами за дубовый столъ,
Отдохни съ широкой со дороженьки.“
Говоритъ въ отвѣтъ ему грозёнъ посолъ:

„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Недосугъ сидѣть послу, разсиживать,
Насъ, пословъ, за то не жалуютъ.
Какъ послалъ меня собака Ка́линъ царь
Взять съ тебя всѣ дани-выходы-невы́платы
За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
Что за всякій годъ да по три тысячи;
Какъ я самъ, посолъ Василій да Микуличъ сынъ,
Взять себѣ хочу въ супружество
Молоду твою любимую племянницу,
Что по имени Забаву дочь Путятичну.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, молодой Васильюшка Микуличъ сынъ!
Я пойду съ племянницей, подумаю.“
Выводилъ племянницу изъ горенки,
Спрашивалъ племянницу, вывѣдывалъ:
„Ай же ты, моя любезная племянница!
Ты пойдешь ли за того грозна́ посла,
За млада́ Василія Микулича?“
Говоритъ ему племянница тихохонько:
„Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный!
Что-то у тебя теперь затѣяно,
Что-то у тебя задумано?
Не отдай ты дѣвицы за женщину,
Не надѣлай смѣху по святой Руси.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, любезная племянница!
Какъ же не отдать мнѣ за грозна́ посла,
За грозна́ посла собаки царя Ка́лина?“
„А не быть же то грозну́ послу—быть женщинѣ.
Знаю я примѣты всѣ по-женскому:
Какъ по у́лочкѣ идетъ—что́ уточка плыветъ,
А по горенкѣ ступаетъ почасте́нечко;
Какъ на лавочкѣ сидитъ—колѣнца вмѣстѣ жметъ,

Съ поволо́кою глаза пова́живаетъ.
Рѣчь со про́визгомъ у ней по-женскому,
Бёдра кру́теньки у ней по-женскому,
Ручки бе́леньки у ней по-женскому,
А и пальчики́-то то́неньки по-женскому,
Даже дужки отъ коле́цъ не вышли всѣ.
Двое на́ двое намъ будетъ хоть съ тоски пропасть!"
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Я пойду, посла да попровѣдую:
Буде онъ не мо́лодецъ, а женщина,
Не пойдетъ онъ по-мужски́ боротися."
Взялъ-повыбралъ князь семь молодцо́въ-борцовъ,
Пять брато́въ Притче́нковъ, двухъ Хапиловыхъ, (30)
Выводилъ ихъ на широкій дворъ,
Приходилъ къ Василію Микуличу,
Говорилъ самъ таковы́ слова:
„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
Не угодно ль со борцами да потѣшиться,
На широкомъ на дворѣ да поборотися?"
Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:
„А и не́кому же у меня боротися:
Во чисто́мъ полѣ борцы мои оставлены;
Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
Я вѣдь съи́змала по улочкѣ побѣгивалъ,
Шуточки съ ребятками пошучивалъ."
И выходитъ ко борцамъ онъ на широкій дворъ;
Середи двора они становятся,
На борьбу на рукопашку сходятся.
Молодой Васильюшка Микуличъ сынъ
Какъ возьметъ во праву руку трехъ борцовъ,
Какъ возьметъ во лѣву руку трехъ другихъ борцовъ,
Столконётъ ихъ вмѣстѣ да раскинетъ врозь,
А седьмаго-то смахнётъ въ серёдочку—
На земи́ лежатъ всѣ семь борцовъ, не могутъ встать.

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ:
„Глупая Забава, неразумная!
Дологъ волосъ у тебя, умъ ко́ротокъ:
Женщиною назвала́ бога́тыря:
Экаго посла здѣсь и не видано!“
Позаспо́рилась Забава съ княземъ-дядюшкой:
„Ай же ты, мой государь-свѣтъ дядюшка!
А не быть же то грозну́ послу—быть женщинѣ:
Всѣ примѣты у него по-женскому.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Я пойду, еще посла провѣдую:
Буде онъ не мо́лодецъ, а женщина,
Не пойдетъ стрѣлять онъ изъ туга́ лука.“
Выводилъ онъ тутъ двѣнадцать молодцо́въ-стрѣльцовъ,
Славныхъ все, могучіихъ бога́тырей,
Приходилъ къ Василію Микуличу:
„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
Не угодно ль со стрѣльцами да потѣшиться,
Изъ туга́ лука стрѣлять да за цѣлу́ версту?“
Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:
„Во чисто́мъ полѣ стрѣльцы мои оставлены.
Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
Я вѣдь съи́змала по у́лочкѣ побѣгивалъ,
Изъ туга́ лука съ ребятками пострѣливалъ.“
Выходили тутъ двѣнадцать молодцо́въ-стрѣльцовъ,
Изъ туга́ лука стрѣляютъ по сыру́ дубу,
Попадаютъ за цѣлу́ версту во си́рой дубъ;
Отъ ихъ стрѣлочекъ калёныихъ,
Отъ стрѣльбы ихъ богатырскія
Только си́рой дубъ шатается,
Будто отъ погоды сильныя.
Говоритъ посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ:
„Гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
Богатырскихъ вашихъ мнѣ луковъ не надобно.

Прикажи-ка мнѣ мой малый лу́къ подать,
Волокитное лучёнышко, завозное."
Какъ тутъ кинулись уда́лы добры мо́лодцы:
Подъ одинъ ли рогъ несутъ пять мо́лодцевъ,
Подъ другой другіе пять несутъ,
Тридцать мо́лодцевъ колчанъ калёныхъ стрѣ́лъ тащатъ.
Говоритъ посолъ Васильюшка Владиміру:
„Ужъ потѣшу-ка тебя я, князя солнышка!"
Какъ беретъ во рученьку во лѣвую
Стрѣ́лочку калёную булатную,
Вытяга́етъ ту́гой лукъ да за́ ухо:
Спѣла шёлкова тети́вка у туга́ лука,
Взвыла да пошла стрѣла калёная—
Всѣ тутъ сильные, могучіе бога́тыри
Бросилися будто угорѣлые,
Князь Владиміръ окара́чь напо́лзался;
Хле́снетъ стрѣлка по сыру́ дубу,
Изломала дубъ во че́ренья ножёвые.
Говоритъ посолъ Василій та́ковы слова:
„Какъ ни жаль сыра́ дуба мнѣ, крякови́стаго,
Болѣ жаль мнѣ стрѣлочки калёныя:
Не найти мнѣ стрѣлки во чисто́мъ полѣ."
Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ,
Говоритъ себѣ да таково́ слово:
„Развѣ самъ посла я попровѣдую."
Приказалъ принесть дощечку шахматну,
Понаставить золоты́ тавле́ечки,
Говорилъ послу да таковы́ слова:
„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
Не угодно ли со мной самимъ потѣшиться,
Поиграть во шахматы заморскіе?"
Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:
„Игроки мои въ чисто́мъ полѣ оставлены.
Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?

Я вѣдь съ́измала тавлейками посту́пывалъ,
Всѣхъ ребятокъ въ шашки-шахматы обыгрывалъ."
„Ай же ты, лихой игрокъ Васильюшка!
Ты поставь-ка на дощечку дани-выходы,
Самъ я, князь, поставлю стольный Кіевъ градъ."
Стали тутъ тавлейками засту́пывать,
Стали по доскѣ ходить-гулять.
Въ первый разъ посолъ ступе́нь ступилъ—
Ко Владиміру не до́ступилъ;
Во другой ступилъ—приста́ступилъ,
Въ третій разъ ступилъ—игру повы́игралъ,
Шахъ и матъ, да и тавлейки по́дъ доску:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Проигралъ ты мнѣ свой стольный Кіевъ градъ."
Говоритъ ему Владиміръ князь:
„Ты изволь меня, посолъ, взять головой съ женой!"
И прого́воритъ посолъ да таковы́ слова:
„А не надобно же мнѣ тебя съ княгинею,
Да не надобно и вашего мнѣ Кіева:
Ты отдай-ка за меня заму́жъ племянницу,
Молоду Забавушку Путятичну."
На великихъ радостяхъ Владиміръ князь
Не пошелъ Забаву больше спрашивать,
Сталъ любимую племянницу просватывать
За грозна́ посла Василія Микулича:
„А и гой же ты, Васильюшка Микуличъ сынъ!
Хоть сейчасъ честны́мъ пиркомъ да и за свадебку."
Зачали́ они справляти свадебку,
Заводили столованьице—поче́стенъ пиръ.
Пиръ идетъ у нихъ уже по третій день,
А сегодня имъ идти ко церкви божіей.
Закручинился посолъ тутъ, запечалился.
Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:
„Что же, молодой Васильюшка, не ве́селъ ты?

Что же буйную головушку повѣсилъ ты?“
Отвѣчаетъ молодой Васильюшка:
„Что-то мнѣ на разумѣ не весело:
Либо померъ дома ро́дный батюшка,
Либо матушка велѣла долго жить.
Нѣтъ ли у тебя веселыхъ загусе́льщиковъ,
Поиграть въ гусёлышки ярóвчаты,
Спѣть про новы времена, про нынѣшни
Да про стары времена, доселѣшни?“
Доставалъ Владиміръ загусельщиковъ—
Все играютъ да не весело,
Не могли развеселить посла.
Говоритъ посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Нѣтъ ли у тебя здѣсь затюре́мщиковъ,
Что́ умѣли бы играть въ гусёлышки?“
Выпускалъ Владиміръ затюремщиковъ,
Стали тѣ играть въ гусёлышки—
Все играютъ да не весело.
Говоритъ опять посолъ Васильюшка:
„А и гдѣ же здѣсь живетъ, во Кіевѣ,
Молодой торговый гость черниговскій,
Что по имени Ставёръ да сынъ Годиновичъ?
Про него идетъ молва великая,
Что куда гораздъ играть въ гусёлышки,
Пѣть про новы времена, про нынѣшни
Да про стары времена, доселѣшни.“
Говоритъ себѣ Владиміръ князь:
„Мнѣ какъ выпустить Ставра́, такъ не вида́ть Ставра,
А не выпустить Ставра́, такъ разгнѣвить посла.“
Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,
Посылаетъ за Ставро́мъ Годиновымъ.
Выводили съ погребовъ Ставра́ Годинова,
Приводили на поче́стенъ пиръ.

Повскочилъ посолъ тутъ на рѣзвы́ ноги,
Посадилъ Ставра́ да супроти́въ себя,
Супротивъ себя въ скамью дубовую.
Сталъ Ставёръ гусёлышки налаживать,
Сталъ ко стрункѣ струночку натягивать:
Первую наладилъ съ града Кіева,
А другу́ наладилъ изъ Чернигова,
Третію наладилъ изъ Царя́-града;
Сыгрыши повелъ великіе,
Величаетъ князя со княгинею,
А припѣвки припѣваетъ съ-за синя́ моря.
Всѣ князья да бо́яре сидятъ, дивуются,
Всѣ бога́тыри молчатъ, заслушались,
А послу вздремнулось, захотѣлось спать.
Говоритъ посолъ Ставру́ да таковы́ слова:
„Здравствуешь ты, развесёлый мо́лодецъ,
Молодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
Ты меня никакъ ни о́позналъ?“
Говоритъ въ отвѣтъ Ставёръ Годиновичъ:
„Не откуда жь мнѣ и знать тебя.“
Говоритъ посолъ да таковы́ слова:
„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Мнѣ твоихъ не надо даней-выходовъ,
Ты пожалуй-ка меня веселымъ мо́лодцемъ,
Молодымъ Ставро́мъ Годиновымъ.“
Говоритъ себѣ Владиміръ князь:
„Какъ отдать Ставра́, такъ не видать Ставра,
Не отдать Ставра́, такъ разгнѣвить посла.“
Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,
Отдавалъ Ставра́ послу съ рукъ на́ руки.
Говоритъ посолъ да таковы́ слова:
„Ай ты, молодой Ставёръ Годиновичъ!
Мы поѣдемъ-ка съ тобою во чисто́ поле,
Посмотрѣть дружинушку хоро́брую.“

Сѣли на добры́хъ коней, поѣхали,
Пріѣзжали ко дружинушкѣ хоро́броей.
Шелъ посолъ Василій во бѣло́й шатеръ,
Сокрутился Василисой въ платья женскія:
„Здравствуешь, Ставёръ Годиновичъ!
А теперь-то ты меня не знаешь ли?“
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ Годиновичъ:
„Здравствуешь, моя любимая семеюшка,
Молодая Василиса дочь Микулична!“
„А за что же ты, Ставёръ Годиновичъ,
Засажёнъ былъ княземъ въ погреба́ холодные?“
„Я тобой похвасталъ, молодой женой,
Что всѣхъ князей-бо́яровъ продашь да выкупишь,
Самого Владиміра съ ума сведешь.
А теперь скорѣй посядемъ на добры́хъ коней,
Въ свою сторону уѣдемъ, во Черниговъ градъ.“
Говорила Василиса дочь Микулична:
„А не честь же, не хвала намъ молодецкая
Воровски уѣхати изъ Кіева;
Мы поѣдемъ свадебку доигрывать.
Князья бо́яре-то проданы, выку́плены,
Солнышко Владиміръ князь съ ума сведёнъ.“
Воротилися во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князу ко Владиміру.
Говорила Василиса дочь Микулична:
„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!
Я, грозёнъ посолъ, Ставро́ва молода́ жена,
Василиса дочь Микулична,
Воротилась свадебку доигрывать.
Да отдашь ли за меня еще племянницу?“
Говоритъ Забава дочь Путятична:
„Ай же ты, мой дядюшка Владиміръ князь!
Чуть вѣдь смѣху не надѣлалъ ты по всей Руси,
Чуть не отдалъ дѣвицы за женщину!“

Солны́шко Владиміръ стольно-кіевскій
Со стыда повѣсилъ буйну голову,
Ясны очи утопилъ въ кирпичатъ полъ,
Самъ прогóворилъ да таковы́ слова:
„Благодарствуешь, Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
Зналъ похвастать молодой женой!
Всѣхъ съумѣла здѣсь она продать да выкупить,
А меня, Владиміра, съ ума свести.
За твою за похвальбу великую
Ты торгуй-ка вѣкъ во Кіевѣ,
Вѣкъ торгуй и по́ вѣку безпошлинно.“
Какъ тутъ стали отъѣзжать изъ Кіева
Въ свою сторону да во Черниговъ градъ
Молодой Ставёръ Годиновичъ
Съ молодою Василисою Микуличной,
Выходили провожать ихъ князь съ княгинею.
Тутъ ли про Ставра́ и старину́ поютъ,
Морю синему на ти́шину,
Всѣмъ вамъ, добрымъ лю́дямъ, на послу́шанье.

БЫЛИНА ВОСЬМАЯ.

СОЛОВЕЙ ВУДИМІРОВИЧЪ.

Высота ли—высота поднебесная!
Глубота—глубота океа́нъ-море!
Широко́ раздолье—по всей землѣ!
Глубоки́—темны омуты Днѣпровскіе!

* * *

Изъ-подъ дуба было, дуба сы́раго,
Изъ-подъ вяза, вяза съ-подъ червлёнаго,
Изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова,
Съ-подъ березыньки да съ-подъ кудрявыя,
Изъ-подъ камешка да изъ-подъ бѣлаго
Выходила, выбѣгала мать Днѣпра-рѣка,
Пала устьемъ въ море, море Черное.
Изъ-за моря, моря Чернаго,
Съ-за того лукоморья зелёнаго,
Ото славна города отъ Ве́денца,
По той матушкѣ да по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Какъ не чёрны тученьки затучили,
Какъ не си́ни облачки задёргали—
Выбѣгали-выгребали тридцать ко́раблей,
Тридцать ко́раблей да все червлёныихъ;
А одинъ корабликъ наперёдъ бѣжитъ,

Наперёдъ бѣжитъ да какъ сокóлъ летитъ.
Хорошо корабли изукрашены,
Хорошо корабли изпаряжены,
А сокóлъ-корабликъ получше всѣхъ:
Высокóшенько головушка приподнята,
Носъ-корма сведены по-туриному,
Широки́ бока по-звѣриному—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Вмѣсто очей было вставлено
По драгóму камню по яхонту,
Вмѣсто бровей было врощено
По заморскому черному соболю,
Вмѣсто усовъ было воткнуто
Два булатные острые ножичка,
Вмѣсто ушей было вдёргано
Два горностаюшка зимніе—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Вмѣсто гривы было прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя заморскія,
Вмѣсто хвоста повѣшано
Два медвѣдя бѣлые заморскіе—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Тонки парусы были дорогой камки,
Дорогой камóчки хрущатыя,
Толсты снасти-канаты семи шелковъ,
Остры якори были булатные,
А колечики у якорей серебряныя,
Еще лапочки были золóченыя—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Середи того сóкола-кораблика
Чердачёкъ стоитъ зéленъ мурáвленый,
Потолокъ подёрнутъ рытымъ бархатомъ,
Стѣны крыты-обиты чернымъ соболемъ,
Изнавѣшаны лисицами-куницами,

Дорогими соболя́ми заморскими.
Въ чердачкѣ—бесѣдочки сидѣльныя,
На бесѣдочкахъ сидитъ купа́въ молоде́цъ,
Молодой Соловей сынъ Буди́міровичъ, ([31])
Со своей государыней со матушкой,
Съ молодой Ульяной Васильевной,
А вокругъ сидитъ его дружинушка,
До трехъ сотъ молодцо́въ переборны́хъ;
У всѣхъ платье одѣто скурла́тъ-еукна,
Кушаками подпоясаны шёлковыми,
На головкахъ шляпочки пуховыя,
А на ножкахъ сапожки-зелёнъ сафьянъ,
На сапожкахъ пряжечки серебряныя,
А подбиты гвоздочками золо́ченными.
Молодой Соловей сынъ Буди́міровичъ
Во гусёлышки играетъ во яровчатыя,
Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
На́игрышъ по-голосу налаживаетъ,
По звонча́тымъ струночкамъ похаживаетъ,
Игры-сы́грыши ведетъ отъ Царя́-града,
А другіе ведетъ отъ Ерусо́лима,
И всѣ малыя припѣвки съ-за сипя́ моря,
Съ-за синя́ моря Веденецкаго,
Съ-за того лукоморья зелёнаго;
Звеселяетъ родитель-матушку,
Молодую Ульяну Васильевну,
Спотѣшаетъ дружину хоро́брую.
Какъ встаетъ тутъ Соловей со бесѣдушки,
По кораблику по со́колу похаживаетъ,
Желтыми кудёрками потряхиваетъ,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы послушайте-ка братца бо́льшаго,

Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Подымайте всѣ па́русы хрущатые,
Побѣгайте ко славному ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру."
Они слушали братца бо́льшаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Подымали всѣ парусы хрущатые,
Побѣгали ко славному ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.
Говоритъ Соловей сынъ Буди́міровичъ:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы берите-ка щу́палы желѣзныя,
Щу́палы желѣзныя, долгомѣрныя,
Щупайте во славномъ во синёмъ морѣ,
Мѣряйте лудья подводныя,
Чтобы намъ, молодца́мъ, проѣхати."
Они дѣлали дѣло повелѣное:
Брали щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
Щупали во славномъ во синёмъ морѣ,
Лудья подводныя проѣхали.
Говоритъ молодой Соловеюшко:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Возставайте-ка на реи на верхпія,
Поглядите-ка на славный на Кіевъ градъ,
Далеко́ ли стоитъ славный Кіевъ градъ,
Поглядите пристань корабельную,
Чтобы намъ, молодца́мъ, попасть туда."
Они дѣлали дѣло повелѣное:
Возставали на реи на верхнія,
Говорятъ сами́ таковы́ слова:
„Ай ты, младъ Соловей сынъ Буди́міровичъ!
Не далёко стоитъ славный Кіевъ градъ,

Пометали три сходеньки на крутъ бережокъ,
Брали тѣ подарки умильные,
Самъ беретъ онъ гусёлышки яровчаты,
И пошелъ на славный княженецкій дворъ.

И видать ужь пристань корабельную."
Скоро ѣхали-проѣхали подъ Кіевъ градъ,
Забѣга́ли во пристань корабельную,
Остры якори метали во Днѣпру-рѣку.
Говоритъ опять Соловеюшко:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы мечите-ка три сходеньки на крутъ бережо́къ:
Перву сходеньку мечите золо́ченую,
Другу сходеньку мечите серебряную,
Третью сходеньку мечите повóлжаную;
Да берите-ка подарочковъ умильныихъ:
Дорогихъ соболе́й, куницъ да лисицъ,
А и матушки камóчки заморскія,
Что заморскія камóчки узорчатыя."
Они дѣлали дѣло повелѣное:
Пометали три сходеньки на крутъ бережокъ,
Брали тѣ подарочки умильные,
Самъ беретъ онъ гусёлышки яровчаты
Да идетъ по сходеньки золóченой,
Его матушка идетъ по серебряной,
А хоробрая дружина по повóлжаной.
И пошелъ онъ на славный княженецкій дворъ;
Входитъ прямо во гридню свѣтлую,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
И поклоны ведетъ по учёному,
На всѣ три на четыре стороны,
Князю солнышку Владиміру въ особину,
Подаётъ ему подарочки умильные:
Дорогихъ соболе́й, куницъ да лисицъ,
А ту матушку камóчку узорчатую
Молодой княгинюшкѣ Апраксіи,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„Принимайте худые подарочки,

А на златѣ-серебрѣ не погнѣваться.“ (32)
Князю солнышку дары полюбилися,
А княгинюшкѣ наипаче того,
Развернула камо́чку — дивуется,
На плечахъ головушка качается:
Что камочка-то двуличнева,
Въ красномъ золотѣ не со́гнется,
Въ чистомъ се́ребрѣ не сломится,
Жемчуго́мъ круго́мъ изнасажена;
Да не дорого столько злато-се́ребро,
Сколько до́роги узоры заморскіе:
Всѣ-то хитрости на нихъ Царя́-града,
Всѣ-то мудрости Ерусо́лима,
А все замыслы Соловья Буди́мірова. (33)
Воспрого́воритъ княгиня Апраксія:
„Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
Ты умѣй-ка честить добра мо́лодца,
Ты умѣй-ка его и пожаловати.“
Воспрого́воритъ князь стольно-кіевскій:
„Гой ты, душечка, удалый добрый мо́лодецъ!
Ты не царь ли какой, не царевичъ ли,
Не король ли какой, королевичъ ли?
За твои за подарочки умильные
Какъ тебя честить, чѣмъ жаловати?
Города ль тебѣ надо съ пригоро́дками,
Али сёла тебѣ надо со присёлками,
Али надо безсчетной золотой казны?“
Отвѣчаетъ Соловей Буди́мировичъ:
„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій!
„Какъ не царь я, не царевичъ я,
Не король, не королевичъ я,
Какъ торговый я гость съ-за сини́ моря,
Ото славнаго города отъ Ве́денца,
Молодой Соловей сынъ Буди́мировичъ.

И не надо городовъ мнѣ съ пригоро́дками,
И не надо мнѣ сёлъ со присёлками,
И не надо безсчетной золотой казны—
У меня и своей ести до́-люби.“
„Гой еси ты, Соловей сынъ Буди́мірович!
Такъ зачѣмъ же ты побывалъ сюда?
Не торго́мъ ли торговать на съѣздъ ко мнѣ,
Аль пріѣхалъ такъ, на житьё пожить?“
Отвѣтъ держитъ младъ Соловеюшко:
„Не торго́мъ торговать на съѣздъ къ тебѣ,
Я пріѣхалъ такъ, на житьё пожить.
За твоей за лаской княженецкою
Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить:
Ты позволь мнѣ мѣстечка мале́шечко,
Гдѣ построить, поставить бы три те́рема.“
Говоритъ ему князь стольно-кіевскій:
„А ты стройся-ка на горкѣ на конноей,
Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
Гдѣ малые ребятки калачи продаютъ,
Калачи продаютъ, барышничаютъ.“ (34)
„Какъ ужь горка-то конная мнѣ не́ люба,
Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
Гдѣ малые ребятки калачи продаютъ,
Калачи продаютъ, барышничаютъ.
Ужь ты дай-ка мѣстечко мнѣ подлѣ себя,
У своей, государь, племянницы,
Молодой Забавы Путятичны,
Во ея, государь, зелено́мъ саду,
Въ вишеньѣ да въ орѣшеньѣ.“
И возго́воритъ Владиміръ таково́ слово:
„За твои за подарки великіе,
За твои за рѣчи учливыя,
Ты бери себѣ мѣсто, гдѣ прилюбится,
Въ зелено́мъ хоть саду во Забавиномъ,

Въ вишеньѣ да въ орѣшеньѣ."
„Благодарствуешь, князь стольно-кіевскій,
На твоей почесткѣ княженецкоей!"
Скоро тутъ Соловей поворотъ держалъ,
Приходилъ ко дружинушкѣ хороброей,
Воспрогóворилъ да таковы́ слова:
„Гой вы, братцы, дружинушка хоробрая!
Вы послушайте-ка братца бóльшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Скидывáйте кафтанцы скурлатъ-сукна,
Надѣвайте кожáнцы рабочіе,
Разувайте сапожки-зелёнъ сафьянъ,
Обувайте лапотцы липовые,
Берите топорики булатные,
Подите во Забавинъ во зелёный садъ,
Поставьте мнѣ въ вишеньѣ въ орѣшеньѣ
Къ утру-свѣту три терема златоверхіихъ,
Что верхи́ бы со верхáми совивáлися,
Совивáлися да соплетáлися,
Молодая Забава Путятична
На верхи бы на тѣ оглядѣлася,
Намъ самимъ бы съ утра туда жить пойти."
Они слушали братца бóльшаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Скидывáли кафтанцы скурлатъ-сукна,
Надѣвали кожáнцы рабочіе,
Разували сапожки-зелёнъ сафьянъ,
Обували лапотцы липовые,
Брали топорики булатные,
Скоро шли во Забавинъ зелёный садъ;
Съ поздня вечера до полу́ночи
Будто дятлы въ дерево пощелкивали,
А къ полу́ночи поспѣли три терема,
Что верхи́-то со верхами совиваются,

Совиваются да соплетаются,
Въ теремáхъ трое сѣничекъ снарядныихъ:
Первы сѣнички—рѣшётчатыя,
Други сѣнички—стекольчатыя,
Третьи сѣнички—красна золота;
А вокругъ поставленъ булатный тынъ,
По серёдочкѣ—гостиный дворъ;
Къ утру-свѣту туда и жить пошли.
Зазвонили рано къ заутренѣ,
Ото сна Забава пробуждалася,
Поглядѣла во окошечко косящатое,
Во хорошій свой, во зелёный садъ,
Въ вишенье да въ орѣшенье—
Счудовáлася Забава, сдивовáлася:
Во хорошемъ ея, во зеленóмъ саду
Что стоятъ три терема златоверхіе,
Во-четвёртыхъ стоитъ гостиный дворъ.
Говорила Забава дочь Путятична:
„Что за чудо теперь мнѣ счудúлося,
Зá ночь пиво-вино воспрокурúлося?
Ай вы, нянюшки мои да мамушки,
Ай вы, красныя сѣнныя дѣвушки!
Вы подите-ка, поглядите-ка:
Какъ вечóръ-то стоялъ мой зелёный садъ,
Какъ стоялъ онъ вечóръ пустúмъ-пусто,
А теперичко стоитъ густúмъ-густо:
Три построено въ немъ терема златоверхіихъ,
Во-четвёртыхъ построенъ гостиный дворъ.“
Отвѣчаютъ ей нянюшки, мамушки,
Ея красныя сѣнныя дѣвушки:
„Ай ты, матушка Забавушка Путятична!
Ты изволь-ка сама сходить, посмотрѣть:
Твое счастье къ тебѣ вѣдь на дворъ пришло.“
Скоро тутъ Забава наряжается:

Обувала башмачки́ на босу́ ногу,
Надѣвала накидничекъ на одно плечо,
Подвязалася платочкомъ шёлковымъ,
Брала за́ руку любезную подручницу,
По крылечику спущалась полего́шенько,
По дорожкѣ бѣжала поскорёшенько
Во хорошій свой, во зелёный садъ,
Въ вишенье да въ орѣшенье.
Какъ у перваго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у рѣшётчатыхъ—
Въ тоемъ теремѣ ли стучитъ-бренчитъ,
Стучитъ-бренчитъ, щелчитъ-молчитъ: (35)
Тутъ лежитъ Соловьёва золота́ казна,
Золота́ казна безсчетная.
У другаго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у стекольчатыхъ—
Въ этомъ теремѣ шопотко́мъ говорятъ:
Тутъ старушечка Богу молится,
За любимое чадо умаливаетъ,
За младаго Соловья Буди́мірова.
Какъ у третьяго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у золо́ченыхъ—
Въ этомъ теремѣ во гудки́ гудятъ,
Во гусёлки играютъ-наигрываютъ,
Пляшутъ, скачутъ, поютъ, прикоку́иваютъ:
Соловьёва тутъ дружинушка хоро́брая,
А и самъ Соловей сынъ Буди́мировичъ.
Говоритъ Забава дочь Путятична:
„Ай же ты, любезная подручница!
А зайдемъ-ка мы во терёмъ съ тобой.“
Заходили онѣ въ сѣни золо́ченыя,
Отворяли во терёмъ двери на́-пяту—
А и больно тутъ Забава испужалася,
Чудо въ теремѣ ей показалося:

Солнце на́ небѣ—солнце и въ теремѣ,
Мѣ́сяцъ на́ небѣ—мѣсяцъ и въ теремѣ,
Звѣзды на́ небѣ—звѣзды и въ теремѣ,
Зо́ри на́ небѣ—зо́ри и въ теремѣ,
А и вся красота поднебесная.
Во одномъ ли углу говорятъ-гуторя́тъ,
Во другомъ ли поютъ, во гудки гудятъ,
Во гусёлки играютъ во звончáтыя,
На серёдкѣ идутъ смѣхи, скокъ да плясъ,
А и всякія утѣхи несказáныя.
Испужалася Забава, перепáлася,
Подломились ея ноженьки рѣзвыя.
Молодой Соловейко догадливъ былъ,
Побросалъ гусёлки звончáтыя,
Подхватилъ красну дѣвицу за бѣлы́ ручки,
Становилъ ее на рѣзвы́ ножки,
Поклонился, дѣвицу поздравствовалъ:
„А и здравствуешь, Забавушка Путятична,
Молодая княженецкая племянница!“
Поклонилася Забава понизёшенько,
Говорила сама да поскорёшенько:
„Ай ты, душечка, заѣзжій добрый мóлодецъ!
Ты ли, мóлодецъ, холостъ, нежéненъ есть,
Да и я, красна дѣвица, на вы́даньѣ.“ (36)
Говоритъ Соловей сынъ Будíміровичъ:
„Всѣмъ ты, дѣвица, мнѣ въ любовь пришла,
Тѣмъ лишь, дѣвица, мнѣ не прилюбилася,
Что сама себя, дѣвица, просватала.“
Какъ тутъ дѣвица прослезилася,
Со дѣвичьяго стыда со великаго
Поскорёшенько поворóтъ держитъ,
Поворотъ держи́тъ, домой бѣжитъ.
А самъ душечка Соловей сынъ Будíміровичъ
Во сердцáхъ-то на то не осéрдился,

Какъ идетъ онъ поскорёшенько,
Поскорёшенько идетъ, скорымъ-скоро
Къ князю солнышку большимъ сватомъ,
Князю солнышку низко кланяется,
Говоритъ самъ таковы слова:
„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій!
Какъ зашелъ я къ тебѣ докладъ держать;
Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить.“
Говоритъ ему князь стольно-кіевскій:
„Гой еси ты, младъ Соловеюшко!
А какой ты зашелъ мнѣ докладъ держать?“
„Я такой-то зашелъ докладъ держать—
Что о добромъ дѣлѣ, о сватовствѣ.
Есть любимая у тебя племянница,
А нельзя ль за меня ее замужъ отдать?“
Какъ тутъ правили они рукобитьице,
Какъ просваталъ князь стольно-кіевскій
Ту любимую свою племянницу
За млада Соловья да Будимірова,
Какъ пошелъ у нихъ почестенъ пиръ,
А честнымъ пиркомъ и за свадебку.
Приходилъ тутъ душечка добрый молодецъ
Соловеюшко сынъ Будимировичъ,
Бралъ ее, красну дѣвицу, за бѣлы ручки,
И пошли они съ дѣвицей въ церковь божію,
Золотыми перстнями обручалися,
Золотыми вѣнцами повѣнчалися.
Какъ завѣяла-пошла тутъ повѣтерь
По той славной по Днѣпрѣ-рѣкѣ,
Молодой Соловей сынъ Будимировичъ
Скоро съ княземъ солнышкомъ прощается,
На соколъ-корабликъ свой сбирается
Съ молодой Забавушкой Путятичной,
Со своей со родной матушкой,

Со своей дружинушкой хороброей;
Самъ по соколу-кораблику похаживаетъ,
Желтыми кудёрками потряхиваетъ,
Говоритъ да таковы слова:
„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы послушайте-ка братца большаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Вы снимайте сходеньки со бережка,
Поднимайте якори булатные,
Распускайте парусы хрущатые,
Поѣзжайте за славно синё море,
Ко тому лукоморью зелёному,
Да во славную землю Веденецкую.“
Они дѣлали дѣло повелѣное:
Брали сходеньки со бережка,
Поднимали якори булатные,
Распускали парусы хрущатые;
Выбѣгаютъ-выгребаютъ тридцать кораблей,
Впереди всѣхъ бѣжитъ соколъ-корабль
По той матушкѣ по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Да ко славному ко синю морю.

* *
*

Глубокій—темны омуты Днѣпровскіе!
Широко раздолье—по всей землѣ!
Глубота—глубота океанъ-море!
Высота—высота поднебесная!...

БЫЛИНА ДЕВЯТАЯ.

ИСЦѢЛЕНІЕ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Ой вы, люди мои, люди добрые,
Люди добрые, сосѣди ближніе!
Вы прійдите-ка посидѣть ко мнѣ,
Вы скажите-ка мнѣ про старое,
Про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца.

* *
*

Въ старину было́ въ стародавнюю,
Когда князь Владиміръ вѣнецъ держалъ,
Во томъ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во большомъ селѣ во Карачаровѣ, (37)
Жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ;
У того крестьянина изо всѣхъ дѣтей
Было дѣтище одно любимое,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Какъ сидѣлъ онъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ,
На печи ли яму подъ собой протёръ.
День и ночь онъ Богу молится,
Восполо́шится только, опомнится,
Какъ заслышитъ вѣсти отъ странниковъ

Про того Соловья разбойника,
Что́ доро́гу залегъ на Кіевъ градъ;
Станетъ спрашивать о немъ, вывѣдывать.
„Что́ тебѣ до разбойника, дитятко?“
Говоритъ государь его батюшка.
Ничего онъ на то не отвѣтствуетъ,
Самому же все и во снѣ и въявь
Соловей разбойникъ представляется—
И молиться окаянный не дастъ ему!
Приходило время лѣтнее,
Время страдное, дни сѣнокосные,
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ его со матушкой, (38)
Да со всѣмъ семействомъ любимымъ,
На работу́шку на ту крестьянскую,
Очищать отъ дубья́-колодья́ пожню,—
Оставался дома одинъ Илья.
Идутъ мимо тутъ старцы незнакомые,
Нища братія, калики перехожіе, (39)
Становились подъ окошечко косящато,
Говорили Ильѣ таковы́ слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
Возставай-ка на рѣзвы́ ноги,
Отворяй-ка ворота́ широкія,
Впускай-ка каликъ во хра́мину,
Подавай-ка каликамъ напитися.“
Отвѣтъ держитъ каликамъ Илья Муромецъ:
„Ай же вы, калики перехожіе!
Радъ бы васъ впустить во хра́мину,
Радъ бы вамъ подать напитися,
Да вотъ сиднемъ сижу ужь тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣю ни рукъ, ни ногъ.“
Говорятъ калики перехожіе:
„Ай же ты, Илья, возставай-ка самъ!“

Илья Муромецъ сидитъ, силу пробуетъ:
Тронетъ правую ногу—поднимается,
Тронетъ лѣвую—и та поднимается.
Возставалъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Отворялъ воротá широкія,
Впускалъ каликъ во хрáмину;
Взялъ тогда братúну въ полтора ведра,
Опускался въ подвалы глубокіе,
Наливалъ братúну пивомъ крѣпкіимъ,
Подносилъ каликамъ перехожіимъ.
Отпивали калики перехожіе,
Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
„А испей-ка, Илья, ты послѣ насъ.“
Принималъ отъ каликъ Илья Муромецъ,
Испивалъ братúну за единый духъ—
Только пиво-то и видѣли.
У Ильюши сердце разгорѣлося,
Тѣло бѣлое да распотѣлося.
И возговорятъ калики перехожіе:
„Что́ теперь ты чуешь въ себѣ, Илья?“
Бьетъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
„Чую здравіе въ себѣ великое.“
Говорятъ калики перехожіе:
„А подай-ка ты намъ еще испить.“
Взялъ Илья братúну больше прежняго,
Опускался въ подвалы ниже прежняго,
Наливалъ братúну пивомъ крѣпче прежняго,
Подносилъ каликамъ перехожіимъ.
Отпивали калики перехожіе,
Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
„А испей-ка еще ты послѣ насъ.“
Испивалъ онъ братúну за единый духъ—
Только пиво-то и видѣли.
И возговорятъ калики перехожіе:

„Что́ теперь ты чуешь въ себѣ, Илья?“
„Слышу силушку въ себѣ великую:
Кабы столбъ былъ отъ земли до небушка,
Во столбу утверждено золото́ кольцо—
За кольцо бы взялъ, перевернýлъ землю.“
Говорятъ калики промежъ себя:
„Много силушки дано Ильѣ:
Не снесетъ его мать-сыра́ земля.
Надо будетъ поубавить ему силушки.“
Говорятъ калики Ильѣ Муромцу:
„А подай-ка ты намъ еще испить.“
Взялъ Илья брати́ну больше прежняго,
Опускался въ подвалы ниже прежняго,
Наливалъ брати́ну пивомъ крѣпче́ прежняго,
Подносилъ каликамъ перехожіимъ.
Отпивали калики перехожіе,
Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
„А испей-ка еще ты послѣ насъ.“
Испивалъ онъ брати́ну за единый духъ—
Только пиво-то и видѣли.
И возго́ворятъ калики перехожіе:
„Много ль чуешь еще въ себѣ силушки?“
„Да убавилось будто на половинушку.“
„А и будетъ съ тебя этой силушки.
Будешь ты, Илья, великъ богатырь,
На бою тебѣ смерть не написана.
Ты постой-ка за вѣру христіянскую,
Бейся-ра́тися съ силой невѣрною,
Со бога́тырями сильными, могучими
Да со всею поленицею уда́лою;
Не ходи только драться-ра́титься
Со могучимъ Святогоромъ-бога́тыремъ:
Черезъ силу носитъ его земля;
Не бейся и съ родомъ Микулинымъ:

Его любитъ матушка-сыра земля;
Не ходи еще на Вольгу́ Всеславьича:
Онъ не силой возьметъ, такъ хитростью-мудростью.
А теперь доставай-ка себѣ коня.
Коня добраго, коня богатырскаго:
Выходи во раздольице чисто́ поле:
Какъ услышишь заржучись жеребчика,—
Что́ запроситъ крестьянинъ за жеребчика,
Хоть запроситъ цѣлыхъ пятьсотъ рублей—
Ты давай за него пятьсотъ рублей.
Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
Бѣлояровой пшеной его откармливай,
Ключевой водой его отпаивай:
А пройдетъ тому времени три мѣсяца—
Ты по три́ ночи въ саду его поваживай,
Въ трехъ роса́хъ его во утреннихъ выкатывай, (40)
Подводи ко тыну ко высокому:
Станетъ конь тутъ поигрывать, поплясывать,
Головою повертывать, потряхивать,
Въ лошадиныя ноздри пофыркивать,
Черезъ тынъ взадъ-впередъ перескакивать—
Ты сѣдлай тогда добра́ коня,
Полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
Поѣзжай на немъ во чисто́ поле,
Повезетъ онъ тебя по святой Руси,
И бога́тыремъ сильнымъ, святорусскіимъ
Ты по всей святой Руси прославишься.'
Тутъ калики ушли, потерялися,
И пошелъ Илья ко родителямъ,
За три по́прища о́тъ дому на за́ймище,
На работушку на ту крестьянскую,
Отъ дубья́-колодья́ очистить палъ,
Отъ работы отъ той поумаявшись,
Его ро́дные отдыхаютъ-спятъ.

Взялъ Илья топоръ во бѣлы́ ручки,
Началъ чистить по́жню-займище:
Все дубьё-колодьё повырубилъ,
Во глубокую рѣку повыгрузилъ,
Развалилъ все займище великое
И топоръ по корень въ пень воткнулъ—
Не начистили семействомъ всѣмъ въ три дня,
Сколько онъ начистилъ въ три́ часа.
Какъ возстали со сна родители,
Удивлялись они, испужалися:
„Что за чудо такое подѣялось?
Кто сработалъ за насъ работушку?“
Подходилъ къ нимъ тутъ Илья Муромецъ,
Разсказалъ про каликъ перехожіихъ,
Какъ поилъ онъ ихъ пивомъ крѣпкіимъ,
Какъ давали и они ему испить,
Какъ почуялъ онъ здравіе великое,
Получилъ великую силушку.
И пошелъ Илья во чисто́ поле,
Услыхалъ заржучись жеребчика.
Какъ ведетъ мужикъ жеребчика,
Жеребчика косматаго, шелудиваго. (41)
Не рядился Илья, купилъ жеребчика,
Становилъ его въ срубъ на три мѣсяца,
Бѣлояровой пшеной его откармливалъ,
Ключевой водой его отпаивалъ;
А прошло тому времени три мѣсяца—
Сталъ по три́ ночи въ саду его поваживать,
Въ трехъ роса́хъ его во утреннихъ выкатывать,
Подводилъ ко тыну ко высокому;
Сталъ жеребчикъ поигрывать, поплясывать,
Головою повертывать, потряхивать,
Въ лошадиныя ноздри пофыркивать,
Черезъ тынъ взадъ-впередъ перескакивать.

Осѣдлалъ, зауздалъ его Илья,
Полагалъ на него доспѣхи крѣпкіе,
Говорилъ самъ таковы слова:
„Ай ты, славный мой, богатырскій конь!
Послужи-ка мнѣ вѣрою-правдою!“
Обкольчужился Илья, облатился,
Сталъ пытать мечи булатные:
Какъ сожметъ въ кулакѣ рукоять меча—
Сокрушится рукоять, разсыплется;
Кинулъ бабамъ мечи онъ лучину драть,
Самъ беретъ три по́лосы булатныя,
Въ каждой по́лосѣ-то по три́ пуда,
Три стрѣлы изъ полосъ себѣ выковалъ,
Закалилъ во утробѣ мать-сырой земли,
Положилъ ихъ во глубокъ колчанъ,
Положилъ во налучникъ свой ту́гой лукъ,
Бралъ съ собою ко́пье долгомѣрное,
Бралъ еще и палицу булатную.
Какъ не сы́рой дубъ къ землѣ клонится,
Не листочки по землѣ разстилаются—
Разстилается сынъ передъ батюшкой,
Себѣ проситъ благословеньица
Да на вѣки нерушимые:
„Гой еси ты, родимый, милый батюшка!
Ужь ты дай-ка мнѣ благословеньице:
Я пое́ду во славный сто́льный Кіевъ градъ,
Заложиться за князя за Владиміра,
Послужить ему вѣрою-правдою,
Постоять за вѣру христіянскую.“
Говоритъ старый Иванъ Тимоѳеевичъ:
„Гой ты свѣтъ мой, чадо порождёное!
Я на добрыя дѣла благословлю тебя,
На худыя дѣла благословенья нѣтъ.
Какъ пое́дешь ты путемъ-дорогою,

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистóмъ полѣ христіянина."
Поклонился Илья отцу дó земли,
Заходилъ еще за Оку-рѣку
Ко тому Миколѣ Заручéвскому,
Отслужилъ обѣдню запрестольную,
Становилъ свѣчу въ двадцать пять рублей,
Посулилъ впередъ пятьдесятъ рублей,
Самъ давалъ завѣты великіе:
„Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа,
Межь обѣдней ранней и утренней,
Поспѣвать ко столу княженецкому,
Ко обѣду тому воскресенскому,
Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
Не натягивать тугá лука,
Не накладывать каленóй стрѣлы,
Не кровавить копья долгомѣрнаго,
Не кровавить и палицы булатныя."
На прощанье еще во лáдонку
Взялъ земельки родной малу горсточку,
На прощанье пустилъ по Окѣ-рѣкѣ
Оржанаго хлѣбушка корочку,
Самъ Окѣ-рѣкѣ приговаривалъ:
„А спасибо жь тебѣ, матушка Ока-рѣка,
Что поила, кормила Илью Муромца."
Еще видѣли—сѣлъ на коня Илья,
А не видѣли—куда поѣздку далъ.

БЫЛИНА ДЕСЯТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ, ЧЕРНИГОВЦЫ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Охъ вы, рощи, рощи зелены́я! ли́пушки цвѣтны́я!
Вы, куста́чки молодые! вы, орѣшнички густые!
Разростились, расплодились по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, все по бы́стрыимъ рѣкамъ,
'коло Волги, 'коло Камы, 'коло Дона-рѣки!
Обтекаютъ эти рѣчки славны русски города,
Протекаетъ рѣка Волга 'коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывутъ-то, восплываютъ кра́сны лодочки на ней:
Кра́сны лодочки краснѣютъ, чёрны шляпоньки чернѣютъ,
Чёрны шляпоньки чернѣютъ на гребцахъ-молодца́хъ,
На само́мъ-то на старшо́мъ-то чёрна со́боля колпакъ.
Они ѣдутъ-воспѣваютъ все про Муромски лѣса,
Они хвалятъ-величаютъ все уда́ла молодца́,
Все уда́ла молодца́ Илью Муромца!

* *
*

Какъ изъ славна города изъ Мурома,
Изъ того села изъ Карачарова
Начиналася поѣздка богатырская:
Выѣзжалъ удалый добрый мо́лодецъ
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Онъ стоялъ заутреню во Муромѣ,

Положилъ завѣты крѣпкіе:
Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
Межь обѣдней раннею и утренней,
Поспѣвать къ обѣду княженецкому,
Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
Рукъ дорожкой не кровавити.
Какъ перво́й ускокъ свой богатырскій конь
Далъ во полпути отъ Мурома—
Съ-подъ копытъ его ударилъ ключъ живой;
У ключа Ильюша сы́рой дубъ срубилъ,
Надъ ключомъ часовню устанавливалъ,
На часовнѣ имечко свое подписывалъ:
„Ѣхалъ святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.“
О сю по́ру льется родничокъ живой,
О сю пору же стоитъ надъ нимъ часовенька; (42)
А въ ночи́ къ ключу студёному
Ходитъ звѣрь-медвѣдь воды испить,
Понабраться силы богатырскія.
Какъ другимъ ускокомъ богатырскій конь
Перенесъ Ильюшу черезъ Муромъ градъ;
А за третіимъ ускокомъ Илья Муромецъ
Подъѣзжалъ ко городу Чернигову. (43)
У того ли города Чернигова
Силы-ра́тища стойтъ черны́мъ черно,
Нагнано что́ чёрно во́рона.
Подступили подъ Черниговъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце неуёмчиво, разго́рчиво:
Что́ веселый огонёчикъ разыграется,
Что́ морозъ палящій разгорается.
Говоритъ себѣ Ильюша таково́ слово:
„Не хотѣлось бы отцу быть супротивникомъ,
Не хотѣлось бы и заповѣдь пере́ступить;

Да хоть всякій заповѣди кладывалъ,
А не всякій заповѣди сдерживалъ."
Подъѣзжаетъ онъ ко силушкѣ великоей,
Да не хочетъ натянуть свой тугой лукъ,
Палицу, копье свое кровавити—
Сырой дубъ беретъ онъ въ три обоймени,
Изъ земли повывернулъ, повыдернулъ
Со каменьями да со кореньями,
Сталъ сырымъ дубомъ по силушкѣ погуливать,
Силушку добрымъ конемъ потаптывать;
Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,
Отмахнется—часты площади;
Добивается до трехъ царевичей,
Говоритъ имъ таковы слова:
„Охъ, вы гой еси, мои царевичи!
Во полонъ ли мнѣ васъ, братцы, взять,
Али буйны головы съ васъ снять?
Какъ въ полонъ васъ взять—дѣвать васъ некуда:
У меня дороженьки заѣзжія,
У меня хлѣба завозные;
А какъ головы снять—царски сѣмена сгубить.
Разъѣзжайтесь-ка вы по своимъ ордамъ,
По своимъ ордамъ да по своимъ мѣстамъ,
Да чинити, разносите такову славу,
Что святая Русь да не пуста стоитъ,
Есть еще на матушкѣ святой Руси
Сильные, могучіе богатыри."
Заѣзжалъ онъ тутъ во славный во Черниговъ градъ,
Подъѣзжалъ ко церкви божіей,
Къ тому Ивану ко Великому:
А во церкви божьей люди Богу молятся,
Каются да пріобщаются,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаются.
Заходилъ Илья во славный божій храмъ,

Крестъ кладетъ да по писа́ному,
И поклонъ ведетъ да по учёному:
Поклоняется святому Спасу образу,
Во-другихъ святыя божьей матери,
Въ-третьихъ всему міру христіянскому:
„Ужь вы здравствуйте-ка, мужичкй черниговцы!
Вы объ чемъ тутъ каетесь да пріобщаетесь,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаетесь?“
Отвѣчаютъ мужичкй черниговцы:
„Мы объ томъ тутъ каемся да пріобщаемся,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаемся,—
Обступили нашъ Черниговъ три царевича,
Наступаютъ силой трижды сорокъ тысячей.“
Говоритъ имъ Илья Муромецъ:
„Вы идите-ка на стѣну городо́вую,
Посмотрите во чисто́ поле
На ту силу трижды сорокъ тысячей.“
Шли черниговцы на стѣну городо́вую,
Со стѣны смотрѣли во чисто́ поле
На ту силу трижды сорокъ тысячей:
Гдѣ стояла сила во чисто́мъ полѣ,
Тамъ стоятъ одни знамёна да не русскія,
Много множество знамёнъ, какъ во темно́мъ лѣсу,
Во темно́мъ лѣсу сухаго дерева;
А народу тамъ прибито да прива́лено,
Будто градомъ нива выбита, присѣчена.
Бьютъ челомъ Ильѣ черниговцы низко́мъ низко:
„Гой же ты, удалый добрый мо́лодецъ!
Ты кое́й земли, кое́й орды,
Кое́го отца да ко́ей матушки,
Какъ тебя, удалый, именё́мъ зовутъ?
Ты иди-ка къ намъ въ Черниговъ воеводою,
Ты суди суды надъ нами правильно,
Будемъ всѣ тебя мы слушати.“

Говоритъ въ отвѣтъ имъ Илья Муромецъ:
„Не дай Господи съ холопа дѣлать барина,
Съ барина холопа, съ палача попа,
Воеводу дѣлати съ бога́тыря!
Я изъ той земли, изъ той орды,
Изъ того изъ города изъ Мурома,
Изъ того села изъ Карачарова,
Святору́сскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
Не хочу идти къ вамъ воеводою!
Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
Прямоѣзжую во стольный Кіевъ градъ."
Не хотятъ пускать его черниговцы,
Насыпаютъ чашу красна золота,
Насыпаютъ чашу чиста се́ребра,
Насыпаютъ третью скатна жемчугу,
Всѣ ему подносятъ во подарочекъ.
Не беретъ Илья ихъ злата-се́ребра,
Не беретъ ихъ скатна жемчугу,
Проситъ указать дорожку прямоѣзжую.
Говорятъ ему черниговцы:
„Ай же ты, удалый добрый мо́лодецъ!
Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
Заколодѣла дорожка, замура́вѣла;
Какъ по той пути-дороженьки
Тридцать лѣтъ никто пѣхотою не хаживалъ,
На добромъ конѣ никто не ѣзживалъ.
А стоятъ тамъ три заставушки великія:
Первая застава(44) — во лѣсахъ во Брынскіихъ
Грязь топучая, корба́ зыбучая;
А другая— у березы у покляпыя,
У той славной рѣчки у Смородиной,(45)
У того креста у Леванидова,
Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семи́ сукахъ,

Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ;(46)
Какъ засвищетъ онъ по-соловьиному,
Зашипитъ, разбойникъ, по-змѣ́иному,
Закричитъ, собака, по-звѣриному—
Отъ того отъ по́свисту соло́вьяго,
Отъ того отъ по́шипу змѣинаго,
Отъ того отъ по́крику звѣринаго
Всѣ-то травушки-мура́вы уплетаются,
Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
А что́ есть людей—то всѣ мертвы́ лежатъ.
Третья ли заставушка великая—
Домъ стоитъ у Соловья разбойника
На семи дубахъ да на семи верстахъ;
Какъ живетъ тамъ молода жена Соло́вьева
Со тремя со дочерьми родимыми—
Мимо не пройти ни конному, ни пѣшему.
Прямоѣзжей-то дорожкой будетъ триста верстъ,
А окольною дорожкой цѣла тысяча."

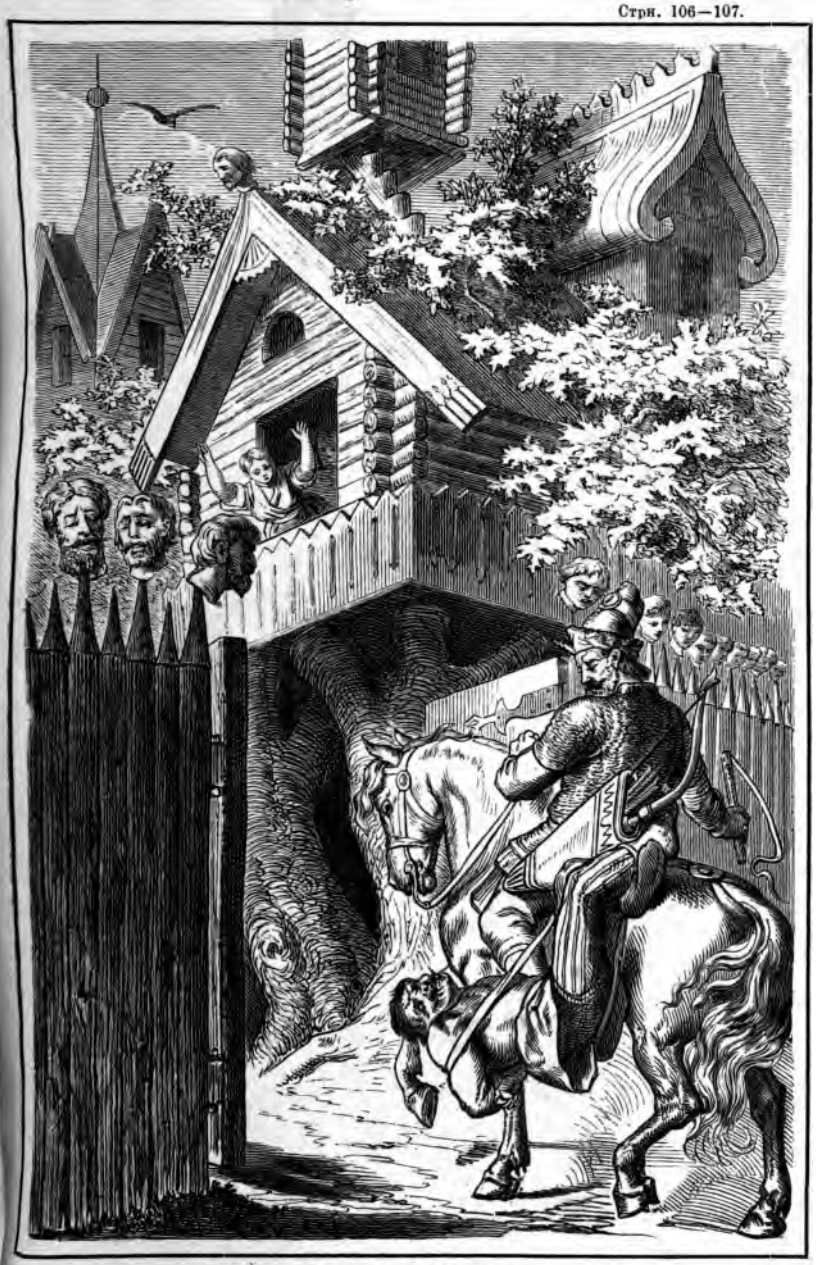
Пораздумался удалый Илья Муромецъ:
„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Ѣхати дорожкою окольною,
Ужь поѣду-ка дорогой прямоѣзжею."

Какъ не буйны вѣтрушки завѣяли—
Какъ поѣхалъ тутъ удалый добрый мо́лодецъ
Неокольною дорожкой, прямоѣзжею;
Бралъ во ручку плёточку шелко́веньку,
Билъ коня да по тучны́мъ бедрамъ,
Вынуждалъ скакать всей силушкой великою;
Осержался добрый богатырскій конь,
Со горы на го́ру перескакивалъ,
Со холма да на́ холмъ перемахивалъ,
Мелки рѣченьки, озёрка промежъ ногъ спускалъ.
И привезъ его онъ во лѣса во Брынскіе,

И повезъ съ собою по чисту́ полю.
Сталъ тутъ добрый конь его поскакивать,
Соловеюшко у стремени поплясывать.
И подъѣхалъ онъ ко третьей ко заставушкѣ—
Ко тому ко до́му Соловьиному;
А стоитъ онъ на семи дубахъ,
На семи дубахъ да на семи верстахъ,
Около двора идетъ желѣзный тынъ,
А на всякой ты́чинкѣ по ма́ковкѣ,
По головушкѣ по богатырскоей.
Какъ живетъ тамъ молода жена Соло́вьева
Акулина дочь Дудентьевна,
Какъ живутъ съ ней дѣтушки родимыя:
Старшая—Невея Соловьевична,
Средняя—Ненила Соловьевична,
И меньша́я Пелька Соловьевична.
Какъ глядятъ тѣ дѣтушки Соло́вьевы
Во окошечко косящато,
Сами говорятъ да таковы́ слова:
„Ай ты, наша матушка-родителекъ,
Акулина дочь Дудентьевна!
Ѣдетъ государь нашъ батюшка
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ,
На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскоемъ,
А везетъ онъ мужичищу-деревенщину
У булатнаго у стремени нрико́вана,
Кверху ноженьки, а внизъ головушка.“
Прибѣгала Акулина дочь Дудентьевна,
По́ поясъ въ окошечко бросалася,
Закричала жалкимъ голосомъ:
„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!
Ѣдетъ мужичище-деревенщина,
На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскоемъ,

X. Илья Муромецъ и соловей разбойникъ.

Стрн. 106—107.



„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!
Ѣдетъ мужичище-деревенщина,
А везетъ-то государя-батюшку.“

А везетъ-то государя-батюшку
У булатнаго у стремени прикована,
Кверху ноженьки, а внизъ головушка.
Вы бѣгите-ка скорѣе на широкій дворъ,
Поднимите подворотеньку чугунную,
Да убейте на проѣздѣ въ воротáхъ его,
Выручите батюшку желаннаго!“
Побѣжали эти дочушки Соло́вьевы,
Впереди всѣхъ Пелька Соловьевична;
Поднимала Пелька подворотеньку,
Подворотеньку во девяносто пудъ,
Ладила ударить Илью въ буйну голову.
Да была его ухватка богатырская,
Осадилъ Илья назадъ добра́ коня,
Пролетѣла мимо подворотенька.
Пнулъ еще ногою дѣвку по́дъ спину—
Улетѣла дѣвка за широкій дворъ,
Нажила́ себѣ увѣчье вѣковѣчное. (47)
Закричалъ тутъ дѣткамъ во всю голову
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:
„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!
Подворотней ли убить вамъ мо́лодца,
Коли самъ я свистомъ не сразилъ его?
Вы зовите мо́лодца въ гостёбище,
Вы дарите мо́лодца подарками,
Выкупа́йте батюшку желаннаго.“
Стали звать онѣ Илью въ гостёбище,
Выносили цѣнные подарочки,
Золотой казны даютъ ему три тысячи—
Не беретъ Ильюшенька трехъ тысячей;
Обѣщаютъ тридцать тысячей—
Не беретъ и тридцати онъ тысячей:
„Мнѣ подарочковъ неправедныхъ не надобно,

И не выдамъ вамъ я батюшки-разбойника;
Я свезу его во Кіевъ градъ,
На вино пропью да на калачъ проѣмъ."
„Ай же ты, удалый добрый мо́лодецъ!
Ты бери съ насъ злата-се́ребра,
Ты бери съ насъ скатна жемчугу,
Сколько сможетъ увезти твой добрый конь,
Сколько самъ снесешь на пле́чахъ богатырскіихъ;
Только намъ оставь кормильца-батюшку,
Хоть не ради прокормленьица,
Хоть бы ради поглядѣньица."
Говоритъ Илья имъ таковы́ слова:
„Ай вы, малы дѣтушки Соло́вьевы!
Не оставлю и на поглядѣньице.
Поѣзжайте-ка за мною на прощеньице:
Покладите все имѣніе-богачество,
Всю несчётну золоту́ казну
На телѣги на ордынскія,
Да катите къ славну стольну Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру:
Можетъ, тамъ вамъ и отдамъ кормильца-батюшку."
Самъ поѣхалъ къ славну стольну Кіеву,
Поспѣвалъ еще къ обѣденькѣ ко позднеей.
Входитъ онъ во славный божій храмъ,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Всѣмъ святымъ иконамъ поклоняется:
„Не исполнилъ я завѣта божьяго,
Окрававилъ руки въ человѣчью кровь:
Надо бы служить во храмѣ Богу мо́лебенъ."
Отстоявши позднюю обѣденьку,
Ѣдетъ ко палатамъ княженецкіимъ,
Пріѣзжалъ на княженецкій дворъ,
Привязалъ коня ко столбику точёному,

Ко тому колечку золочёному,
Дверь въ палаты на́-пяту размахивалъ,
Заходилъ во гридню княженецкую,
Клалъ тутъ крестъ да по писа́ному,
Велъ поклоны по учёному,
На четыре на сторонки низко кланялся,
Князю солнышку съ княгинею въ особину,
Всѣмъ еще князьямъ его да подколѣнныимъ.
Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:
„Здравствуешь, удалый добрый мо́лодецъ!
Ты коéй земли, коéй орды?
Какъ тебя, скажись, зовутъ по имени,
Нарекаютъ по отечеству?“
Отвѣчаетъ добрый мо́лодецъ:
„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
Я изъ славна города изъ Мурома,
Изъ того села изъ Карачарова,
Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
А давно ль ты выѣхалъ изъ Мурома,
А какой дорожкой ѣхалъ ты во Кіевъ градъ?“
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
„Я стоялъ заутреню во Муромѣ,
Положилъ завѣты крѣпкіе:
Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
Межъ обѣдней раннею и утренней,
Поспѣвать къ обѣду княженецкому.
Да дорожкой дѣло призамѣшкалось:
Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
Мимо славна города Чернигова,
Ѣхалъ ли еще лѣсами Брынскими,
Мимо той березыньки покляпыя,

Мимо славной рѣченьки Смородиной,
Мимо славнаго креста да Леванидова;
Лишь поспѣлъ къ обѣденькѣ ко позднеей."
Какъ сидѣлъ Алеша тутъ Поповскій сынъ,
Говоритъ Алешенька Владиміру:
„Гой ты, ласковое солнышко Владиміръ князь!
Во глазахъ дѣтина завирается,
Во глазахъ надъ нами насмѣхается!
Ужь ему ли, деревенщинѣ, проѣхати
Прямохожею дорожкой, прямоѣзжею?
У того у города Чернигова
Силы на́гнано черны́мъ черно:
Сѣру заюшкѣ въ три года вкругъ не о́бскакать,
Ясну соколу въ три года да не о́блетѣть.
Во лѣсахъ во Брынскихъ грязь топучая,
Грязь топучая, корба́ зыбучая;
А у той березы у покляпыя,
У той славной рѣчки у Смородиной,
У того креста у Леванидова,
Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семи́ сукахъ,
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ;
Какъ засвищетъ онъ по-соловьиному,
Зашипитъ, разбойникъ, по-змѣиному,
Закричитъ, собака, по-звѣриному—
Всѣ-то травушки-мура́вы уплетаются,
Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
А что́ есть людей—то всѣ мертвы́ лежатъ."
Говоритъ удалый Илья Муромецъ:
„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Соловей разбойникъ на твоемъ дворѣ;
Выбилъ я ему, злодѣю, правый глазъ,
Приковалъ его ко стремечку булатному."
Какъ тутъ солнышко Владиміръ стольно-кіевскій

Возставалъ скорéнько на рѣзвы ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно́ плечко,
Соболи́ну шапочку да на одно́ ушко,
Выходилъ съ княгиней на широкій дворъ
Посмотрѣть на Соловья разбойника;
Какъ тутъ пометались всѣ князья да бо́яре,
Покидались всѣ могучіе бога́тыри:
Богатырь Самсонъ Самойловичъ,
Богатырь Суханъ Домантьевичъ,
Богатырь Добрынюшка Никитичъ младъ,
Богатырь Алешенька Поповскій сынъ,
Съ ними семь брато́въ Сбродовичей,
Два еще брата́ Хапилова,
Да еще ли мужики Залѣшане—
Выбѣгали всѣ за княземъ на широкій дворъ,
Подбѣгали къ Соловью разбойнику.
А разбойничекъ виситъ у стремени,
Травянымъ мѣшкомъ виситъ, согну́тъ корча́гою,
Лѣвымъ глазомъ-то глядитъ на Кіевъ градъ,
Правымъ глазомъ, что́ подстрѣленъ, на Черниговъ градъ.
Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Засвищи-ка ты по-соловьиному,
Зашипи-ка по-змѣиному,
Закричи-ка по-звѣриному.
Пусть потѣшатся мои князья да бо́яре,
Пусть услышатъ всѣ могучіе бога́тыри.“
Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:
„Не у васъ сегодня хлѣба кушаю,
Такъ не васъ сегодня и послушаю;
Я сегодня кушалъ у Ильи у Муромца,
Одного Ильюшу и послушаю.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!

Прикажи-ка ты разбойнику
Засвистать по-соловьиному,
Зашипѣть да по-змѣиному,
Закричать да по-звѣриному."
Говоритъ удалый Илья Муромецъ:
„Ужь ты гой еси, нашъ батюшка Владиміръ князь!
Не во гнѣвъ бы вамъ съ княгиней показалося:
Я тебя ли, батюшку, возьму подъ пазушку,
Подъ другой прикрою матушку княгинюшку.
Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Ужь потѣшь-ка князя батюшку,
Засвищи-ка да полу́-свистомъ,
Зашипи-ка да полу́-шипомъ,
Закричи-ка да полу́-крикомъ."
Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:
„Ай ты, славный Илья Муромецъ!
Какъ не ходятъ у меня уста саха́рныя,
Запеклись горючей кровью, запечатаны:
Ты стрѣлилъ меня во правый глазъ,
Выходила стрѣлка во лѣво́ ухо.
Прикажи-ка князю солнышку
Чару мнѣ налить да зелена́ вина;
Какъ повыпью зелена́ вина,
Тутъ мои кровавы раны поразо́йдутся,
Тутъ мои уста саха́рны порасходятся,
Засвищу я вамъ тогда по-соловьиному,
Зашиплю вамъ по-змѣиному,
Закричу вамъ по-звѣриному."
Говоритъ Илья князю́ Владиміру:
„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Ты поди-ка въ горенку столовую,
Наливай-ка чару зелена́ вина,
Да не малую стопу—во полтора ведра,
Разводи ее меда́ми да стоялыми,

Подноси да Соловью разбойнику."
Скоро князь Владиміръ стольно-кіевскій
Шелъ во горенку столовую,
Налилъ чару зелена́ вина,
Да не малую стопу—во полтора ведра,
Разводилъ ее медами да стоялыми,
Подносилъ собакѣ Соловью разбойнику.
Принялъ чару Соловей одной рукой,
Выпилъ чару за единый вздохъ,
Да отъ той отъ чары ли собаку хмѣль зашибъ,—
Не послушался наказа онъ Ильюшина,
Засвисталъ во весь во соловьиный свистъ,
Зашипѣлъ во весь змѣиный шипъ,
Закричалъ во весь звѣриный крикъ.
Отъ того отъ по́свисту соло́вьяго,
Отъ того отъ по́шипу змѣинаго,
Отъ того отъ по́крику звѣринаго—
Ма́ковки на теремахъ покри́вились,
Стеклышки въ оконницахъ поло́пались,
Со двора всѣ ко́ни разбѣжалися,
Всѣ князья со бо́ярами пали за́мертво,
Всѣ могучіе бога́тыри припа́дали,
Окара́кой по́ двору распо́лзались,
Самъ Владиміръ князь съ княгинею
Еле живъ стоитъ, шатается,
У Ильи подъ пазушкою укрывается:
„Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
Ты уйми-ка Соловья разбойника,
Чтобы не свисталъ по-соловьиному,
Князей-бо́яровъ оставилъ мнѣ на сѣмена!"
Какъ катя́тъ тутъ дѣтушки Соло́вьевы
На широкій княженецкій дворъ
Много множество телѣгъ ордынскіихъ.
На имѣніе-богачество Соло́вьево

Солнышко Владиміръ князь обзáрился.
Говоритъ удалый Илья Муромецъ:
„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!
Не тобой они приказаны,
Не тобой же и назадъ отпустятся!—
Гой вы, малы дѣтушки Солóвьевы!
Вы катите-ка опять назадъ къ себѣ
Все свое имѣніе-богачество,
Всю несчётну золотýю казну:
Не видать ужь вамъ кормильца-батюшки;
Вамъ не надо пó міру скитатися,
Будетъ чѣмъ до смерти пропитатися,
Обойдётеся и безъ кормильца-батюшки.“
Покатили дѣтушки Солóвьевы
Все имѣніе-бóгачество—заплакали.
Говоритъ Илья разбойнику:
„Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Я велѣлъ тебѣ свистать полý-свистомъ:
Ты почтó свисталъ во весь во соловьиный свистъ?“
Какъ отдернетъ онъ разбойника отъ стремени,
Выводилъ за ручки во чистó поле,
Ко сырý дубу привязывалъ,
Тýгой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Стрѣлочку калёную накладывалъ
И стрѣлилъ ему во бѣлу грудь,
Раздробилъ злодѣю бѣлу грудь,
Говорилъ самъ таковы́ слова:
„Полно же тебѣ свистать по-соловьиному,
Полно же тебѣ шипѣть да по-змѣиному,
Полно же тебѣ кричать да по-звѣриному,
Полно же тебѣ слезить отцовъ да мáтерей,
Полно же тебѣ вдовить молóдушекъ,
Полно же тебѣ сирóтать малыхъ дѣтушекъ!“
И спрогóворилъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Благодарствуешь, удалый Илья Муромецъ,
Что избавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
Нареку тебѣ я имечко по новому:
Будь ты первый богатырь во Кіевѣ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Да живи у насъ во стольномъ Кіевѣ,
Вѣкъ живи отнынѣ по́ вѣку!“
И пошли они къ обѣду княженецкому.
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Гой еси, ты первый богатырь нашъ кіевскій,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
Жалую тебя тремя мѣстами я:
Перво мѣсто—въ рядъ со мной садись,
Друго мѣсто—въ рядъ съ княгинею,
Третье мѣсто—куда самъ захошь.“
Заходилъ Илья со ко́нничка,
Пожалъ всѣхъ князей да бо́яровъ,
Сильныихъ, могучіихъ бога́тырей:
Очутился противъ самаго Владиміра.
Смѣлому Алешѣ за бѣду́ пало,
Взялъ Алеша со стола булатный ножъ,
Кинулъ во Илью во Муромца;
На лету поймалъ Илья булатный ножъ,
Да воткнулъ его въ дубовый столъ.
Говоритъ Ильѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Гой ты, первый богатырь нашъ кіевскій,
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
Держимъ всѣ мы на тебя надёжу крѣпкую;
Ужь прими-ка ты меня, Добрынюшку,
А со мной и моего ли братца ме́ньшаго,
Смѣлаго Алешеньку Поповича,
Во свои во братья во крестовые:
Будешь ты, Илья, намъ братцемъ бо́льшіимъ,
Я, Добрыня, буду братцемъ среднімъ,

А Алеша—братцемъ меньшіимъ."
Говоритъ ему Алешенька Поповичъ младъ:
„Во своемъ ли ты умѣ, Добрынюшка,
Во своемъ ли, братецъ мой, во разумѣ?
Самъ изъ роду ты, Добрыня, изъ боярскаго,
Я, Алешенька, изъ стараго поповскаго,
А ему никто не знаетъ роду-племени,
Принесло его невѣсть откудова,
Назвался крестьянскимъ сыномъ изъ-подъ Мурома,
Да чудитъ у насъ во Кіевѣ, уродствуетъ."
Былъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ,
Говоритъ Ильѣ Самсонъ Самойловичъ:
„Гой ты, мой возлюбленный племянничекъ,
Первый богатырь нашъ Илья Муромецъ!
На Алешку больно ты не гнѣвайся:
Роду онъ поповскаго, захлыщева,
И каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянъ,
Лучше всѣхъ бранится, лучше ссорится!"
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, дядюшка Самсонъ Самойловичъ!
Не во гнѣвъ же и тебѣ будь сказано:
Самъ доселѣ слылъ ты старшіимъ богáтыремъ,
А теперь кого въ племянники пожаловалъ,
Надъ собою нáбольшимъ кого призналъ?
Деревенщину, засельщину!"
Говоритъ Самсонъ Самойловичъ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты гораздъ играть во гýсельцы звончáтыя,
Пѣть про времена про стародавнія.
Вынимай-ка гýсельцы звончáтыя,
Поналадь-ка струнки золочёныя,
Выбирай-ка сыгрыши хорóшеньки,
Спой Алешѣ на послýшанье старинушку
Про того про деревенскаго богáтыря,

Про Микулу Селянинова.“ (48)
Вынималъ Добрыня гу́сельцы звонча́тыя,
Сталъ шелко́выя тетивочки потягивать,
Золочёны струночки подлаживать,
Учалъ по тѣмъ струночкамъ похаживать,
Учалъ-почалъ голосомъ поваживать;
Выигрышъ беретъ со матушки святой Руси—
Про того Микулу Селянинова,
А напѣвки все свои, Добрынины.

БЫЛИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

„Ой вы, люди мои, люди добрые!
Я скажу вамъ старину стародавнюю:
„Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Народился младъ Вольга́ Всеславьевичъ.
Сталъ Вольга́ ростѣть-матерѣть,
Обучался Вольга́ многимъ мудростямъ:
Щукой-ры́бою ходить во си́ніихъ моряхъ,
Птицей-со́коломъ летать подъ о́болока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чи́стыихъ поляхъ.
Уходили всѣ рыбушки въ глубокіе стани́,
Улетали всѣ птичущки за о́болока,
Убѣгали всѣ звѣрюшки во тёмные лѣса.
Сталъ онъ, Вольга́, ростѣть-матерѣть,
Подбиралъ себѣ дружинушку хоро́брую,
Свёрстныхъ себѣ волосомъ да голосомъ,
Рѣчью, пословицей, походкою,
Всей поступочкою молодецкою,
Тридцать мо́лодцевъ да безъ единаго,
Самъ-то Вольга́ былъ во тридцатыихъ.
„Какъ не стали мужики тутъ со двухъ городовъ:
Съ славна Гурчевца да со Орѣховца,
Даней-пошлинъ платить во Кіевъ градъ,—
Молодой Вольга́ Всеславьевичъ

Со дружинушкой хоро́брою справляется,
За получкой къ городамъ тѣмъ снаряжается;
Все берутъ они жеребчиковъ молоденькихъ,
Все молоденькихъ берутъ да темнокаріихъ.
„Вотъ посѣли на добры́хъ коней, поѣхали,
Выѣзжали во раздольице чисто́ поле,
Услыхали во чисто́мъ полѣ ора́тая:
Оретъ въ по́лѣ ора́тай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшики по камешкамъ почи́ркиваютъ.
Ѣдутъ мо́лодцы впередъ до оратая,
Ѣдутъ день они съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Оретъ въ по́лѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Другой день они ѣдутъ до оратая,
Другой день съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Оретъ въ по́лѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Третій день они ѣдутъ до оратая,
Третій день идетъ ко по́лудню—
Только тутъ оратая наѣхали.
Оретъ въ по́лѣ оратай, понукиваетъ,
На кобылушку свою погукиваетъ,
Съ края въ край бороздочки помётываетъ,
Въ край уѣдетъ—и другаго не видать;
Изъ земли дубья-колодья вывёртываетъ,
А великіе ка́менья всѣ въ бо́розду валитъ;
Только кудри у оратая качаются,
Скатнымъ же́мчугомъ по пле́чамъ разсыпаются.
У оратая кобылка-то соло́вая,

На кобылкѣ гужики шелкóвые,
Хвостъ-отъ до земли разстилается,
Грива колесомъ завивается.
Сошка у оратая дубовая,
А омѣшики на сошкѣ чиста сéребра,
На омѣшикахъ присошекъ красна золота.
„Говоритъ Вольгá таковы́ слова:
„—Богъ тебѣ пóмочь, орáтаюшко!
Что орать ли, пахать да крестья́нствовати,
Съ края въ край бороздки помётывати!—
„Говоритъ оратай таковы́ слова:
„—Да поди-ка ты, Вольгá Всеславьевичъ!
Надо Божью пóмочь намъ крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки помётывати.
Самъ далече ль ѣдешь, куда путь держи́шь
Со своею со дружинушкой хорóброю?—
„Говоритъ Вольгá таковы́ слова:
„—Ѣду съ града Кіева ко двумъ городамъ:
Къ славну Гурчевцу да ко Орѣховцу:
Не хотятъ мужики даней-пошлинъ платить.—
„— Ай ты, младъ Вольгá Всеславьевичъ!
Во томъ Гурчевцѣ да во Орѣховцѣ
Мужики-то живутъ все разбойники:
Я недáвно былъ тáмъ—третьёго дни,
Закупилъ себѣ соли цѣлыхъ три́ мѣха,
А и въ каждомъ мѣху́ было пó сту пудъ,
Положилъ на кобылку на солóвую,
На кобылку на солóву *Обнеси-Голова́*,
Самъ я, мóлодецъ, садился—ровно сорокъ пудъ,
И поѣхалъ по Гурчевцу-Орѣховцу.
Какъ тутъ стали мужики меня захватывать,
Тѣ разбойники гурчевцы-орѣховцы,
Стали грóшей подорожныхъ съ меня просить.
Сталъ я грóшей подорожныхъ мужикамъ дѣлить;

Да чѣмъ меньше грошей стало ставиться,
Тѣмъ просителей все больше стало ставиться.
А я былъ съ шалыгой подорожною,
Сталъ дѣлить имъ грóшей подорожныихъ:
Да кой стоя стоялъ, тотъ и сидя сидитъ,
А кой сидя сидѣлъ, тотъ и лёжа лежитъ—
Положилъ ихъ, разбойниковъ, до тысячи.—
„— Ай же ты, орáтай-орáтаюшко!
Поѣзжай-ка ты со мною во товарищахъ.—
„Собрáлся съ нимъ оратай во товарищахъ,
Съ сошки гужики шелковеньки повы́стегнулъ,
Да кобылку солóвеньку повы́вернулъ,
Самъ садился на кобылку солóвеньку;
Всѣ посѣли на добры́хъ коней, поѣхали.
„Говоритъ оратай таковы́ слова:
„— Ай же ты, Вольгá Всеславьевичъ!
А оставилъ я вѣдь сошку во борóздочкѣ;
Да не для́-ради прохожаго-проѣзжаго:
Маломожный наѣдетъ—не управится,
А богатый наѣдетъ—не позáрится;
Не наѣхалъ бы на сошку свой братъ мужикъ:
Онъ какъ сошку съ земельки-то повы́дернетъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повы́тряхнетъ,
Да изъ сошки омѣшики повы́колнетъ—
Нечѣмъ будетъ самому́ мнѣ крестьянствовати.
Ужь пошли-ка ты дружинушку хорóбрую,
Чтобы сошку съ земельки повы́дернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повы́тряхнули,
Бросили бы сошку за ракúтовъ кустъ.—
„Посылаетъ Вольгá Всеславьевичъ
Со своей со дружи́нушки хорóбрыя
Трехъ самолучшихъ добрыхъ мóлодцевъ,
Чтобы сошку съ земельки повы́дернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повы́тряхнули,

Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Ѣдутъ къ сошкѣ три могучихъ мóлодца,
За рогачъ они сошку вокругъ вертя́тъ,
А не могутъ сошки съ земли поднять.
Посылаетъ Вольга́ десять мóлодцевъ—
Ѣдутъ къ сошки цѣлымъ десяточкомъ,
За рогачъ они сошку вокругъ вертя́тъ,
Сошки отъ земли поднять нельзя.
Посылаетъ всю дружинушку хорóбрую,
Тридцать мóлодцевъ безъ единаго—
Ѣдутъ къ сошкѣ всѣ тридцать безъ единаго,
За рогачъ берутъ сошку, вокругъ вертя́тъ,
Отъ земельки сошки все поднять нельзя.
Говоритъ оратай таковы́ слова:
„— Ай ты, младъ Вольга́, княженецкій сынъ!
Не дружинушка у тебя хорóбрая,
А немудрая у тебя одна хлѣбоясть.—
„Самъ подъѣхалъ къ сошкѣ оратаюшко,
За рогачъ бралъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повы́дернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повы́тряхнулъ,
Подхватилъ да махнулъ въ ракитовъ кустъ—
Улетѣла сошка подъ óболока,
Пала́ сошка на́ земь за ракитовъ кустъ,
Во сыру́ землю до рогача ушла. (49)
Сѣли на коней опять, поѣхали.
„Говоритъ Вольга́ Всеславьевичъ:
„— Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Мы поѣдемъ-ка съ тобою въ запуски.—
„У оратая кобылка ступкóмъ идетъ,
У Вольги́-то конь побѣгиваетъ;
У оратая кобылка рысью идетъ,
У Вольги́-то конь поскакиваетъ;
У оратая кобылка грудью пошла,

Самъ подъѣхалъ къ сошкѣ орáтаюшко,
Подхватилъ да махнулъ въ ракитовъ кустъ—
Улетѣла сошка подъ óболока.

А Вольги́нъ-то конь и гнаться не могъ.
Сталъ Вольга́ оратаю покрикивати,
Сталъ Вольга́ колпакомъ помахивати:
„—Стой-ка ты, постой, оратаюшко!
Кабы эта кобылка конёмъ была,
За коня бы я далъ пятьсотъ рублей.—
„Говоритъ въ отвѣтъ оратаюшко:
„—Глупый ты, Вольга́, неразумный, Вольга́!
Я кобылку взялъ жеребёночкомъ,
Однолѣткомъ-жеребёночкомъ съ-подъ матушки,
Далъ за жеребёночка пятьсотъ рублей,
А теперь цѣна кобылкѣ цѣла тысяча.
Кабы эта кобылка да конёмъ была,
Экому коню бы смѣты не было.—
„Говоритъ Вольга́ Всеславьевичъ:
„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Какъ тебя, скажись-ка, именéмъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отечеству?—
„—Ай ты, младъ Вольга́ Всеславьевичъ!
Я какъ ржи напашу да въ ски́рды сложу,
Въ скирды сложу, съ поля вы́волочу,
Съ поля вы́волочу, дома вы́молочу,
Драни надеру да пива накурю,
Пива накурю да гостей заберу,—
Станутъ гости пить, станутъ кушати,
Станутъ здравствовать меня да похваливати:
„Ай ты здравствуешь, Микула Селяни́новичъ!“—
„Ѣхали впередъ добры мо́лодцы,
Подъѣзжали подъ Гурчевецъ-Орѣховецъ,
Да наѣхали на драку, на великій бой .(50)
Мужики-то эти гурчевцы-орѣховцы
Отъ дали́ узнали добрыхъ мо́лодцевъ,
А и были же злодѣи тутъ догадливы:
На той рѣченькѣ ли да на быстроей

Понадѣлали мосточиковъ поддѣльныихъ.
Молодой Вольга́ самъ догадливъ былъ:
Посылалъ на мосточики впередъ себя
Эту силушку—дружинушку хоро́брую.
Какъ зашла эта силушка великая
Да на тѣ на мосточики поддѣльные,
Подломилися мосточики поддѣльные,
Стала сила въ рѣченькѣ тонуть да гину́ть.
Какъ тутъ младъ Вольга́ со Микулушкой
Поразсе́рдилися́ да поразгнѣвалися,
Приправляли за рѣченьку добры́хъ коней,
Однимъ скокомъ скочили на тотъ бережокъ,
Стали-по́чали злодѣевъ чествовати,
Чествовати да жаловати,
Оплетьми ихъ до́-люби нахлыстывати:
„— А и вотъ же вамъ, ребята, за дурачество!—
„Какъ клянутся тутъ ребята, заклинаются:
„—Трое проклятъ будетъ на вѣку изъ насъ,
Кто еще съ такими мо́лодцами свяжется,
Заведетъ съ вами драку, великій бой!—
„Стали вкругъ ихъ ходить, оглядывати,
Промежду́ собой да поговаривати:
„— А вѣдь этотъ-то, ребята, и третьёго дни былъ,
И третьёго дни былъ, насъ, мужичковъ, побилъ!—
„Собиралися ребята, извинялися,
Понизе́нько молодца́мъ поклонялися:
„—Ужъ вы гой еси, уда́лы мо́лодцы!
Получайте-ка всѣ дани съ насъ, невыплаты.—
„Бралъ Вольга́ съ нихъ дани-невыплаты,
Со Микулой скоро поворотъ держалъ,
Поворотъ держалъ во стольный Кіевъ градъ.
Тѣмъ поѣздка эта и рѣшилася.
„А и то старина, то и дѣянье!“

* *
*

Какъ замолкнулъ молодой Добрынюшка,
Положилъ на лавку гу́сельцы звончáтыя,
Воспроговорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
Пилъ допре́жь ты чарочку заздравную,
А теперь повыпей-ка забавную,
Во-первы́хъ за то, что распотѣшилъ насъ,
Во-другихъ за то, что ко стыду привелъ
Смѣлаго Алешеньку Поповича:
Во скамьѣ сидитъ Алешка, не сворóхнется,
Утопилъ глаза завидливы въ дубовый столъ.“
Наливалъ Добрыня чару зелена́ вина,
Да не малую стопу—во полтора ведра,
Разводилъ ее медкомъ стоялыимъ,
Возымаетъ чару единóй рукой,
Выпиваетъ чару за единый вздохъ.
Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
А не тѣмъ лишь та поѣздка кончилась:
Какъ Вольга́ во Кіевъ градъ воро́чался,
Тутъ Микула, слышно, зазывалъ Вольгу
Въ домъ свой во гостёбище почéстное.
Какъ пріѣхали къ посельицу Микулину,
Выходили въ стрѣту имъ три дѣвицы,
Славныя три дочери Микулины,
Поленицы молодыя все, уда́лыя,
Всѣ въ родителя и силою, и мудростью:
Старша—Василиса дочь Микулична,
Средня—Марья дочь Микулична
И меньша́—Настасья дочь Микулична,
Принимали гостя съ честью-почестью...“
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
Поленицъ уда́лыхъ и забылъ какъ разъ!

Ты поди-ка, сослужи-ка Богу мо́лебенъ,
Что Микула твой уже преставился:
За твою за память молодецкую
Наградилъ бы онъ тебя изъ рукъ своихъ
Тѣми-же грошáми подорожными—
Шелепугой подорожною.
Хоть и живы дочери Микулины,
Да вотъ та, что́ поумнѣе, старшáя
Василиса дочь Микулична
За Ставрá Годинова замýжъ пошла,
Во Черниговѣ теперь за муженькомъ живетъ,
На печи лежитъ да калачи жуетъ;
Всѣхъ съумѣла здѣсь продать да выкупить,
А Владиміра-то князя и съ ума свела:
И тебя не обошла бы благодарностью.
Но вотъ сёстры у нея еще на вы́даньѣ,
Обѣ поленицы же удáлыя,
Во раздольицѣ чисто́мъ полѣ поля́куютъ;
Вы сѣдлайте-ка скорѣй добры́хъ коней,
Ты, Добрыня, со своимъ со братцемъ бóльшiимъ,
Съ первымъ ли богáтыремъ Ильею Муромцемъ,
Выѣзжайте во раздольице чисто́ поле,
Во чисто́мъ полѣ порыскайте, покли́кайте:
Можетъ, выкличите поленицъ удáлыихъ;
Тутъ побить ихъ во бою вамъ, добрымъ мóлодцамъ,
Уже дѣло не великое—послѣднее;
А кто поленицу во бою побьетъ,
За того она вѣдь и замýжъ идетъ.
Прямо въ церковь божью ко злату́ вѣнцу,
Отъ вѣнца честны́мъ пиркомъ ли и за свадебку!
Только буде, какъ Ставрá Годинова,
Приберутъ васъ ко бѣлы́мъ рукамъ—
Не взыщите, братцы, не прогнѣвайтесь!“
Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Старому жениться—не ко младости,
Вѣкъ со бабой бабиться—не къ радости.
Да не биться мнѣ и съ родомъ со Микулинымъ:
Любитъ мать-сыра́ земля его.
А случитъ нелегкая посъѣхаться
Съ поленицею уда́лой во чисто́мъ полѣ—
Изъ сѣдла собью дѣвчи́ну на сыру́ землю;
Коли взмо́лится—спущу во живности,
Заупрямится—предамъ и смерти скороей.
Да не дай мнѣ Боже биться съ бабою,
Дай мнѣ поединщиковъ-бога́тырей,
Супроти́въ меня могучихъ супротивниковъ!
Тутъ какъ самъ Господь положитъ на́ душу:
Либо силушки другъ у́ друга отвѣдаемъ,
Либо же крестами побратаемся.“
А Алеша все не унимается,
Говоритъ Ильѣ, самъ усмѣхается:
„Коль наѣдетъ мужика Микулушка,
Своего же брата гурчевца-орѣховца—
Силушку надъ мужикомъ извѣдаетъ,
Нахлыстаетъ шелепугой до́-люби;
А наѣдетъ сильнаго бога́тыря,
Такъ вѣрнѣе побрататься съ нимъ.“
Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Ай же, смѣлый ты Алешенька Поповичъ младъ!
Любо всякому могучему бога́тырю
По чисту́ полю порыскать, пополя́ковать,
Силой съ супротивникомъ помѣряться,
А съ невѣрнымъ за святую Русь
Прозакладовать и буйну голову,
Простоять хоть вѣкъ свой на заставушкѣ,
За сиротъ, за вдовъ да за бѣдны́хъ людей.
Да не честь же, не хвала бога́тырю,
Для-ради́ утѣхи молодецкія,

Проливать безвинну человѣчью кровь,
Обездоливать семейку богатырскую,
Молоду жену да малыхъ дѣтушекъ.
А мужикъ Микула Селяниновичъ
И не тянется за славой богатырскоей:
Онъ проходитъ въ полѣ вѣкъ за сошкою,
Съ края въ край распахиваетъ землю-матушку,
Напасаетъ хлѣбушка на всю святую Русь—
И на насъ съ тобой, могучіихъ богáтырей;
Всю земную тягу, во поту лицу,
Носитъ онъ, кормилецъ, на плечахъ мужицкіихъ,
А земную тягу на плечахъ носúть
Не подъ силу и сильнѣйшему богáтырю.
Ты чего, насмѣшникъ, усмѣхаешься?
Знать, забылъ про сумочку Микулину?
Не длинна́ старúнка, да тяжка́, вѣска,
Какъ та мала сумочка Микулина.
Ужь сыграю-ка еще старúнку чудную
Всѣмъ вамъ, добрымъ людямъ, на потѣшенье,
А тебѣ, Алешѣ, на утѣшенье."
Бралъ опять онъ гýсельцы звончáтыя,
Заводилъ старúнку чудную
Про ту малу сумочку Микулину.

БЫЛИНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СВЯТОГОРЪ.

„На крутыхъ горахъ, на Святыхъ Горахъ,
Великанъ-богатырь Святогоръ ([51]) сидѣлъ,
Да не ѣздилъ онъ на святую Русь:
Не носила его мать-сыра́ земля.
Захотѣлося разъ бога́тырю
Погулять во раздольицѣ чисто́мъ полѣ—
Засѣдлалъ онъ коня богатырскаго,
Выѣзжаетъ на путь-дороженьку.
Встрепенулося сердце молодецкое,
Заиграла силушка по жилочкамъ,
Такъ вотъ живчикомъ и переливается;
А и грузно ему отъ этой силушки,
Грузно, будто отъ тяжкаго бремени:
Не съ кѣмъ силой-то бога́тырю помѣряться.
И выкидываетъ онъ палицу булатную
Выше облака ходячаго и́зъ виду вонъ,
На бѣлы́ руки опять подхватываетъ:
„—Кабы мнѣ да земную тягу найти,
Утвердилъ бы въ небеси́ кольцо,
Привязалъ бы къ кольцу цѣпь желѣзную,
Притянулъ бы небо къ землѣ-матушкѣ,
Повернулъ бы землю краемъ вверхъ,
И смѣшалъ бы земныхъ со небесными!—

„Усмотрѣлъ онъ тутъ во чистóмъ полѣ
Добра мóлодца пѣхотою йдучи;
За плечами у добра мóлодца
Была малая сумочка перемётная.
Какъ припуститъ скакать онъ добрá коня
Во всю силу во лошадиную—
Добрый мóлодецъ идетъ пѣхотою,
Не нагнать его коню богатырскому.
Какъ поѣдетъ тихою вольгóтою—
Добрый мóлодецъ впередъ не наступываетъ.
„И окликнулъ Святогоръ добра мóлодца:
„—Гой еси ты, прохожій добрый мóлодецъ!
Ты постой-ка, постой немножечко.
Какъ скакать припущу добрá коня
Во всю силу во лошадиную—
Ты идешь впередъ пѣхотою,
Не нагнать тебя коню богатырскому;
Какъ поѣду тихою вольготою—
Ты идешь, впередъ не наступываешь.—
„Обождалъ его прохожій добрый мóлодецъ,
Полагалъ со плечъ со могучіихъ
На земь малую сумочку переметную.
Говоритъ Святогоръ добру мóлодцу:
—А скажи-ка мнѣ, добрый мóлодецъ,
У тебя чтó за ноша въ этой сумочкѣ?—
„Отвѣчаетъ ему добрый мóлодецъ:
„—Ай же, славный ты великанъ богатырь!
Попытайся-ка взять мою ношицу
На свои на плечи на могучія,
Побѣжать съ ней по раздольицу чистý полю.—
„Опущался славный великанъ-богатырь
Со добрá коня къ малой сумочкѣ,
Принимался за малую сумочку;
Принимался сперва однимъ перстомъ—

Эта малая сумочка переметная
На сырóй землѣ не сворóхнется.
Принимался тогда одной рукой—
Эта сумочка все не сворóхнется.
Ухватилъ обѣими ручками—
Все-то съ мѣста она не сворóхнется.
Принимался всею силой великою,
Припадалъ бѣлой грудью богатырскою
Къ этой малой сумочкѣ переметноей,
Захватилъ всею силой великою—
Во сырý землю угрязнулъ по колѣночки,
По бѣлý лицу не слёзы—кровь течетъ.
Уходилось сердце молодецкое,
Только малый духъ подпустить успѣлъ
Подъ ту малую сумочку переметную,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„—Не вздымалъ такой ноши я óтъ роду!
Много силы во мнѣ, а не пóдъ силу.
Что́ во сумочкѣ твоей понаклáдано?
Кто ты самъ есть, удалый добрый мóлодецъ,
Какъ зовутъ тебя именемъ, отечествомъ?—
„Отвѣчаетъ удалый добрый мóлодецъ:
„—Въ моей малой сумочкѣ переметноей
Вся земная тяга понагрýжена,
А я самъ Микула Селяниновичъ.—“

* *
*

На скамью кладетъ Добрынюшка гусёлышки,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„Гдѣ угрязнулъ Святогоръ въ сырý землю,
Тутъ, какъ баютъ, онъ и встать не могъ,
Тутъ былó ему и преставленіе:
Наказалъ Господь за похвальбу великую!“

Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
„А неправильно же баютъ такъ.
Ко Святымъ Го́рамъ онъ поворотъ держалъ,
И понынѣ на Святыхъ Горахъ живетъ,
Да не смѣетъ долу опущатися,
Разъѣзжаетъ лишь по ще́лейкамъ по каменнымъ.“
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Гой ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Кто же правъ изъ нихъ, кто облыгаетъ насъ:
Старый ли Бермята сынъ Васильевичъ
Или молодой Добрынюшка?
Не пошлешь ли ты кого къ Святымъ Горамъ
Правду-истину извѣдати,
Святогора попровѣдати?
Ужь пошли-ка перваго бога́тыря,
Стараго уда́ла Илью Муромца:
Тутъ они, какъ Богъ положитъ на́ душу,
Либо силушки другъ у́ друга отвѣдаютъ,
Либо же крестами побратаются.“
Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвы́ ноги,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ окольныихъ,
Воспрого́ворилъ да таковы́ слова:
„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
Вѣрно слово молвилъ младъ Алешенька:
Соизволь мнѣ съѣздить ко Святымъ Горамъ;
Не довлѣетъ сильному бога́тырю
На покоѣ дома жить, животъ кормить.“
Отвѣчаетъ батюшка Владиміръ князь:
„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
Поѣзжай же ко Святымъ Горамъ,
Да бери себѣ въ товарищи любимые
Изо всѣхъ бога́тырей здѣсь самолучшаго.“
Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!

Возставай-ка на рѣзвы́ ноги,
Снаряжайся-ка во пу́ть-дороженьку,
Поѣзжай со мною во товарищахъ:
На лугахъ на тѣхъ на Леванидовыхъ,
У креста того у Леванидова,
Мы съ тобою побратаемся,
Золочёными крестами помѣняемся,
Да отъ ро́зстани, два братьица назва́ныихъ,
Учинимъ поѣздку богатырскую."
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„По пути-то только, братцы, не забыть бы вамъ
Понавѣдаться къ попамъ соборныимъ,
Заказать впередъ двѣ службы свадебны,
Чтобы послѣ дѣло не замѣшкалось,
Какъ съ чиста́ поля вернётесь съ поленицами,
Со Микуличнами ко злату́ вѣнцу."
Ничего на рѣчь ту старый не отвѣтствовалъ,
Выходилъ съ Добрынею изъ гридни вонъ.
Съ пиру всѣ домой тутъ убираются.
Тѣмъ и пиръ и старина кончаются.

БЫЛИНА ТРИНАДЦАТАЯ.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ и НАСТАСЬЯ МИКУЛИЧНА.

Какъ не солнышко надъ градомъ Кіевомъ
Восходило выше облака ходячаго,
Не Днѣпра-рѣка изъ береговъ крутыхъ
Выступала, разливалася—
Выходили-выступали старъ и младъ
Посмотрѣть на ту поѣздку богатырскую:
Снаряжались въ полѣ, собиралися
Два могучихъ русскіихъ бога́тыря:
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ
Да матёрый, старый Илья Муромецъ.
Что́ ясёнъ соко́лъ удалъ Добрынюшка:
Погубилъ-побилъ онъ змѣище Горынчище;
Илья Муромецъ того удалѣе:
Погубилъ-побилъ онъ Соловья разбойника;
А и нѣтъ обоимъ равныхъ на́ сушѣ,
Нѣтъ обоимъ супротивниковъ и на́ морѣ.
Какъ подъѣхали къ лугамъ ко Леванидовымъ,
Ко тому кресту ко Леванидову,
На коняхъ тутъ три́ раза обня́лися,
Три́ раза обня́лися, поцѣловалися,
Золочёными крестами побрата́лися,
Стали звать другъ дружку братьями крестовыми.
И поѣхали могучіе бога́тыри,

Два крестовыхъ братца да назва́ныихъ,
По чисту́ полю дорожкою пробойною;
Ѣздятъ вмѣстѣ по чисту́ полю,
Ѣздятъ черезъ горушки высокія,
Ѣздятъ черезъ рѣчушки глубокія,
Ѣздятъ по лѣсамъ непроходимыимъ;
День проѣздили, другой и третій день,
А и нѣтъ имъ супротивника въ чисто́мъ полѣ,
Нѣтъ поборника по берегамъ крутымъ,
Нѣтъ повольника да во темны́хъ лѣсахъ.
Наѣзжаютъ тутъ они бродучій слѣдъ,
Ископыть да лошадиную:
Вся земля изрыта, проворочена,
Полны рытвины-колодцы ключевой воды.
Говоритъ Добрынѣ старый Илья Муромецъ:
„Молодой ты братецъ мой Добрынюшка!
Видно, ископыть-то богатырская.
Да охота хоть съ бога́тыремъ посъѣхаться,
Не охота въ сторону сворачивать:
Путь мой все впередъ лежитъ, къ Святымъ Горамъ.
Поѣзжай-ка ты одинъ во слѣдъ бога́тырю,
А во Кіевѣ ужо́ съ тобою свидимся.“
Распростилися бога́тыри, разъѣхались:
Старый ѣдетъ далѣ ко Святымъ Горамъ,
Младъ Добрыня—ископытью лошадиною.
Ѣдетъ день Добрынюшка, другой и третій день,
Нагоняетъ во чисто́мъ полѣ бога́тыря.
А сидитъ бога́тырь на добро́мъ конѣ,
А сидитъ еще да въ платьяхъ женскіихъ.
Говоритъ себѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„То вѣдь не бога́тырь на конѣ сидитъ,
А сидитъ дѣвица, либо женщина,—
Поленица, знать, уда́лая!“
Разъѣзжается Добрыня на бога́тыря;

Какъ ударилъ па́лицей булатною
Поленицу въ буйну голову—
Усидѣла поленица, не своро́хнется,
И назадъ-то на Добрыню не оглянется.
На конѣ своемъ Добрыня пріужа́хнется,
Отъѣзжаетъ прочь Добрыня отъ бога́тыря.
А стоитъ въ чисто́мъ полѣ могучій сы́рой дубъ,
Сы́рой дубъ въ объемъ во человѣческій.
Наѣзжалъ Добрынюшка на сы́рой дубъ,
Испытати силу богатырскую;
Какъ ударилъ палицей во сы́рой дубъ—
Расщепилъ весь сы́рой дубъ по ластиньямъ,
Самъ прогово́рилъ да таковы́ слова:
„Видно, сила у Добрынюшки по-прежнему,
Видно, смѣлость у Добрыни не по-прежнему.“
Возвращается Добрынюшка Никитичъ младъ,
Нагоняетъ поленицу онъ уда́лую;
Какъ ударилъ поленицу въ буйну голову—
Усидѣла поленица, не своро́хнется,
И назадъ-то на Добрыню не оглянется.
На конѣ своемъ Добрыня пріужа́хнется,
Отъѣзжаетъ прочь отъ поленицы отъ уда́лыя:
„Смѣлость у Добрынюшки по-прежнему;
Видно, сила у Добрыни не по-прежнему!“
А стоитъ въ чисто́мъ полѣ могучій сы́рой дубъ,
Сы́рой дубъ да въ два объема человѣческихъ.
Наѣзжалъ опять Добрынюшка на сы́рой дубъ,
Какъ ударилъ палицей во сы́рой дубъ—
Расщепилъ весь сы́рой дубъ по ластиньямъ:
„Видно, сила у Добрынюшки по-прежнему,
Видно, смѣлость у Добрыни не по-прежнему.“
Разгонялъ Добрынюшка добра́ коня,
Наѣзжалъ на поленицу въ третій разъ,
Да ударилъ поленицу въ буйну голову.

На конѣ тутъ поленица сворохну́лася,
На Добрыню поленица оглянулася,
Говоритъ сама да таковы́ слова:
„Я-то думала, комарики покусываютъ,
Анъ то русскіе бога́тыри пощёлкиваютъ!“
И хватила за желты́ кудри Добрынюшку,
Сдёрнула Добрынюшку съ коня долой,
И спустила во глубокъ мѣшокъ во кожаный.
Какъ повезъ ихъ было ея добрый конь
По раздольицу да по чисту́ полю,
Говоритъ ей добрый конь, провѣщился:
„Ай же ты, хозяюшка любимая,
Молода Настасья дочь Микулична!
Не могу везти я двухъ бога́тырей:
Силой-то бога́тырь супроти́въ тебя,
Смѣлостью бога́тырь да вдвоёмъ тебя.“
Вынимала туть Настасья дочь Микулична
Изъ мѣшка изъ кожанца бога́тыря,
Говоритъ сама да таковы́ слова:
„Если старъ бога́тырь—голову́ срублю,
Если младъ бога́тырь—во поло́нъ возьму,
Если мнѣ въ любовь придетъ—замужъ пойду,
Не прилюбится—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю бога́тыря въ овсяный блинъ.“
Какъ взглянула на млада́ Добрынюшку,
Прилюбился ей Добрынюшка, понравился:
„Здравствуй, душенька, молоденькій Добрынюшка!“
Говорилъ на то Добрыня, спрашивалъ:
„Ай же, поленица ты уда́лая!
Ты почемъ узнала молода Добрынюшку?
Самъ тебя не знаю, не видалъ досель.“
„А бывала я во стольномъ Кіевѣ,
Тамъ видала молода Добрынюшку,
А Добрынѣ не́гдѣ увидать меня.

Дочка я Микулы Селянинова,
Молода Настасья дочь Микулична,
А поѣхала въ чисто́ поле поля́ковать,
Поискать себѣ да супротивничка.
Какъ возьмешь меня, Добрыня, во замужество,
Сдѣлаешь со мною заповѣдь великую—
Отпущу тебя, Добрыня, я во живности;
Не возьмешь меня—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю тебя въ овсяный блинъ!"
„Ахъ ты, молода Настасья дочь Микулична!
Ты спусти меня, Добрыню, да во живности;
Сдѣлаю съ тобой я заповѣдь великую,
И приму съ тобой да по злату́ вѣнцу."
Сдѣлали тутъ заповѣдь великую,
И поѣхали ко стольну граду Кіеву.
Какъ пріѣхали во стольный Кіевъ градъ,
Билъ челомъ Добрыня ро́дной матушкѣ,
Той честно́й вдовѣ Афимьѣ Александровнѣ,
Выпросилъ прощеньице-благословеньице,
Заводилъ поче́стенъ пиръ на всѣхъ бога́тырей,
На своихъ на братьицевъ назва́ныихъ,
Не позва́лъ на пиръ лишь братца ме́ньшаго,
Пересмѣшника Алешеньку Поповича,
Принималъ съ Настасьей по злату́ вѣнцу,
Сталъ съ Настасьей вѣкъ коро́тати.
Тутъ ли имъ и счастье и вѣнецъ,
И старинушкѣ моей конецъ.

БЫЛИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ и СВЯТОГОРЪ. (52)

Ой ты гой еси, лихой охотничекъ,
Старый богатырь Ильюша Муромецъ!
Полевалъ онъ, старый, во чистóмъ полѣ,
Люта звѣря на копье ловилъ,
Соболéй-куницъ да на низóкъ низалъ.
Подъѣзжаетъ старый ко Святымъ Горамъ,
Въѣхалъ старый на Святы́ Горы,
Услыхалъ тутъ превеликій шумъ:
Всколыбалась мать-сырá земля,
Зашатались темны лѣсушки,
Замутились быстры рѣченьки,
Выливалися изъ береговъ крутыхъ.
Видитъ старый: на добрóмъ конѣ
Ѣдетъ шагомъ богатырь-гора,
Ростомъ выше дерева стоячаго,
Головою въ небо упирается,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ си́дючи.
„Что за чудо?“ говоритъ Илья:
„Богатырь да на конѣ заснулъ?
Могъ бы выспаться и во бѣлóмъ шатрѣ.
Знать, не русскій богатырь то, а невѣрный есть.“
Разгорѣлось у Ильюши ретивó сердцо,
И наганивалъ коня онъ со чистá поля,

Со чиста́ поля до во перво́й наконъ,
Па́лицей ударилъ крѣпко-на́-крѣпко
По плечамъ могучіимъ бога́тыря,
Думалъ, что бога́тыря съ конемъ убилъ.
Богаты́рь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ си́дючи.
„Что за чудо?“ говоритъ Илья:
„Какъ доселѣ отъ руки Ильюшиной
На конѣ никто да усидѣть не могъ.
Дай-ка, поразъѣдусь во второй наконъ.“
И наганивалъ коня онъ со чиста́ поля,
Со чиста́ поля да во второй наконъ,
Па́лицей ударилъ крѣпко-на́-крѣпко
По плечамъ могучіимъ бога́тыря,
Думалъ, что бога́тыря съ конемъ убилъ.
Богатырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ си́дючи.
„Видно, худо все еще его ударилъ я!
Дай-ка, поразъѣдусь во третій наконъ.“
И наганивалъ коня онъ во третій наконъ,
Палицей ударилъ крѣпко-на́-крѣпко,
Крѣпко-на́-крѣпко да плотно-на́-плотно
По плечамъ могучіимъ бога́тыря.
Пробудился тутъ бога́тырь ото крѣпка сна,
Самъ прогово́рилъ да таковы́ слова:
„До́-больна кусаютъ мухи русскія.“
Взялъ, расправилъ руку богатырскую,
Захватилъ уда́ла русскаго бога́тыря,
Положилъ съ конемъ въ глубокъ карманъ,
И поѣхалъ самъ путемъ-дороженькой.
Двое суточекъ ихъ возитъ добрый конь,
А на третьи у коня у богатырскаго
Стали рѣзвы ножки подгибатися,
Сталъ могучій конь да спотыкатися,

По колѣна во сыру́ землю угрязывать.
Бралъ бога́тырь плеточку шелко́вую,
Билъ коня да по тучны́мъ бедрамъ,
Самъ коню да приговаривалъ:
„Ай ты, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
Ты чего идешь да спотыкаешься?
Аль невзгоду надо мною вѣдаешь?“
Отвѣчаетъ добрый, богатырскій конь,
Человѣчьимъ голосомъ провѣщился:
„Какъ же мнѣ не спотыкатися?
Все возилъ я одного бога́тыря,
А теперь вожу ужь третьи суточки
Двухъ могучихъ сильныихъ бога́тырей,
Третьяго—коня да богатырскаго.“
Вынималъ Илью бога́тырь изъ кармана вонъ
Со конемъ со богатырскіимъ,
Сталъ Илью выспрашивать, вывѣдывать:
„Кто ты есть такой, удалый добрый мо́лодецъ?“
Говоритъ ему удалый добрый мо́лодецъ:
„Я—бога́тырь святорусскій съ стольна Кіева,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А поѣхалъ посмотрѣть, узнать
Святогора славнаго бога́тыря.
Не съѣзжаетъ онъ на матушку-сыру́ землю,
Не является къ намъ, русскімъ бога́тырямъ.“
„Ай же ты, удалый, старый Илья Муромецъ!
Самъ вѣдь Святогоръ-бога́тырь предъ тобою есть.
Я съѣзжалъ бы къ вамъ на матушку-сыру́ землю,
Да не носитъ мать-сыра́ земля меня,
Не дано мнѣ ѣздить на святую Русь,
Ѣздить можно мнѣ лишь по горамъ высокіимъ
Да по ще́лейкамъ по толстыимъ.
Мы съ тобой поѣздимъ-ка по ще́лейкамъ,
Мы поѣздимъ-ка да по Святымъ Горамъ.

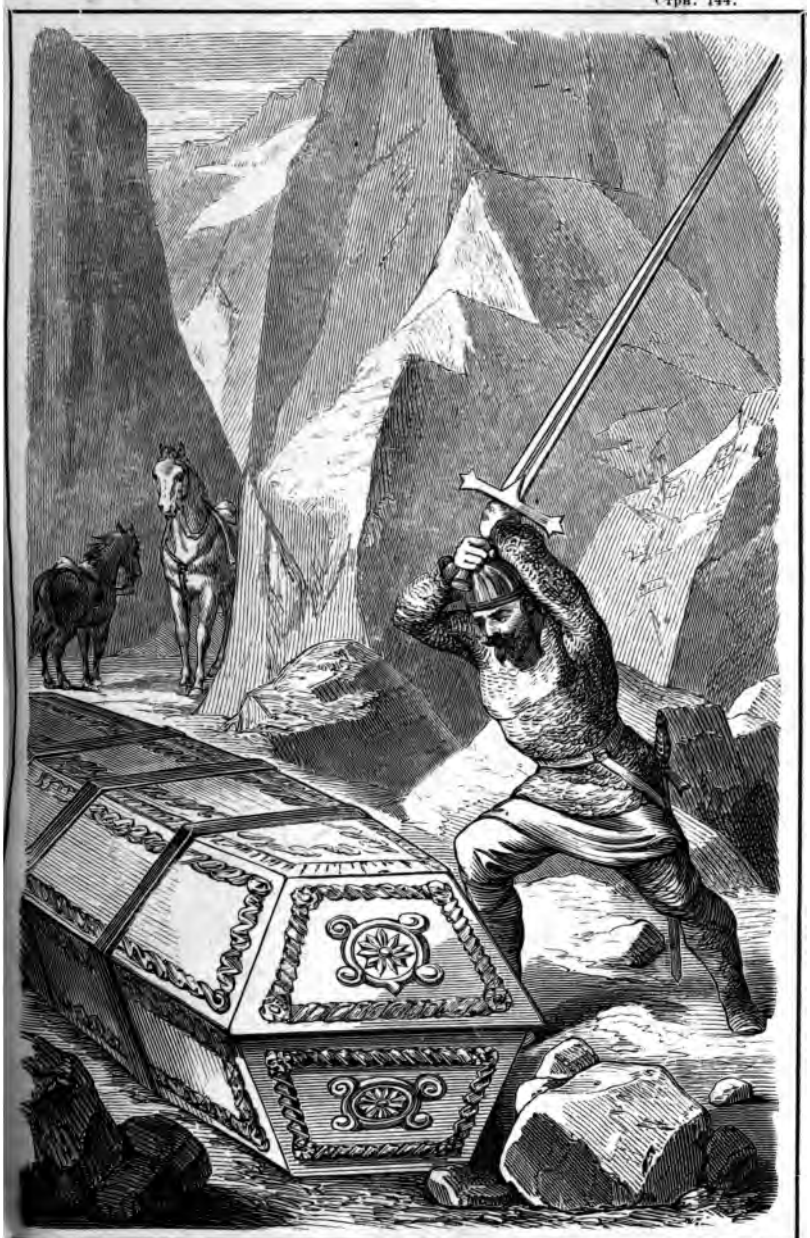
По крестовому по бра́товству я большій братъ,
Будешь ты, Илья, мнѣ меньшій братъ."
Тутъ они крестами помѣнялися,
Братьями крестовыми назва́лися,
Стали вмѣстѣ разъѣзжать по ще́лейкамъ,
Разъѣзжать-гулять да по Свя̀тымъ Горамъ.
И наѣхали они на чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное:
Осередь пути великій гробъ стоитъ,
Краснымъ золотомъ обложенъ весь, повы́ложенъ,
А на крышкѣ подпись да подписана:
„На кого состроенъ сей великій гробъ,
На того онъ и поладится."
Говоритъ бога́тырь Святогоръ Ильѣ:
„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Ты ложись-ка первый во великій гробъ:
Не поладится ли на тебя, Илью?"
Опускался старый со добра́ коня
И ложился во великій гробъ:
Не по немъ широкъ и дологъ былъ великій гробъ.
Говоритъ бога́тырь Святогоръ Ильѣ:
„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Не твое тутъ мѣсто, не тебѣ и спать.
Дай-ка, я прилягу: не по мнѣ ли онъ?"
Опускался самъ бога́тырь со добра́ коня,
И ложился во великій гробъ:
Какъ по немъ состроенъ былъ великій гробъ.
Говоритъ бога́тырь таковы́ слова:
„На меня состроенъ сей великій гробъ;
Хорошо здѣсь во гробу-то жить!
Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Ты возьми-ка да̀ закрой меня
Тою крышкою дубовою гробо́вою."
Отвѣчаетъ братцу Илья Муромецъ:

„Не закрою я тебя, мой большій братъ,
Тою крышкою дубовою гробóвою.
Шутишь шутку ты не малую:
Во живыхъ собрáлся хоронить себя.“
Какъ беретъ тутъ самъ богáтырь, накрывается
Тою крышкою дубовою гробóвою —
А та крышечка изволомъ божіимъ
Сораслась со гробомъ во однó мѣсто.
И воззвалъ изъ гроба Святогоръ къ Ильѣ:
„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Какъ ни бьюся, какъ ни силюся,
Не могу я крышки надъ собой поднять!
Ты берись-ка за тѣ доски за дубовыя,
Отрывай-ка по одной доскѣ.“
Брался старый за тѣ доски за дубовыя,
Оторвать не можетъ никакой доски:
„Ты послушай-ка, мой большій братъ,
Не могу открыть я никакой доски.“
„Такъ бери-ка ты мой славный, богатырскій мечъ,
Разруби-ка крышку острыймъ мечомъ.“
Брался старый за тотъ славный Святогоровъ мечъ,
Со сырóй земли не могъ меча поднять:
„Ты послушай-ка, мой большій братъ,
Не могу меча я и съ земли поднять.“
„Ты послушайка-ка, мой меньшій братъ,
Наклонись ко крышкѣ ко гробóвоей,
Припади ко малой щёлочкѣ:
Дуну на тебя я духомъ богатырскіимъ.“
Наклонился онъ ко крышкѣ ко гробóвоей,
Припадалъ ко малой щёлочкѣ;
Дунулъ Святогоръ на стараго,
Тѣмъ могучимъ духомъ богатырскіимъ,
И почуялъ старый, какъ въ немъ силушки
Втрое противъ прежняго прибавилось;

Приподня́лъ съ земли онъ богатырскій мечъ,
Сталъ рубить по крышкѣ по гробо́вой:
Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются,
А куда ударитъ богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.
Воззывалъ бога́тырь Святогоръ опять:
„Душно, душно мнѣ, мой меньшій братъ!
Ты руби-ка вдоль по крышкѣ по гробо́вой.“
Рубитъ старый вдоль по крышкѣ по гробо́вой,
Отъ ударовъ искры сыплятся,
А куда ударитъ богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.
„Задыхаюсь я, мой меньшій братъ!
Наклонись ко крышкѣ ко гробо́вой,
Припади ко малой щёлочкѣ:
Дуну на тебя всѣмъ духомъ богатырскіимъ,
Передамъ тебѣ всю силу богатырскую.“
Отвѣчаетъ братцу Илья Муромецъ:
„Будетъ силушки съ меня, мой большій братъ.
Передашь ты мнѣ всю силу богатырскую—
И меня носить не станетъ мать-сыра́ земля.“
Говоритъ бога́тырь Святогоръ Ильѣ:
„Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,
Что послѣдняго наказа не послушался:
Мертвымъ духомъ бы я на тебя дохнулъ,
Мертвымъ самъ бы ты у гроба легъ.
А теперь прощай, мой меньшій братъ!
Видно, тутъ мнѣ Богъ и смерть судилъ.
Богатырскій мечъ возьми себѣ,
А добра́ коня оставь хозяину,
Привяжи ко гробу богатырскому:
Никому не сладить съ нимъ, опричь меня.“
И прошли изъ ясныхъ очушекъ
Слёзы у него горючія,

XIV. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СВЯТОГОРЪ.

Стран. 144.



Сталъ рубить по крышкѣ по гробовоей:
Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются,
А куда ударитъ богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.

И сложилъ онъ руки богатырскія
На бѣлы́ груди на богатырскія,
И приня́лъ себѣ онъ смерть великую,
И пошелъ изъ гроба мертвый духъ.
Тутъ простился старый со бога́тыремъ,
Святогорова добра́ коня
Привязалъ ко гробу богатырскому,
Опоясалъ славный Святогоровъ мечъ, (53)
И поѣхалъ во раздольице чисто́ поле.
Тутъ ли Святогору и славу́ поютъ.

БЫЛИНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ и ИДОЛИЩЕ.

Не тычинушка въ чистóмъ полѣ шатается—
На добрóмъ конѣ несется-подвигается
Матерóй, удалый добрый мóлодецъ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ищетъ—не отыщетъ супротивничка;
А идетъ на встрѣчу добру мóлодцу
Старая калика перехожая;
Не идетъ каличище—шатается,
Костылемъ-клюкою подпирается,
Подъ каликой мать-земля да подгибается.
Волосомъ бѣла калика, бородой сѣда,
Гуня на каличищѣ во тридцать пудъ,
Шляпа на каличищѣ во девять пудъ,
А клюка горбатая въ косу́ сажень,
Вѣсомъ-то сама во сорокъ пудъ.
Увидалъ Илья великое каличище,
Разгорѣлось сердце богатырское,
Напущался на калику онъ съ чиста́ поля
Поотвѣдать силы богатырскія.
Говоритъ ему калика перехожая:
„А не честь же, не хвала бога́тырю
Напущаться на калику перехо[redacted]ую.
Свѣтъ ты, государь мой Илья М[redacted]омецъ!
Не узналъ ты, видно, старое кал[redacted]ище?

Я вѣдь сильное, могучее Ива́нище:
Въ Муромѣ учились вмѣстѣ грамотѣ."
Говоритъ каликѣ Илья Муромецъ:
„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
Ты отколь идешь, куда бредешь,
Свой каличій путь куда́ держишь?"
„Я иду отъ стольнаго отъ Кіева,
А бреду на Ерусо́лимъ градъ,
Господу ли Богу помолитися,
Во Ердани ли во рѣченькѣ купатися,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушитися,
Ко Господнему ко гробу приложитися."
„Ты скажи-ка мнѣ, могучее Иванище,
Все ль у насъ во Кіевѣ по-старому,
Все ль у насъ во стольноемъ по-прежнему?"
„Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Какъ во Кіевѣ-то не по-старому,
Какъ во стольноемъ-то не по-прежнему:
Какъ наѣхало Идо́лище великое
Со своею силушкой поганою, (54)
Кіевъ градъ на много верстъ обставило,
А у князя солнышка Владиміра
Не случилось дома сильныихъ бога́тырей:
Во чисто́ поле разъѣхались поля́ковать;
Были двое лишь: Алеша сынъ Леонтьевичъ
Да еще молоденькій Добрынюшка—
Хоть и смѣлъ Алешка, не удалъ вѣдь онъ:
Не посмѣлъ Алешка ѣхать во чисто́ поле
Супротивъ той силушки поганыя,
Супротивъ Идо́лища великаго; (55)
А Добрыня—какъ вернулся со чиста́ поля
Съ поленицею Настасьею Микуличной,
Да какъ принялъ съ нею по злату́ вѣнцу—
Ничего онъ на бѣло́мъ свѣтѣ не вѣдаетъ,

Съ молодой женою вѣкъ коро́таетъ.
Какъ же тутъ не убояться князю солнышку?
Выходилъ онъ ко Идо́лищу великому,
Выходилъ со низкими поклонами,
Со подарочками драгоцѣнными,
Звалъ къ себѣ въ палаты бѣлокаменны
Хлѣбца-соли у себя покушати
Да калачиковъ крупитчатыхъ порушати.
И зашло Идо́лище великое
Въ княженецкія палаты бѣлокаменны,
И садилось за столы дубовые,
Ко княгинѣ ко Апраксіи лицомъ сидитъ,
Къ самому ко князю солнышку хребтомъ сидитъ,
По быку по цѣлому да выти ѣсть,
По котлу по цѣлому да пива пьетъ.
Самъ сидитъ, надъ княземъ похваляется:
— Какъ святые образа-то всѣ поко́лоты,
Во черно́й грязи да всѣ потоптаны,
Во церквахъ во божьихъ ко́ни кормятся...— "
„Что же ты, могучее Иванище,
Не очистилъ града Кіева,
Не убилъ поганаго Идо́лища?"
„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
Вѣкъ такого вора я не видывалъ,
Слыхомъ про такого вора да не слыхивалъ:
Въ долину́ двѣ са́жени печатныихъ,
Въ ширину сажѐнь печатная,
Межь глазами пяда мѣрная,
Межь ноздрями калена́ стрѣла,
Головѝще что́ лоха́нище,
А глазѝща что́ пивныя чашища.
Устрашился я Идо́лища великаго,
Не посмѣлъ идти я на поганое."
„Ай ты, сильное, могучее Иванище!

Силы у тебя есть въ два меня,
Смѣлости-удачи нѣтъ и въ полъ меня.
Разболакивай-ка гуню стариковскую,
Разувай-ка ла́потки-обто́пточки,
Подавай-ка шляпоньку пухо́вую,
Клюшку-во́лжанку горбатую во сорокъ пудъ;
Сокручусь каликой перехожею:
Не узнало бы Идо́лище поганое
Добра мо́лодца да Илью Муромца."
Пораздумалось могучее Иванище,
Пораздумалось да порасплакалось:
„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
Какъ не ты просилъ бы платьицевъ каличіихъ,
Да не отдалъ бы я платьицевъ каличіихъ:
Вплетено́ въ мои во лапотки-обтопточки
По драго́му камню самоцвѣтному,
Да не для-ради́ красы-басы́ угожества,
Ради темныхъ ноченекъ осенніихъ.
Съ чести не отдать тебѣ—ты не́ съ чести возьмешь,
Не́ съ чести возьмешь, еще и бокъ набьешь."
Разболакивалъ онъ гуню стариковскую,
Разувалъ онъ лапотки-обтопточки,
Скидывалъ онъ шляпоньку пуховую,
Клюшку-во́лжанку горбатую въ землю́ воткнулъ—
И ушла клюка до самой до коко́вочки.
Сокрутился Илья Муромецъ каликою,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„Надѣвай-ка на себя, Иванище,
Платьице мое ты богатырское,
Обувай-ка башмачки мои сафьянные,
Да садись-ка на коня на богатырскаго.
На улóвномъ на мѣстечкѣ обождешь меня.
Какъ раздѣлаюсь съ поганымъ—отыщу тебя."
И сажалъ его онъ на добра́ коня,

Во двѣнадцать во сѣдёлышекъ засѣдлывалъ,
Во двѣнадцать во подпружковъ да подтягивалъ.
Какъ поѣхалъ по чисту́ полю Иванище,
Безъ ума несется на конѣ, безъ памяти,
Радъ бы выпасть изъ сѣдла да не́ можно.
А Илья со матушки-сыро́й земли
Клюшку-во́лжанку горбатую повы́дернулъ,
Сталъ съ горы да на́ гору поскакивать,
Сталъ съ холма да на́ холмъ перепрядывать.
Скоро скажется, да тихо сдѣется...
Приходилъ Илья во стольный Кіевъ градъ,
Подходилъ къ палатамъ княженецкіимъ,
Становился подъ окошечко косящато,
Закричалъ да зычнымъ голосомъ:
„Ужь ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
Сотвори-ка ты каликѣ перехожоей
Милостыню золоту́ гривну
Для-ради́ Христа Царя небеснаго,
Ради пресвятыя Богородицы!“
Отъ того́ ли да отъ крику богатырскаго
Бѣлокаменны палаты зашатались,
Изъ оконницъ стеклышки посыпались,
На столахъ напитки расплеска́лися,
За столомъ князья да бо́яре припа́дали,
У Идо́лища сердечко пріужа́хнулось;
Бросилось поганое по пле́чъ въ окно,
Говоритъ само князю́ Владиміру:
„Голосастые калики на Руси у васъ!
Позови-ка ты калику во высо́къ терёмъ.“
Выходилъ Владиміръ на крыльцо переднее,
Говорилъ каликѣ перехожоей:
„Ай же ты, калика перехожая,
Перехожая сума ты перемётная!
Ты поди-ка во высо́къ терёмъ.“

Проходилъ калика во высо́къ терёмъ,
На крыльцо зашелъ—крыльцо заскри́пнуло,
По мостамъ идетъ—мосты погнулися,
Заходилъ во гридню во столовую,
Клалъ тутъ крестъ да по писа́ному,
Велъ поклоны по учёному,
Князя со княгинею поздравствовалъ,
Одному Идо́лищу челомъ не билъ.
Говоритъ Идолище поганое:
„Ай же ты, калика перехожая,
Перехожая сума ты перемётная!
Ты по платьицамъ идешь хоть старчищемъ,
По походочкѣ ты добрый мо́ло́децъ:
По шагамъ твоимъ весь те́ремъ ходуно́мъ ходитъ.
Ты коéй земли, старикъ, коéй орды?“
„Я, старикъ, изъ славнаго изъ Мурома,
А хожу каликой по святой Руси.“
„Если ты изъ славнаго изъ Мурома,
Если ходишь по святой Руси,
То видалъ и Илью Муромца бога́тыря.
Ну, каковъ собой, великъ ли ростомъ онъ?“
Говоритъ калика перехожая:
„Не огромный богатырь нашъ Илья Муромецъ,
Хошь узнать его, такъ на меня гляди:
Ладятся у насъ съ нимъ платья цвѣтныя,
Возрастомъ да волосомъ онъ ровня мнѣ.“
„А помногу ль ѣстъ вашъ Илья Муромецъ,
А помногу ль пьетъ онъ зелена́ вина?“
„Ѣстъ и пьетъ Илья во славу божію,
Съѣстъ калачикъ—по другомъ душа горитъ,
Скушаетъ другой—и сытъ съ того.
Выпьетъ чарку—по другой душа горитъ,
Скушаетъ другую—и доволенъ съ той.“
„Что же онъ за богатырь какой!

Былъ бы здѣсь вашъ Илья Муромецъ,
На ладонь бы посадилъ его, другой прижалъ,
Межъ ладо́нями мокро́ бы лишь повы́жалось,
Взялъ бы да и дунулъ во чисто́ поле!
Я какъ стану хлѣба-выти ѣсть—
Съѣмъ по три печи печеныихъ,
Да во щахъ схлебаю по быку по русскому,
Закушу лебёдушкою бѣлою;
Пить какъ стану зелена́ вина—
Выпью духомъ три ведра да мѣрныихъ."
Говоритъ калика перехожая:
„И у князя нашего Владиміра
Было старое кобе́лище-объѣдище,
Много ѣло—только треснуло,
Было старое коро́вище-обжорище,
Много пило—только лопнуло.
Тоже будетъ и тебѣ, поганому."
Таково́ слово ему за гнѣвъ пало,
Со стола схватило но́жище-кинжалище
Да бросаетъ во калику перехожую,
Во матёраго Илью во Муромца.
Былъ же тутъ Илья на ножки по́вертокъ,
Скоро онъ отъ ножика отскакивалъ,
Клюшкой ножикъ отъ себя отваживалъ,
Пролетѣло мимо но́жище-кинжалище,
Угодило въ дверь дубовую;
Выскочила дверь да съ ободвериной,
Улетѣла во чисто́ поле,
Тамъ двѣнадцать ли татаровей поганыихъ
На мертво́ убила, остальныхъ поранила.
Проклинаютъ тутъ татаровья Идо́лище:
„Будь ты трое про́клято, поганое!"
А Илья стоитъ да усмѣхается:
„Мнѣ родитель-батюшка наказывалъ:

Ты скорѣй долги свои уплачивай,
Лучше во другой тебѣ повѣрятъ, дитятко."
Какъ захватитъ шляпу стариковскую,
Да махнетъ въ Идо́лище великое—
Попада́лъ ему во буйну голову,
Повалилося поганое, захамкало.
Говоритъ Ильюша таковы́ слова:
„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити палаты княженецкія,
Выведу его я на крыле́чико."
Бралъ Идо́лище онъ за желты́ кудри,
За желты́ кудри да за бѣлы́ руки,
Выводилъ съ палатъ да на крыле́чико,
Говорилъ самъ таковы́ слова:
„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити крылечко княженецкое,
Выведу его я на широкій дворъ."
Выводилъ его онъ на широкій дворъ:
„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити да княженецкій дворъ,
Выведу его я во чисто́ поле."
Выводилъ его онъ во чисто́ поле,
Захватилъ поганаго тутъ за́ ноги,
Началъ имъ по силушкѣ помахивать,
Самъ, помахивая, приговаривать:
„Сторонитесь, люди православные!
Не попасть бы вамъ подъ махи подъ татарскіе,
Какъ оружье-то мнѣ, братцы, по плечу пришло."
Бьетъ поганыхъ онъ, охаживаетъ три́ часа,
Не оставилъ окаянныхъ и на се́мена.
Вынималъ тутъ славный Святогоровъ мечъ,
По́ плечъ голову срубилъ Идо́лищу. (56)
Подходилъ Владиміръ, низко кланялся:
„Гой ты, батюшка нашъ, старый Илья Муромецъ!

Чѣмъ тебя пожаловать, учествовать,
Что очистилъ отъ невѣрныхъ Кіевъ градъ,
Что избавилъ насъ отъ по́лона великаго?“
Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
„Что́ мнѣ надобно, каликѣ перехожеей?
На приходѣ гостя не учествовалъ,
На походѣ гостя не учествуешь.“
Подходилъ тутъ и Алешенька Поповичъ младъ,
Говорилъ Ильѣ да таковы́ слова:
„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
У кого ты отнялъ богатырскій мечъ?
Гдѣ набрался силы, чтобъ съ земли поднять?“
Разсказалъ Илья, какъ Святогоръ, кончаючись,
Завѣщалъ ему свой богатырскій мечъ,
Какъ могучимъ духомъ на него дохнулъ,
Какъ съ того въ немъ силы втрое при́было,
И приподнялъ онъ съ земли великій мечъ.
Поклонился и Алешенька тутъ старому:
„Исполать тебѣ, могучему бога́тырю!
Ты прости-ка мнѣ, забудь тѣ рѣчи глупыя!
Ты прими-ка и меня теперь, Алешеньку,
Во свои во братья во крестовые!“
Принялъ старый смѣлаго Алешеньку
Во свои во братья во крестовые,
Самъ назадъ въ чисто́ поле воро́чался
Къ сильному, могучему Иванищу.
На Иванищѣ-то платье попритаскано,
Попритаскано да поприте́рзано
Отъ добра́ коня отъ богатырскаго.
Снялъ Илья Иванище съ добра́ коня,
Разболакиваетъ гуню стариковскую,
Разуваетъ лапотки-обтопточки,
Надѣваетъ платье богатырское,
Самъ садится на добра́ коня,

Со каличищемъ Иванищемъ прощается:
„А теперь прощай, могучее Иванище!
Впредь, смотри, ты больше такъ не дѣлай-ка,
Выручай крещёныхъ отъ поганыихъ.“
Только и живо́ было Идо́лище,
Только и брало́-то Кіевъ градъ,
А вся честь и слава Ильѣ Муромцу.

БЫЛИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРѢ СЪ КНЯЗЕМЪ ВЛАДИМІРОМЪ. (57)

Ѣздитъ старый во чистóмъ полѣ,
Ѣздитъ старый много времени.
Цвѣтно платье у него поистаскалося,
Золотá казна поиздержалася.
Говоритъ себѣ Илейко таковó слово:
„Побывалъ-то я теперь во всѣхъ Литвахъ,
Побывалъ теперь во всѣхъ ордахъ,
Не бывалъ давно въ одномъ во Кіевѣ;
Я поѣду-ка во Кіевъ, попровѣдаю,
Чтó такое дѣется во Кіевѣ?“
Пріѣзжалъ Илейко въ стольный Кіевъ градъ;
У Владиміра у князя пиръ на-вéселѣ,
За столомъ сидитъ до тридцати боя́рченковъ,
Сильныихъ, могучіихъ бога́тырей.
Входитъ старый въ гридню княженецкую,
Ставится у ободверины,
Крестъ кладетъ да по писáному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Князю солнышку съ княгинею въ особину:
„Здравствуешь, Владиміръ стольно-кіевскій!
Пóишь, кормишь ли заѣзжихъ добрыхъ мóлодцевъ?
Я къ тебѣ служить заѣхалъ вѣрой-правдою.
Не боюсь татаръ я въ полѣ тысячи,

Не боюсь и дру́гой тысячи,
Не пойду въ побѣгъ отъ третьей тысячи;
Да не надобно во помощь мнѣ
Три́дцати воронъ со воронятами."
Не узналъ его Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ты отколь, удалый, родомъ-племенемъ?
Именемъ какъ величать тебя,
Отцомъ-батюшкою чествовать?"
„Я—Никита Заолѣшанинъ."
„Ай же ты, Никита Заолѣшанинъ!
Ты садись-ка съ нами хлѣба кушати;
Есть еще мѣстечко тамъ, на нижнемъ ко́нечкѣ,
Ты садись-ка тамъ по кра́й стола, по кра́й скамьи:
Всѣ други́ мѣстечки у меня позаняты."
Повели Илейку слуги по́дъ руки,
Повели ко нижню ко́нечку,
Усадили тамъ по край стола, по край скамьи.
Говоритъ Илейко таково́ сло́во:
„Ужь ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
Не по чину мѣсто, не по силѣ честь:
Самъ ты, князь, сидишь съ воронами,
А меня ты са́дишь съ воронятами!"
Какъ хотѣлъ онъ тутъ поладиться, поправиться—
Поломалъ кругомъ скамьи дубовыя,
По́гнулъ сваи всѣ желѣзныя,
Поприжалъ гостей всѣхъ во большо́й уголъ.
А Владиміру то дѣло не слюбилося:
Возставалъ онъ на рѣзвы́ ноги,
Потемнѣлъ самъ, что́ осенняя ночь,
Да вскричалъ, взревѣлъ, что́ лютый звѣрь:
„Что же ты, Никита Заолѣшанинъ,
Помѣшалъ мнѣ всѣ мѣста учёныя,
По́гнулъ сваи всѣ желѣзныя:
У меня вѣдь промежъ каждаго бога́тыря

Сваи были кладены желѣзныя,
Чтобъ они въ пиру да напивалися,
Напивалися да не столкалися.
Ай вы, русскіе могучіе бога́тыри!
Слыхано ли, чтобы васъ, бога́тырей,
Кто назва́лъ воро́нами да воронятами?
Выходите-ка вы, трое самолучшіе,
Вы берите-ка Никиту по́дъ руки,
Выкиньте изъ гридни вонъ на улицу!"
Выходили самолучшихъ три бога́тыря,
На́чали Никитушку подёргивать,
По́чали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не ша́тнется,
На головушкѣ колпакъ не тря́хнется:
„Коли хочешь, князь Владиміръ, позабавиться,
Подавай еще мнѣ трехъ бога́тырей!"
Выходили три другихъ бога́тыря,
На́чали Никитушку подёргивать,
По́чали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не ша́тнется,
На головушкѣ колпакъ не тря́хнется:
„Коли хочешь, князь, потѣшиться,
Посылай еще хоть трехъ бога́тырей!"
Выходили третьи три бога́тыря—
Ничего съ Никитой не подѣлали.
Говоритъ Никита таково́ слово:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Знать, тебѣ охота попотѣшиться?
Ты теперь изволь-ка на меня глядѣть:
Глядючи, пройдетъ охота тѣшиться!"
Сталъ тутъ самъ Никита тѣшиться,
Сталъ бога́тырей поталкивать,
Учалъ сильныихъ, могучіихъ попинывать:
Всѣ бога́тыри по гриднѣ пораспо́лзались,

Ни одинъ на ноженьки не можетъ встать.
Выходилъ изъ гридни вонъ Никитушка,
Двéрьми хлопнулъ—вышибъ ободверины,
Воротáми хлопнулъ—вонъ верéюшки,
А точёныя перильца пріосы́пались.
Князь Владиміръ за́ печь позадвинулся,
Соболиной шубкой призакинулся:
„Ой, тихонько, братцы, не ворóхнетесь:
Не услышалъ бы Никита Заолѣшанинъ!
Какъ услышитъ онъ—ворóтится, убьетъ насъ всѣхъ,
Не оставитъ стараго, ни малаго,
Не оставитъ мнѣ, Владиміру, на сѣмена...“
А Илейко, какъ повышелъ на широкій дворъ,
Тýгой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Каленýю стрѣлочку накладывалъ,
Самъ стрѣлѣ да приговаривалъ:
„Ты лети-ка, стрѣлка, къ кровлямъ златоверхіимъ,
Поснимай-ка золочёны мáковки!“
Пали на земь золочёны маковки,
Закричалъ Илья да во всю голову:
„Гой вы, голи, гóлюшки кабацкіе,
Доброхоты княженецкіе!
Собирайтесь-ка на княженецкій дворъ,
Обирайте золочёны маковки,
Да несите во царёвъ кабакъ,
Пейте зелена́ вина тамъ дó-сыта.“
Прибѣгали гóлюшки кабацкіе,
Доброхоты эти княженецкіе,
Обирали золочёны маковки:
„Ай же ты, нашъ батюшка, отецъ родной!“
Шли съ Илейкой во царёвъ кабакъ,
Пропивали золочёны маковки,
Пропивали съ нимъ да заоднёшенько.
А и стали тутъ сумля́тися:

„Что-то будетъ намъ отъ князя солнышка,
Что-то отъ Владиміра достанется:
Пропиваемъ мы его всѣ маковки!“
Говоритъ Илья имъ таковы́ слова:
„Пейте, голи вы мои, да не сумля́йтеся:
Я зау́тра бу́ду въ Кіевѣ князёмъ княжить,
А вы, голи, будете надъ всѣми на́больши!“
Стали пить, не стали болѣе сумля́тися,
Стали Господа молить за добра мо́лодца.
А на томъ пиру на княженецкоемъ
Доносили солнышку Владиміру:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Какъ Никитушка-то Заолѣшанинъ
Со твоихъ со кровель златоверхіихъ
Золочёны маковки по́выстрѣлялъ,
Созвалъ всѣхъ голе́й кабацкіихъ,
Пропилъ съ ними золочёны маковки.“
Какъ сидѣлъ при томъ пиру-бесѣдушкѣ
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,
Говоритъ Добрынюшка Владиміру:
„Князь ты нашъ Владиміръ, красно солнышко!
То вѣдь не Ники́та Заолѣшанинъ,
То мой братъ крестовый Илья Муромецъ.“
Сталъ тутъ князь Владиміръ думу думати
Со боя́рченками именитыми,
Со бога́тырями сильными, могучими.
Какъ ему съ Ильей да помиритися:
„Думайте-ка, братцы, думу-думушку,
Думайте-ка, братцы, думу крѣпкую,
Думайте-ка думу, не продумайте:
Ужъ кого бы намъ да за Ильей послать,
Во поче́стенъ пиръ Илью позвать?
Самому-то мнѣ пойти не хочется,
А Апраксію послать—къ лицу нейдётъ.“

Стали всѣ тутъ думу думати:
„Ужь кого бы намъ послать Илью позвать?
А пошлёмъ-ка мы Добрынюшку Никитича:
Вѣдь они съ Илейкой братьица крестовые,
Братьица крестовые, назва́ные,
И его Илья, бывало, слушаетъ.“
Шелъ Владиміръ по столовой горенкѣ,
Становился супроти́въ Добрынюшки,
Говоритъ Добрынѣ таковы́ слова:
„Ты молоденькій Добрыня! ужъ сходи-ка ты
Къ старому Ильѣ ко Муромцу,
Бей челомъ Илейкѣ, низко кланяйся,
Поклонися до половъ кирпичныихъ,
Что до самой матушки сыро́й земли,
Говори Илейкѣ таковы́ слова:
— Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь
Со княгиней стольной со Апраксіей,
Какъ послалъ просить тебя да во поче́стенъ пиръ;
Не узналъ тебя онъ, добра мо́лодца,
Потому садилъ за столъ на нижнемъ ко́нечкѣ;
А теперь онъ проситъ со усердіемъ,
Со усердіемъ, со радостью великою,
Не велѣлъ на старо гнѣваться.—“
И пошелъ молоденькій Добрынюшка,
Улицей идетъ, а самъ-то думаетъ:
„Не по смерть ли я иду по скорую?
Да коли́ мнѣ не послушать князя солнышка,
Мнѣ отъ князя солнышка не сдо́бровать!“
И идетъ онъ во царёвъ кабакъ,
И приходитъ во царёвъ кабакъ;
А сидитъ тутъ старый Илья Муромецъ,
Съ го́лями сидитъ, пьетъ-прохлажается.
И не знаетъ онъ, отколь къ Ильѣ зайти:
„Спереди́ зайти, такъ хорошо ль прилюбится?

Такъ ужь лучше же сзади́ зайду."
Какъ зашелъ сзади́ Добрыня, захватилъ Илью,
Захватилъ за плечи за могучія,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„Ай же ты, крестовый братецъ мой,
Мой назва́ный братецъ, старый Илья Муромецъ!
Ты сдержи-ка руки бѣлыя,
Ты скрѣпи-ка ретиво́ сердцо:
Вѣдь пословъ-то ни куютъ, ни вѣшаютъ.
А и кла́дена у насъ съ тобою заповѣдь,
Заповѣдь не малая, вели́кая:
Ме́ньшему-то брату слушать бо́льшаго,
Бо́льшему-то брату ме́ньшаго,
Да стоять обоимъ дружка-за́-дружку.
Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь
Со княгиней стольной со Апраксіей:
Не узналъ тебя онъ, добра мо́лодца,
Потому садилъ за столъ на нижнемъ ко́нечкѣ,
А теперь тебя онъ проситъ во поче́стенъ пиръ
Со усердіемъ, со радостью великою,
Не велѣлъ тебѣ на старо гнѣваться."
Обернётся тутъ Илейко, самъ прогово́ритъ:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты счастли́въ тѣмъ, что сзади́ зашелъ:
Кабы ты, Добрыня, спереди́ зашелъ,
Только бы съ тебя, Добрыня, пепелъ сталъ!
А теперь тебя не трону, братецъ мой:
Вѣдь закона-то нельзя пере́ступить.
Ты пойди, скажи-ка князю солнышку:
Пусть-ка для меня, для мо́лодца,
Разошлетъ указы строгіе
По всему по городу по Кіеву
Да еще по городу Чернигову,
Чтобы были на́ трое на суточекъ

Всѣ царёвы кабаки отво́рены,
Чтобы весь народъ пилъ зелено́ вино;
Кто не хочетъ зелена́ вина,
Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
Кто не хочетъ пива пьянаго,
Тотъ бы пилъ сладки́хъ медовъ:
Чтобы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ;
А и пусть-ка для меня, для мо́лодца,
Заведетъ онъ столованьице—поче́стенъ пиръ.
А коли́ не сдѣлаетъ по мо́ему,
То ему, Владиміру, княжить до утрія."
Какъ бѣжалъ Добрыня скоро-на́-скоро
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Переда́лъ ему Ильинъ наказъ;
Какъ тутъ князь Владиміръ скоро-на́-скоро
Разослалъ указы строгіе
По всему по городу по Кіеву
Да еще по городу Чернигову,
Чтобы были на́ трое на суточекъ
Всѣ царёвы кабаки отво́рены,
Чтобы весь народъ пилъ зелено́ вино,
Пилъ безда́нно да безпошлинно,
Всѣ бы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.
Самъ заводитъ столованьице—поче́стенъ пиръ,
Забираетъ всѣхъ князей да бо́яровъ,
Всѣхъ могучихъ русскіихъ бога́тырей,
А и поленицъ уда́лыихъ.
А во кабакахъ никто не пьетъ, не кушаетъ,
Всѣ идутъ ко князю ко Владиміру,—
Не для хлѣба-соли, не для золотой казны:
Посмотрѣть идутъ на добра мо́лодца,
На того на стара Илью Муромца;

Всѣ на княженецкій дворъ сбираются,
Всѣ тихонько въ гридню пробираются.
Какъ приходитъ тутъ и старый Илья Муромецъ,
Съ го́лями приходитъ со кабацкими,
Какъ идетъ во гридню свѣтлую,
Креститъ очи по писа́ному,
И ведетъ поклоны по учёному,
Бьетъ челомъ на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Скоро всталъ Владиміръ на рѣзвы́ ноги,
Скоро бралъ Илью да за бѣлы́ руки,
Цѣловалъ да во уста саха́рныя,
Говорилъ самъ таковы́ слова:
„Гой еси ты, старый Илья Муромецъ!
Хоть твое мѣстечко было да пониже всѣхъ,
Такъ теперь твое мѣстечко да повыше всѣхъ!
Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Проводите стараго на мѣсто бо́льшее!“
Не садился онъ на мѣсто бо́льшее—
Сѣлъ на мѣсто на середнее,
Рядомъ посадилъ голе́й кабацкіихъ,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!
Зналъ, кого послать меня позвать!
Кабы не Добрынюшка, назва́ный братецъ мой,
Никого бы не послушалъ здѣсь.
А было́ намѣренье наря́жено:
Ту́гой лукъ разрывчатый натягивать,
Да стрѣлять сюда, во гридню свѣтлую,
Да убить тебя, князя́ Владиміра,
Со княгиней стольной со Апраксіей.
Да на се́й разъ Богъ тебя проститъ
За твою вину да за великую!“
Понесли гостямъ тутъ яствушекъ саха́рныихъ,

Понесли напиточковъ медвя́ныихъ,
Подносили каждому по чарочкѣ.
Говоритъ Илья Владиміру:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Тѣмъ ли ты моихъ гостей уподчуешь,
Тѣмъ ли ты моихъ голе́й учествуешь?
Чарочками да голе́й кабацкіихъ?“
А Влади́міру то слово не слюбилося,
Говоритъ Ильѣ да таковы́ слова:
„У меня во погребахъ глубокіихъ
Есть про всѣхъ васъ зелено́ вино,
Есть про каждаго по бочкѣ-сорако́вочкѣ.
Коли здѣсь не хватитъ на гостей твоихъ,
Сами спустятся во погреба́ глубокіе.“
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Такъ ли у тебя гостей да подчуютъ,
Такъ ли добрыхъ мо́лодцевъ да чествуютъ,
Чтобы сами шли за яствами, за питьями?
Знать, мнѣ быть сегодня за хозяина!“
Какъ повскочитъ старый на рѣзвы́ ноги,
Погребовъ у слугъ не спрашивалъ,
Къ погреба́мъ ключей не требовалъ,
Прямо шелъ ко погребамъ глубокіимъ,
Двери и колоды вонъ выпинывалъ,
Безъ ключей замочики отщёлкивалъ,
Входитъ самъ во погреба глубокіе.
Какъ беретъ тутъ бочку да подъ пазуху,
Какъ беретъ другую подъ другую пазуху,
Третью сорако́вую ного́й катитъ,
Выкатилъ на княженецкій дворъ,
Закричалъ самъ во всю голову:
„Гой вы, голи, го́люшки кабацкіе!
Выходите-ка на княженецкій дво́ръ,
Напою я всѣхъ васъ зелены́мъ виномъ.“

Сходитъ самъ опять во погреба глубокіе.
Не стерпѣлъ Владиміръ, больно поразгнѣвался,
Закричалъ да зычнымъ голосомъ:
„Гой вы, слуги, слуги вѣрные!
Вы бѣгите-ка скорымъ-скоро,
Скоро-на-скоро да поскорёшенько,
Заложите въ погребáхъ мнѣ мóлодца,
Позадёрните чугунною рѣшёточкой,
Завалите дубьемъ-кóлодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпьте желтыми песочками,
Поморите смертію голодною!“
Побѣжали тѣ скорымъ-скоро,
Скоро-на-скоро да поскорёшенько,
Заложили въ погребáхъ Илью,
Позадёрнули чугунною рѣшёточкой,
Навалили дубья-кóлодья со всѣхъ сторонъ,
Да засыпали песками желтыми.
Какъ другимъ богáтырямъ то за бѣдý пало,
Возставали съ пира не докушавши,
Выходили на широкій дворъ,
Всѣ садились на добрыхъ коней,
Всѣ разъѣхалися во чистó поле,
Во раздольице широкое:
„А не будемъ же мы больше жить во Кіевѣ,
А не будемъ же служить князю Владиміру!“
Такъ-то въ тý пору у князя у Владиміра
Не осталося во Кіевѣ богáтырей.

БЫЛИНА СЕМНАДЦАТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ и КАЛИНЪ ЦАРЬ. (58)

Ой ты, мать-сыра земля, поразступися-ка!
Небеса вы синія, раздайтеся!
Темны тучи, во еди́но не скопляйтеся!
Богатырской силушкѣ тошнёхонько,
Горе лютое со старымъ приключилося:
Поразгнѣвался на стараго Владиміръ князь,
Приказалъ его своимъ вѣрны́мъ слугамъ
Заложить во погребахъ глубокіихъ,
Позадёрнути чугунною рѣшёточкой,
Завалити дубьемъ-ко́лодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпати песками желтыми,
Поморити смертію голодною.
Да была у князя дочка молодёшенька,
Дочка молодёшенька была, малёшенька,
Видитъ: посадилъ Владиміръ князь
Стараго во погреба на смерть голодную;
А онъ могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви божія,
Могъ бы поберечь ей князя-батюшку,
Могъ бы поберечь ей и княгиню-матушку.
И брала ко погребамъ глубокіимъ
Во-пота́й она ключи у матушки,
Подкопать велѣла копи тайныя,

Носитъ старому уѣдушки сахáрныя,
Ставитъ старому напиточки медóвые.
А Владиміръ князь про то не вѣдаетъ.
Подсылалъ тутъ Кáлинъ царь Калúновичъ
На святую Русь татаровей поганыихъ:
„Ай же вы, мои татаровья поганые!
Поѣзжайте-ка вы на святую Русь,
Ко тому ко славному ко Кіеву,
Посмотрите, попровѣдайте,
Что-то дѣется на матушкѣ святой Руси.“
И поѣхали татаровья поганные
На святую Русь, ко славну Кіеву,
И пріѣхали во стóльный Кіевъ градъ,
Посмотрѣли отъ далúпоганые
На Владиміра на князя солнышко,
И поѣхали назадъ къ царю-татарину.
Сталъ ихъ Калинъ царь выспрашивать:
„Гдѣ же вы, ребята, были-пóбыли,
Что же вы, ребята, видѣли?“
Говорятъ ему татаровья поганые:
„Были-пóбыли мы на святой Руси,
Пóбыли во славномъ Кіевѣ,
Видѣли во Кіевѣ чудны́мъ чудно,
Видѣли во Кіевѣ дивны́мъ дивно:
Какъ со матушки со церкви божіей
Шла душа-дѣвица красная,
Книгу на рукахъ несла, евангелье,
Сколько ни читала, вдвое слезно плакала.“
Говоритъ имъ Калинъ царь Калиновичъ:
„Ай вы, глупые мои татаровья!
Шла то не душа-дѣвица красная,
Шла то мать да пресвятая Богородица,
Книгу на рукахъ несла, евангелье:
Вѣдала надъ Кіевомъ невзгодушку,

Оттого и слезно плакала."
Не волна на мо́рѣ расходилася,
Не синё море да всколыбалося,
Взволновался Калинъ царь Калиновичъ,
Воспылалъ собака да на Кіевъ градъ.
Ай, собака ты, злодѣй да Калинъ царь!
Думаетъ онъ думушку недобрую,
И совѣтуетъ совѣты нехорошіе:
Хочетъ разорить онъ стольный Кіевъ градъ,
Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
Церкви божія на дымъ пустить,
Князю солнышку да голову́ срубить,
Со княгиней стольной со Апраксіей.
Собираетъ силы съ сорока земель,
Съ сорока земель да съ сорока царей,
Съ каждымъ силы по сту тысячей,
А съ самимъ собакой силушка несчетная.
Собирается собака ровно три́ года,
На четвертый во походъ пошелъ;
Не дошелъ до Кіева пятнадцать верстъ,
Становился съ силой у быстра́ Днѣпра,
Приказалъ всей силушкѣ великоей
Во одно мѣсто́ снести по камешку—
Выросла гора превелича́ющa.
Что́ по́дъ силой мать-сыра земля не по́гнется,
Подъ поганой не разступится?
Отъ того отъ пару отъ конинаго
Инъ померкло красно солнышко,
Ни луча не взвидѣть свѣту бѣлаго;
Отъ того отъ духу отъ татарскаго
Не́ можно крещёнымъ живымъ быть.
Какъ разставилъ силу по чисту́ полю,
Самъ сходилъ собака со добра́ коня,
Скоро сѣлъ на свой ременчатъ стулъ,

Ярлыки писалъ да скорописчаты,
Не чернилами писалъ, а краснымъ золотомъ,
Ярлыки да запечатывалъ;
Выбиралъ татарина получше всѣхъ:
Мѣрою татаринъ трехъ сажень,
Голова на немъ съ пивной котелъ,
Промежь плечъ татаринъ во косу́ сажень.
Подавалъ ему онъ грамоту посыльную,
Посылалъ его во Кіевъ градъ, наказывалъ:
„Ай же ты, любезный мой посланничекъ!
Знаешь говорить ты да по-русскому,
Про себя мычать да по-татарскому?
Ты бери-ка грамоту посыльную,
Ты садись-ка на добра́ коня,
Поѣзжай-ка да во славный Кіевъ градъ,
Ко тому ко князю солнышку на ши́рокъ дворъ,
Станови добра́ коня сере́дь двора,
Не привязывай коня и не приказывай,
Проходи прямёхонько да не съ упадкою
Въ гридни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
Отворяй въ палаты двери на́-пяту,
Не снимай и шапки со головушки,
Богу русскому не кланяйся,
Князю солнышку челомъ не бей,
Полагай лишь ярлыки на зо́лотъ столъ,
Пословечно выговаривай:
—Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы́ руки,
Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
Каждое словечко въ нихъ высматривай.—
Безъ поклона повернись тутъ да поди съ палатъ,
На коня садись да поѣзжай назадъ,
Во свою во силушку великую.“
И поѣхалъ тотъ посланничекъ во Кіевъ градъ,

Дѣлалъ дѣло повелѣное:
Заѣзжалъ на ши́рокъ княженецкій дворъ,
Становилъ добра́ коня сере́дь двора,
Не привязывалъ коня и не приказывалъ,
Проходилъ прямёхонько да не съ упадкою
Въ гридни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
Отворялъ въ палаты двери на́ пяту,
Не снималъ и шапки со головушки,
Не молился Спасу образу,
Князю солнышку челомъ не билъ,
Бросилъ только ярлыки на зо́лотъ столъ,
Пословечно выговаривалъ:
„Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы́ руки,
Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
Каждое словечко да высматривай.“
Безъ поклона повернулся да съ палатъ пошелъ,
На коня садился да поѣхалъ вонъ,
Во свою во силушку великую.
Какъ вставалъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Со большаго мѣста княженецкаго,
Бралъ тѣ ярлыки да скорописчаты,
Распечатывалъ ихъ скоро да развертывалъ,
Каждое словечко да высматривалъ.
А во тѣхъ во ярлыкахъ написано,
Чтобы по́ всему по славну Кіеву
Онъ съ божьи́хъ церквей чудны́ кресты повы́снималъ,
Во церквахъ бы сдѣлалъ стойлы лошадиныя,
Было бъ гдѣ стоять добры́мъ конямъ татарскіимъ;
По всему бы да по славну Кіеву
Улицы широкія повы́пахалъ,
Богатырскіе дворы повычистилъ,
Поумылъ палаты бѣлокаменны,
Было бъ гдѣ стоять великой рати-силушкѣ;

По всему бы да по славну Кіеву,
По всѣмъ улицамъ широкіимъ,
По всѣмъ малымъ переулочкамъ,
Понаставилъ бочку къ бочкѣ близко-по́-близку,
Сладкихъ все, хмѣльныхъ напиточковъ,
Было бъ у чего стоять собакѣ Калину
Со его великой ратью-силушкой.
Видитъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій:
Дѣло-то великое, не малое,
Посмотрѣлъ въ окошечко косящато:
Какъ стоитъ у батюшки быстра́ Днѣпра
Калинъ царь со всею силущкой невѣрною,
А той силы на чисто́мъ полѣ
Будто лѣсу мелкаго шумящаго,
Не видать ни краюшка, ни бережка;
А знаменьевъ на чисто́мъ полѣ
Будто лѣсу крупнаго жаро́ваго.
Устрашился солнышко Владиміръ князь,
Закручинился да запечалился,
Ниже плечъ повѣсилъ буйну голову,
Съ ясныхъ очушекъ роняетъ слезы горькія,
Шёлковымъ платочкомъ утирается,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„Ахъ ты, гой еси, моя жена любезная,
Ты княгинюшка моя Апраксія!
Накатилась силушка невѣрная,
Обступила стольный Кіевъ градъ.
По грѣхамъ намъ вѣрно учинилося,
Что бога́тыри изъ Кіева разъѣхались:
Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
Постоять за Кіевъ градъ ужь не́кому.
Разсердилъ я всѣхъ могучіихъ бога́тырей,
А уда́ла стара Илью Муромца
Засадилъ во погреба́ глубокіе,

Заморилъ да смертію голодною:
Постоялъ бы онъ одинъ за Кіевъ градъ,
Постоялъ бы онъ за церкви божія,
Поберегъ бы онъ меня, Владиміра,
Поберегъ бы и тебя, Апраксію.
А теперь намъ, видно, дѣлать нечего,
На убѣгъ бѣжать изъ Кіева приходится."
Какъ была тутъ дочка у Владиміра,
Дочка молодёшенька, малёшенька,
Говоритъ ему да таковы́ слова:
„Гой еси, родитель ты мой, батюшка!
Слышала я въ церкви, во писаніи,
Что уда́лу стару Ильѣ Муромцу
Смерть ни съ голоду, ни на бою не писана.
Закричи-ка ты своимъ вѣрны́мъ слугамъ,
Чтобъ сходили къ погребамъ глубокіимъ,
Поразсы́пали песочки желтые,
Развалили дубье-ко́лодье,
Да раздёрнули рѣшёточку чугунную.
Самъ бери-ка золоты́ ключи,
Отворяй-ка погреба́ глубокіе,
Опущайся-ка ко стару Ильѣ Муромцу,
Посмотри-ка, живъ ли онъ аль нѣтъ?"
Говоритъ ей батюшка Владиміръ князь:
„Ай же, дитятко мое ты неразумное!
Ты сними-ка буйну голову,
Приростетъ ли ко плечамъ она?
Быть ли живу черезъ три́ года
Старому да Ильѣ Муромцу?"
Отвѣчаетъ дочка молодёшенька,
Дочка молодёшенька, малёшенька:
„Посылай-ка только, онъ тамъ живъ сидитъ."
Выходилъ Владиміръ князь тутъ на красно́ крыльцо,
Закричалъ вѣрны́мъ слугамъ да громкимъ голосомъ:

„Гой еси, мои вы слуги вѣрные!
Вы сходите-ка ко погребамъ глубокіимъ,
Поразсыпьте-ка песочки желтые,
Развалите дубье-ко́лодье,
Да раздёрните рѣшёточку чугунную,
Посмотрите, живъ ли Илья Муромецъ?“
И пошли они ко погребамъ глубокіимъ,
Поразсы́пали песочки желтые,
Развалили дубье-ко́лодье,
Да раздёрнули рѣшёточку чугунную,
Закричали громкимъ голосомъ:
„Гой еси, удалый добрый мо́лодецъ,
Живъ ли ты аль нѣтъ, откликнися?“
Подалъ голосъ имъ Ильюшенька.
Скоро бралъ Владиміръ князь тутъ золоты́ ключи,
Отмыкаетъ погреба́ глубокіе—
А во погребахъ Илья живой сидитъ,
У Ильюши воскова свѣча горитъ,
Самъ читаетъ книгу онъ, евангелье.
Билъ челомъ Владиміръ до сыро́й земли:
„Ужь ты здравствуешь, удалый Илья Муромецъ!
Ты сидишь во погребахъ глубокіихъ,
А не вѣдаешь невзгодушки великія:
Вѣдь нашъ Кіевъ градъ во полону́ стоитъ,
Обошелъ вѣдь насъ собака Калинъ царь
Со своею силушкой великою.
Разсердилъ я всѣхъ бога́тырей,
Поразъѣхались они изъ Кіева,
Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
Постоять за Кіевъ градъ ужь не́кому.
Ужь постой-ка ты одинъ за Кіевъ градъ,
Постарайся-ка за вѣру христіянскую,
Хоть не для меня, князя́ Владиміра,
Хоть не для княгини для Апраксіи,

А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ."
Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
„Я ужь три́ года не видѣлъ свѣту бѣлаго—
Какъ простить мнѣ ту обиду кровную?"
„Да не для́-ради меня, Владиміра,
И не для́-ради моей Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!"
Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвы́ ноги,
Воскричалъ да громкимъ голосомъ:
„Ай ты, бурушка, мой богатырскій конь!"
Выходилъ на бѣлый божій свѣтъ,
Шелъ въ конюшеньку стоялую,
Выводилъ добра́ коня на ши́рокъ дворъ,
Сталъ добра коня уздать, засѣдлывать:
Полагалъ на потнички да потнички,
Полагалъ на войлочки да войлочки,
На верёхъ черкасское сѣдёлышко;
По́дпруги подтягивалъ шелко́веньки,
Втягивалъ шпилёчики булатные,
Полагалъ стремя́ночки булатныя,
Пряжечки да красна золота—
Да не для красы-басы́, не для угожества,
Для-ради́ укрѣпы богатырскія:
Шёлкъ-то тянется, да не́ рвется,
А булатъ-желѣзо гнется, не ломается,
Красно золото и мокнетъ, да не ржавѣетъ.
Одѣвалъ тогда́ доспѣхи крѣпкіе,
Бралъ съ собою палицу булатную,
Во-другихъ копье да долгомѣрное,
Въ-третьихъ ту́гой лукъ да калены́ стрѣлы,
Бралъ еще шалыгу подорожную,
И садился на добра́ коня,
Говоритъ самъ князю таковы́ слова:
„Запирай-ка, князь, воро́та крѣпко-на́-крѣпко,

Засыпай желты́мъ пескомъ ихъ, сѣрымъ камешкомъ;
Я, Илья, поѣду во чисто́ поле
Созывать могучіихъ бога́тырей.“
Только видѣли Ильюшу сядучи,
А не видѣли его поѣдучи,
Отъ его копытъ отъ лошадиныихъ
Во чисто́мъ полѣ да куреѳо́ стоитъ,
Куревó стоитъ да пыль столбомъ валитъ.
Выѣхалъ онъ во чисто́ поле,
Посмотрѣлъ на силушку поганую:
Нагнано-то силы видимо-невидимо,
Инъ не можетъ пропекать и красно солнышко
Между паромъ лошадиныимъ и человѣческимъ;
Долгіимъ весенніимъ денёчикомъ
Сѣру звѣрю силы не обры́скати,
Долгіимъ межéнныимъ денёчико́мъ
Черну ворону да не обгра́ити,
Долгіимъ осенніимъ денёчикомъ
Сѣрой птицѣ да вокругъ не о́блетѣть.
Какъ отъ по́крику отъ человѣчьяго,
Какъ отъ ржанья лошадинаго
Унываетъ сердце человѣческо. (59)
И поѣхалъ старый Илья Муромецъ
По раздольицу чисту́ полю вкругъ силушки—
Конца-краю силушкѣ не могъ наѣхати.
И не смѣетъ старый напустить на силушку,
Поднимается на го́ру на высокую,
Посмотрѣлъ на силушку поганую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
Со перво́й горы Илья спущается,
На высокую другую поднимается,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.

Со другой горы Илья спущается,
На высокую на третью поднимается,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Усмотрѣлъ подъ стороной восточноей
Во чистóмъ полѣ бѣлóй шатеръ,
На бѣлóмъ шатрѣ злачёна мáковка,
У бѣлá шатра да кóни богатырскіе.
Со горы высокой онъ спущается
И поѣхалъ по чисту́ полю,
Пріѣзжаетъ ко бѣлу́ шатру:
Тамъ стоитъ двѣнадцать кóней богатырскіихъ,
Зоблятъ всѣ пшену да бѣлоярову,
Все-то добры кóни русскіе,
Все его крестовыхъ братьицевъ,
Братьицевъ крестовыхъ да назвáныихъ.
Онъ вязалъ коня къ столбу точёному,
Припущалъ его къ пшенѣ ко бѣлояровой,
Самъ заходитъ во бѣлóй шатеръ.
Во бѣлóмъ шатрѣ двѣнадцать ли богáтырей,
Все богáтырей-то святорусскіихъ,
Сѣли хлѣба-соли кушати,
Поиграть во шашки-шахматы.
Онъ глаза крести́тъ да по писáному,
Онъ поклонъ ведетъ да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Дядюшкѣ любимому въ особину:
„Хлѣбъ да соль, богáтыри вы святорусскіе,
Братія моя крестовая, назвáная!
Здравствуешь и ты, любимый дядюшка,
Ты Самсонъ да сынъ Самойловичъ!“
Какъ увидѣли Илью богáтыри,
Повскочили скоро на рѣзвы́ ноги,
Со Ильюшенкой здоровкались:
„Ай же ты, удалый старый Илья Муромецъ!

Говорили, ты у князя у Владиміра
Посажёнъ во погреба глубокіе,
Поморёнъ да смертію голодною,
Анъ ты живъ поѣзживаешь во чистóмъ полѣ?“
Говоритъ ему Самсонъ Сомойловичъ:
„Ужь поди-ка ты, любимый мой племянничекъ,
Съ нами хлѣба-соли да покушати.“
Говоритъ Илья имъ таковы́ слова:
„Гой же вы, могучіе богáтыри,
Гой ты, мой любезный дядюшка!
Вы ѣдúте, пьете, утѣшаетесь,
Вы во всяки игры забавляетесь,
А нашъ Кіевъ градъ во полонý стоитъ,
Обступилъ нашъ Кіевъ градъ собака Калинъ царь
Со своею силушкой великою.
Хочетъ разорить собака стольный Кіевъ градъ,
Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
Церкви божія на дымъ пустить,
Князю солнышку да головý срубить
Со княгиней стольной со Апраксіей.
Вы сѣдлайте-ка добры́хъ коней,
Да садитесь на добры́хъ коней;
Ужь поѣдемъ, братцы, Кіевъ градъ отстаивать,
Не для князя для Владúміра,
Не для князевой княгинюшки Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
„Ай же ты, любимый мой племянничекъ,
Старый ты да Илья Муромецъ!
Самъ я не поѣду во чистó поле
Стольный Кіевъ градъ отстаивать,
И тебѣ не дамъ благословенія:
Много у Владиміра князей да бóяровъ,
Кормитъ онъ ихъ, пóитъ да и жалуетъ,

Намъ же отъ него ждать нечего,
Не могúмъ мы на него смотрѣть,
На его жену Апраксію,
Дали въ томъ заклятіе великое."
„Да не для́-ради князя́ Владиміра
И не для́-ради жены его Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!"
Не поѣхалъ съ нимъ любимый дядюшка,
Не поѣхали могучіе бога́тыри.
Видитъ онъ, что дѣло имъ не по́-люби,
Выходилъ одинъ да со бѣла́ шатра,
Бралъ добра́ коня за повода́ шелко́вые,
Отводилъ отъ той пшены отъ бѣлояровой,
Самъ садился на добра́ коня,
И поѣхалъ по раздольицу чисту́ полю
Ко татарской силушкѣ поганоей.
А раскинулася сила по чисту́ полю,
Колыбается аки́ синё море,
Инъ сыра земля подъ силой подгибается.
Не ясёнъ соко́лъ съ-подъ облакъ напущается
На гусей, на ле́бедей, на малыхъ уточекъ—
Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ
Напущается на силу на татарскую:
Заѣзжаетъ прямо во серёдочку,
Сталъ татаровей конемъ топтать,
Сталъ поганыихъ копьемъ колоть,
Подорожною шалыгою помахивать,
Будто зелену́ траву косить:
Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,
Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ.
Трое сутокъ бьетъ онъ силу не ѣдаючи,
Не ѣдаючи да не пиваючи,
Со добра́ коня да не слѣзаючи,
По́билъ силушки ужь бе́зъ счету,

А все будто силушки не убыло,
Самъ Илья изъ силы выбился.
Какъ вскричалъ тутъ Калинъ царь да громкимъ голосо
„Гой еси, удалый добрый мо́лодецъ!
Ты отсрочь-ка времени намъ трое суточекъ.“
Отвѣчалъ ему удалый добрый мо́лодецъ:
„Не отсрочу вамъ я нисколёшенько.“
„Ты отсрочь намъ хоть на суточки.“
И отсрочилъ имъ Илья на суточки,
Самъ поѣхалъ во чисто́ поле,
Разставлялъ себѣ бѣло́й шатеръ,
И ложился опочивъ держать.
Услыхалъ тутъ добрый конь невзгодушку,
Разбудилъ Илью онъ рано по́ утру,
Проязычился язы́комъ человѣческимъ:
„Ай же ты, любезный мой хозяюшко!
Ночью мнѣ, добру́ коню, да мало спа́лося,
Мало спалося да много видѣлось:
Далъ собакѣ Калину ты сутки времечка,
А его татаровья поганые
Подкопали три подкопа да глубокіихъ,
Опущали въ нихъ телѣги да ордынскія,
Становили копья мурзамецкія,
Зарывали желтыми песочками.
Станешь ѣздить ты да по чисту́ полю,
Станешь бить да силушку великую,
Упаду́ я во перво́й подкопъ—
Изъ подкопа самъ повыскочу,
И тебя, Ильюшеньку, повынесу;
Упаду я во другой подкопъ—
Изъ подкопа самъ повыскочу,
И тебя, Ильюшеньку, повынесу;
Упаду во третій во подкопъ—
Изъ подкопа самъ повыскочу,

А тебя, Ильюшу, ужь не вынесу."
Какъ Ильѣ то дѣло не слюбилося,
Какъ беретъ онъ плетку во бѣлы́ руки,
Бьетъ коня да по круты́мъ ребрамъ,
Говоритъ коню да таковы́ слова:
„Ай же ты, соба́чище измѣнное!
Я холю, кормлю-пою тебя,
А ты хочешь покидать меня
Во подкопахъ во глубокіихъ!"
И направилъ онъ коня да во перво́й подкопъ—
Добрый конь его оттоль повыскочилъ,
И Ильюшеньку съ собой повытащилъ.
И упалъ онъ во другой подкопъ—
Добрый конь его оттоль повыскочилъ,
И Ильюшеньку съ собой повытащилъ.
И упалъ во третій во подкопъ—
Добрый конь съ подкопа хоть повыскочилъ,
Самого Ильюшу ужь не вытащилъ:
Соскользнулъ Ильюша со добра́ коня
И остался во подкопѣ во глубокоемъ.
Приходили тутъ татаровья поганые,
Захватить хотятъ добра́ коня;
Не сдается конь имъ во бѣлы́ руки,
Убѣжалъ далёко во чисто́ поле.
Приходили тутъ татаровья поганые,
Подняли съ подкопа Илью Муромца,
И сковали Ильѣ ножки рѣзвыя,
И связали Ильѣ ручки бѣлыя.
Говорятъ одни татаровья:
„Поведемъ-ка мы его на смертну казнь,
Отрубить ему да буйну голову."
Говорятъ ины татаровья:
„Не отрубимъ-ка ему мы буйной го́ловы,
А сведемъ къ собакѣ царю Калину:

Что́ захочетъ, то́ надъ нимъ и сдѣлаетъ."
Повели Ильюшу по чисту́ полю,
Приводили ко палаткѣ полотняноей,
Привели къ собакѣ царю Калину,
Становили супротивъ его,
Говорили сами таковы́ слова:
„Гой еси, собака ты, нашъ Калинъ царь!
Захватили мы уда́ла добра мо́лодца
Во подкопахъ во глубокіихъ,
Привели къ тебѣ, собакѣ царю Калину:
Что́ захочешь, то́ надъ нимъ и сдѣлаешь."
Говоритъ Ильѣ собака Калинъ царь:
„Ай же ты, удалый добрый мо́лодецъ!
Напустилъ щенокъ да на большихъ собакъ!
Гдѣ тебѣ съ татаровьями справиться?
Сядь-ка ты со мной да за единый столъ,
Ѣшь-ка яствушекъ моихъ саха́рныихъ,
Пей-ка питьицевъ моихъ медвяныихъ,
Одѣвай мою одежу драгоцѣнную,
Золоту́ казну держи по надобью;
Не служи-ка ты князю́ Владиміру,
А служи-ка мнѣ, собакѣ царю Калину."
Говоритъ ему на то въ отвѣтъ Илья:
„Мнѣ не сѣсть съ тобой да за единый столъ,
Мнѣ не ѣсть твоихъ да яствушекъ саха́рныихъ,
Мнѣ не пить твоихъ да питьицевъ медвяныихъ,
Не носить твоей одежи драгоцѣнныя,
Не издерживать твоей да золотой казны,
Не служить тебѣ, собакѣ царю Калину;
Постою еще за стольный Кіевъ градъ,
Постою за церкви за Господнія,
Постою за вдовъ, сиротъ да бѣдныхъ людушекъ!"
Говоритъ ему собака Калинъ царь:
„Ай же ты, удалый добрый мо́лодецъ!

У меня, собаки, есть двѣ дочери,
Ты посватайся-ка на любóй изъ нихъ,
Я любую за тебя замýжъ отдамъ."
Говоритъ Илья да не съ упадкою:
„Ай же ты, собака Калинъ царь!
Не случилося со мною сабли острыя,
На твоей бы шеѣ я посватался."
Какъ на то собака поразсéрдился,
Приказалъ вести Ильюшу во чистó поле,
Отрубить ему да буйну голову.
Повели Ильюшу во чистó поле,
Вывели Ильюшу во раздольице,
Засвисталъ Ильюша богатырскимъ посвистомъ.
Не тропой бѣжитъ тутъ, не дорожкою,
Выбѣгаетъ съ поля его добрый конь,
На боку несетъ черкасское сѣдёлышко,
По копытамъ бьетъ булатно стремечко.
Замахалъ Илья коню, кричитъ коню:
„Стой-постой-ка ты, мой добрый богатырскій конь!
Ты унесъ меня отъ двухъ смертей,
Унеси теперь отъ третіей!"
Подбѣжалъ къ Ильюшѣ его добрый конь,
Захватилъ зубами пýтыни шелкóвыя,
Оборвалъ всѣ путыни шелковыя,
Ручки бѣлыя освободилъ Ильѣ;
Захватилъ зубами кандалы желѣзныя,
Оборвалъ всѣ кандалы желѣзныя,
Ножки рѣзвыя освободилъ Ильѣ.
Какъ вскочилъ Илья тутъ на добрá коня,
Выѣзжалъ да во чистó поле,
Тýгой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Стрѣлочку калёную накладывалъ,
Самъ стрѣлѣ да приговаривалъ:
„Ты пади, стрѣла, не нá воду, не нá землю,

Ты пади не въ темный лѣсъ, не во чисто́ поле,
Ты лети, стрѣла, да во бѣло́й шатеръ,
Проломи да крышу на бѣло́мъ шатрѣ,
Попади, стрѣла, да на бѣлы́ груди
Къ моему ко дядюшкѣ любимому,
Проскользни ему да по бѣло́й груди,
Сдѣлай только маленькую сца́пину,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Спитъ онъ во бѣло́мъ шатрѣ да прохлажается,
Надъ племянничкомъ невзгодушки не вѣдаетъ."
И спустилъ онъ стрѣлочку калёную;
Какъ просвиснетъ стрѣлочка калёная—
Полетѣла прямо во бѣло́й шатеръ,
Сня́ла крышу со бѣла́ шатра,
Пала дядюшкѣ на бѣлу грудь,
На бѣло́й груди да во злачёный крестъ,
Проскользнула по бѣло́й груди,
Сцапинку дала да по бѣло́й груди,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Какъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ
Воспряну́лъ отъ сна отъ безпробуднаго,
Пораскинулъ очи ясныя:
Снята крыша со бѣла́ шатра,
Проскользнула стрѣлка по бѣло́й груди,
Сцапинку дала да невеликую.
Скоро всталъ онъ на рѣзвы́ ноги,
Говоритъ да таковы́ слова:
„Гой вы, славные, могучіе бога́тыри!
Пробуждайтесь-ка отъ сна отъ крѣпкаго,
Снаряжайте-ка своихъ добры́хъ коней,
Да садитесь на добры́хъ коней!
Мы тутъ спимъ да прохлажаемся,
А не вѣдаемъ невзгоды надъ Ильюшенькой,
Надъ моимъ племянничкомъ любимыимъ:

Прилетѣлъ мнѣ отъ него подарочекъ
Нелюбимый да непрошенный:
Долетѣла стрѣлочка калёная
Сня́ла крышу со бѣла́ шатра,
Сцапинку дала мнѣ по бѣло́й груди,
Маленькую сцапинку да невеликую:
Погодился мнѣ, Самсону, крестъ на во́ротѣ,
Крестъ на воротѣ шести пудовъ;
Не было бъ креста на воротѣ,
Оторвала бы мнѣ буйну голову."
Возставали на рѣзвы́ ноги бога́тыри,
Выходили со шатра долой,
Начали сѣдлать добры́хъ коней,
Сѣли на добры́хъ коней, поѣхали:
Стала мать-сыра земля продрагивать.
Смотритъ тутъ удалый Илья Муромецъ
Со горы высокой въ широко́ поле:
Не туманъ во по́лѣ поднимается—
Ѣдетъ тамъ одиннадцать бога́тырей,
Впереди двѣнадцатый—Самсонъ Самойловичъ.
И окликнулъ Илья Муромецъ бога́тырей:
„Гой вы, братія моя назва́ная,
Дядюшка любимый мой Самсонъ Самойловичъ!
Поѣзжайте-ка право́й рукой,
Самъ поѣду я лѣво́й рукой,
Не упустимъ силы мы съ чиста́ поля,
Съ двухъ сторонушекъ порубимъ до единаго."
Заѣзжали тутъ бога́тыри право́й рукой,
Заѣзжалъ онъ самъ лѣво́й рукой,
Разгорѣлися сердца ихъ богатырскія,
Расходились жилы богатырскія,
Стали бить-рубить они татаровей,
Стали прижимать ихъ съ двухъ сторонушекъ.
О тѣла пога́ныя татарскія

Иступились сабли острыя,
Расщепились копья долгомѣрныя,
Изломались палицы тяжелыя.
Захватилъ Илья тутъ за́ ноги татарина,
Сталъ кругомъ татариномъ помахивать:
Гдѣ махнетъ—тамъ улицы татаровей,
Отмахнется—съ переулками,
Самъ татарину да приговаривалъ:
„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и жиловатъ собака—не изо́рвется!“
Только то словечко вымолвилъ—
Оторва́лась голова татарская,
Угодила голова по силѣ вдоль,
Бьетъ и ломитъ ихъ, въ коне́цъ губитъ;
Достальные на побѣгъ пошли,
Сами говорятъ да заклинаются:
„А не дай намъ Богъ видать русски́хъ людей!
Неужто́ всѣ таковы́ во Кіевѣ,
Что одинъ да по́билъ всѣхъ татаровей?“
А собака сударь Калинъ царь
Спитъ въ своей палаткѣ полотняной,
На кроваткѣ-до́рогъ рыбій зубъ,
Да подъ одѣяльцемъ соболиным,
Спитъ, собака, прохлажается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Какъ наѣхалъ тутъ къ палаткѣ Илья Муромецъ,
Ухватилъ собаку за желты́ кудри,
Выдернулъ съ кроватки-рыбій зубъ,
Выдернулъ съ кармана плеть шелко́вую,
Началъ бить его, собаку, чествовать,
Самъ ему да приговаривать:
„Вотъ тебѣ, безбожный Калинъ царь,
Со божьи́хъ церквей чудны́ кресты,
Во церквахъ да стойлы лошадиныя!

XVII. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Стран. 186.

„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и жиловатъ собака—не изо́рвется!“
Только то словечко вымолвилъ—
Оторва́лась голова татарская

Вотъ тебѣ распаханныя улицы,
Вычищенные дворы да богатырскіе,
Поумытыя палаты бѣлокаменны!
Вотъ тебѣ хмѣльные, сладкіе напиточки
Со твоею силушкой великою!
А теперь поѣдемъ-ка во стольный Кіевъ градъ
Къ ласковому князю ко Владиміру."
И повезъ Илья собаку царя Калина
Въ Кіевъ градъ ко князю ко Владиміру,
И привелъ его въ палату бѣлокаменну
Передъ ласковаго князя солнышка.
А Владиміръ князь встрѣчалъ богáтырей,
Принималъ со честью-почестью,
Билъ челомъ съ усердьемъ всѣмъ богáтырямъ,
Ильѣ Муромцу изъ всѣхъ въ особину:
„Благодарствуйте, могучіе богáтыри,
Благодарствуешь ты, старый Илья Муромецъ,
Что избавили насъ отъ бѣды великія,
Отъ напасти отъ напрасныя!
Будьте вы впередъ за Кіевъ обстоятели,
Ото всѣхъ сторонъ оберегатели.
Какъ за то я васъ пожалую,
Какъ пожалую васъ златомъ-сéребромъ,
Какъ пожалую васъ платьемъ цвѣтнымъ;
Или надо горóда вамъ съ пригорóдками,
Или надо сёла вамъ съ присёлками,
Или надо вамъ деревни со крестьянами?"
Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
„Ничего мнѣ, старому, не надобно."
Какъ тутъ всѣхъ другихъ богáтырей
Солнышко Владиміръ жалуетъ:
Какъ даетъ имъ городá да съ пригорóдками,
Какъ даетъ имъ сёла да съ присёлками,

Какъ даетъ имъ золоту́ казну безсчетную,
Какъ даетъ имъ платья цвѣтныя,
Обѣщаетъ при себѣ ихъ во чести́ держать.
И велитъ онъ всѣ царёвы кабаки раскрыть,
Чтобы весь народъ пилъ зелено́ вино;
Кто не хочетъ зелена́ вина,
Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
Кто не хочетъ пива пьянаго
Тотъ бы пилъ медо́въ стоялыихъ— (60)
Чтобы всѣ да веселилися.
И заводитъ онъ великъ поче́стенъ пиръ
На своихъ князей, на бо́яровъ
Да на всѣхъ могучіихъ бога́тырей;
И беретъ онъ за бѣлы́ руки
Ту собаку царя Калина,
Садитъ также за столы дубовые,
Кормитъ яствушкой саха́рною,
По́итъ питьицемъ медвянымъ;
А собака бьетъ челомъ ему:
„Ай же ты, Владиміръ князь да стольно-кіевскій!
Не сруби-ка ты мнѣ буйной го́ловы!
Напишу съ тобой я записи великія,
Буду я платить отъ вѣку до́ вѣку,
Дани-выходы тебѣ, князю Владиміру.“
Скоро тутъ домой онъ убирается,
Убирается, собака, не съ прибытками,
Не съ прибытками, а со убытками,
Со убытками, со страмотою вѣчною.
Тутъ ему, собакѣ, и славу́ поютъ.

* *
*

Что ни лучшіе бога́тыри—во Кіевѣ,
Золота́ казна—во Черниговѣ.

Колокольный звонъ—во Новѣ-городѣ,
Темны лѣсушки—Смоленскіе,
Горы-долы—Сорочинскіе,
А чисты поля—ко Ерусо́лиму.
Здунинай-най-най!
Болѣ пѣть впередъ не знай.

БЫЛИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ЧУРИЛА ПЛЁНКОВИЧЪ.

Бласлови-ка, хозяинъ, бласлови, государь,
Старину намъ сказать стародавнюю,
Хорошо сказать, да лучше слушати,
Про младáго Чурилу сына Плёнковича! ([61])

* *
*

Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Да у ласкова князя у Владиміра
Заводился хорошъ да почéстенъ пиръ
На многúхъ князей да на бóяровъ,
На всѣхъ русскіихъ могучіихъ богáтырей
Да на всѣхъ на поленицъ удалыихъ.
Дологъ день идетъ ко вечеру,
А почéстенъ пиръ идетъ ко веселу.
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Самъ государь распотѣшился,
Выходилъ на крылéчко на перёное,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Какъ изъ дáлеча-далéча поля чистаго
Тутъ толпа мужичковъ появилася,
Все-то мужички-рыболовщички,
А и всѣ-то избиты-изранены,

Булавами головы пробиваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Плёнковича.
Ѣздили мы по рѣкамъ-озерамъ,
На твое на счастье княженецкое
Ни единой рыбки изловить не могли.
Появилися люди невѣдомые,
Шёлковы неводы замётывали,
Камешки у сѣтокъ-то серебряные,
Поплавочки на сѣткахъ позолоченые:
Бѣлую рыбицу повыпугали,
Щукъ, карасей повыловили,
Мелкую рыбицу повыдавили.
Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
Жены, дѣти наши осиротѣли,
По міру пошли скитатися,
Насъ самихъ избили-изранили.
Скажутся-называются
Все они дружиною Чуриловою.“
Та толпа со двора не сошла,
Новая съ поля появилася,
Все мужички-птицеловщички,
А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!

Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Плёнковича.
Ѣздили мы по тихимъ заводямъ,
На твое на счастье княженецкое
Ни единой птички не высмотрѣли.
Появилися люди невѣдомые,
Всѣхъ ясныхъ соколовъ повыхватали,
Всѣхъ гусей-лебедей повыловили,
Всѣхъ сѣрыхъ утушекъ повыстрѣляли.
Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
Жены, дѣти наши осиротѣли,
По міру пошли скитатися,
Насъ самихъ избили-изранили.
Скажутся-называются
Все они дружиною Чуриловою."
Та толпа со двора не сошла,
Новая съ поля появилася,
Все мужички-звѣроловщички,
А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Плёнковича.
Ѣздили мы по темнымъ лѣсамъ,
На твоемъ государевомъ на займищѣ
На твое на счастье княженецкое
Никакого звѣря не наѣзживали.
Появилися люди невѣдомые,
Шёлковы тенета протягивали,

Кунку да лиску повы́ловили,
Чёрнаго соболя повы́давили,
Туровъ, оленей повы́стрѣляли.
Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
Намъ отъ васъ нѣту жа́лованья.
Жены, дѣти наши осиро́тѣли,
По́ міру пошли скитатися,
Насъ самихъ избили-изранили.
Скажутся-называются
Все они дружиною Чуриловою."
Воспрого́воритъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
„Гой вы, князья мои да бо́яре,
Сильные, могучіе бога́тыри!
Кто это Чурила есть таковъ?
Какъ не знаю я Чуриловой посе́лицы,
Какъ не знаю, гдѣ Чурила и дворо́мъ стоитъ."
Выступалъ изъ-за столовъ окольныихъ
Старый Бермята сынъ Васильевичъ:
„Я, государь-свѣтъ, Владиміръ князь,
Знаю Чурилову посе́лицы,
Знаю, гдѣ Чурила и дворо́мъ стоитъ.
Какъ не здѣсь живетъ Чурила, не во Кіевѣ,
Какъ живетъ онъ да пониже Мала Кіевца.
Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
Около двора булатный тынъ,
Ве́рхи на ты́чинкахъ точёные,
Каждая со ма́ковкой-жемчужинкой;
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Надъ воротами иконъ до семидесяти;
Середи двора терема́ стоятъ,
Терема́ все златоверхова́тые;
Первыя воро́та—вальящетыя,
Среднія ворота—стекольчатыя,

Третіи ворота—рѣшетчатыя."
Скоро тутъ Владиміръ князь съ княгинею
Въ путь поднимается, поѣздку чинитъ:
Хочетъ на Чуриловъ на дворъ поглядѣть.
Взялъ съ собой, чтобы путь показать,
Стараго Бермяту Васильевича,
Взялъ всѣхъ князей своихъ да бо́яровъ,
Взялъ еще любимаго подручника
Стараго уда́ла Илью Муромца,
Съ нимъ млада́ Добрынюшку Никитича;
Всѣхъ собрало́сь ихъ пятьсотъ человѣкъ,
Сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Ко Чурилову двору за Малый Кіевецъ.
Подъѣзжаетъ князь ко Чурилову двору,
Говоритъ, головой покачиваетъ:
„А и право же такъ, не пролгали мнѣ."
Какъ изъ тѣхъ изъ терема́въ высокіихъ
Выходилъ тутъ старъ матёръ человѣкъ;
Шуба-то на старомъ соболиная,
Подъ дорогимъ зелёнымъ ста́метомъ,
Петельки на шубѣ семи шелковъ,
Пуговки все вальящетыя,
Литый вальякъ-то красна золота.
Отворяетъ князю со княгинею
Первыя ворота вальящетыя,
Князьямъ-бо́ярамъ—среднія стекольчатыя,
Малымъ людямъ—третьи рѣшетчатыя,
Самъ говоритъ таковы́ слова:
„Здравствуешь, князь со княгинею!
А пожалуй-ка ты къ намъ во высо́къ терёмъ
Хлѣба да соли покушати,
Бѣлаго лебедя порушати."
Говоритъ ему ласковый Владиміръ князь:
„Ай же ты, старъ матёръ человѣкъ!

Какъ не знаю тебѣ, старому, я имени,
Какъ не знаю тебѣ, старому, отечества.“
Говоритъ ему старъ матёръ человѣкъ:
„А я Плёнко, гость Суро́жанинъ, (62)
А и есть вѣдь я Чуриловъ батюшка.“
И пошелъ Владимі́ръ во высо́къ терёмъ,
Ходитъ по терему — дивуется,
Хорошо тамъ все изукрашено:
Полъ-середа́ одного́ серебра́,
Печки-то все мура́вленыя,
По́дики у печекъ серебряные,
На́ стѣны су́кна нави́ваны,
На́ сукна стёкла набі́ваны,
А потолокъ красна золота,
Вся луна небесная повы́ведена:
Солнце на́ небѣ — солнце и въ теремѣ,
Мѣсяцъ на́ небѣ — мѣсяцъ и въ теремѣ,
Звѣзды на́ небѣ — звѣзды и въ теремѣ,
По́ небу звѣздочка покатится —
Въ теремѣ звѣздочки посыплются;
Все по небесному въ теремѣ,
А и всякая краса несказа́ная.
Сѣли за столы за убраные,
Пьютъ всѣ, ѣдятъ, потѣшаются,
Столъ у нихъ идетъ о полу́-столѣ,
Пиръ у нихъ идетъ о полу́-пиру;
День на дворѣ вечеряется,
Красное солнце закатáется;
Всѣ-то ужь они безъ памяти сидятъ,
Солнышко князь свѣтелъ-радошенъ,
Вскрылъ немножечко окошечко,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Какъ изъ да́леча-дале́ча поля чистаго
Тутъ толпа молодцо́въ появилася,

Молодцóвъ-то болѣе тысячи:
Кóни подъ ними одношерстные,
Узды на кóняхъ одномѣдныя,
Сѣдла на всѣхъ шиты золотомъ;
Сами молодцы́-то одноличные,
Платье-то на всѣхъ скурлáтъ-сукна,
Всѣ подпоясаны истóченьками,
Шапки на всѣхъ черны мýрманки,
Черны мýрманки-золоты́ вершки;
А на ножкахъ сапожки-зелёнъ сафьянъ,
Нóсы-то шиломъ, пяты востры́,
Кругъ носóвъ-носовъ хоть яйцомъ прокати,
Подъ пяту́-пяту воробей пролети,
Воробей пролети, перепархивай.
Молодцы́ на конáхъ какъ свѣчи горятъ,
Кóни подъ ними какъ сóколы летятъ.
Середи всѣхъ ѣдетъ купáвъ молодéцъ,
Купавъ молодéцъ да краше всѣхъ:
Кудри у мóлодца дугой зóлотой,
Шея у мóлодца какъ бѣлый снѣгъ,
Личико у мóлодца какъ маковъ цвѣтъ,
Очи какъ у ясна сóкола,
Брови какъ у чёрна соболя;
Впереди его скороходы бѣгутъ,
Передъ нимъ отъ солнца подсолнечникъ несутъ,
Чтобъ не запекло ему бѣлá лица;
Самъ онъ ѣдетъ на трехъ лошадяхъ,
Съ лошади на лошадь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Шапочки у мóлодцевъ подхватываетъ,
На головушки мóлодцамъ покладываетъ.
Какъ Владимíръ князь тутъ исполóшался,
Говоритъ старику да таковы́ слова:
„Ай же ты, Плёнчище Суро́жанинъ!

Чья это сила появилася?
То не царь ли какой со своей ордой
На меня, Владиміра, идетъ войной,
Во полонъ меня взять собирается?“
Усмѣхается Плёнчище Сурóжанинъ:
„Не пужайся, государь, не полóшайся!
То не царь со ордой идетъ войной,
То съ дружиной ѣдетъ сынищко мой,
Молодой Чурилушка Плёнковичъ.“
Выходилъ тутъ Плёнчище Сурóжанинъ
На то заднее крылéчко на перёное,
Говоритъ Чурилѣ таковы́ слова:
„Ай же ты, сынокъ мой Чурúлченко!
Есть у тебя любимый гость,
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій:
Чѣмъ будешь гостя ты пóдчивати,
Чѣмъ будешь гостя ты жáловати?“
Бралъ тутъ Чурила золоты́ ключи,
Заходилъ Чурила во глубóкъ погрёбъ,
Отмыкалъ Чурила кóваны ларцы,
Бралъ оттуда шубу соболиную,
Дорогаго соболя заморскаго,
Подъ дорогимъ заморскимъ стáметомъ—
Подарить имъ солнышка Владиміра;
Бралъ еще камóчку хрущатую—
Подарить княгиню Апраксію;
Бралъ куницъ, лисицъ, бѣлыхъ зáяцевъ—
Подарить князей да бóяровъ,
Бралъ несмѣтно золотой казны—
Подарить дружину княженецкую.
Принималъ Владиміръ князь подарочекъ,
Самъ говоритъ таковы́ слова:
„Ай же ты, Чурилушка сынъ Плёнковичъ!

Много на тебя было́ просителей
Болѣе того да челомъ-би́тчиковъ,
А теперь того больше благодателей,
И не дамъ я теперь суда на тебя.
Не довлѣетъ тебѣ жить за Кіевцемъ,
А довлѣетъ тебѣ жить во Кіевѣ.
Ужь пойди-ка ко мнѣ ты въ стольники,
Въ стольники ко мнѣ да въ чашники?"
Кто отъ бѣды откупается—
А Чурила на бѣду нарывается:
Онъ идетъ ко князю въ стольники,
Въ стольники идетъ да въ чашники.
Какъ пріѣхали ужо́ во Кіевъ градъ,
Свѣтъ-государь Владиміръ князь
На хорошаго новаго стольника
Заводилъ хорошъ да поче́стенъ пиръ.
Молодой Чурила сынъ Плёнковичъ
Ходитъ да ставитъ дубо́вы столы,
Жёлтыми кудрями потряхиваетъ—
Жёлтые кудри разсыпаются,
Что скачёнъ жемчугъ раската́ется.
Рушала княгиня Апраксія
Бѣлое мясо лебединое—
Заглядѣлась на Чурилу сына Плёнковича,
Бѣлу ручушку себѣ порѣзала,
Со стыда подъ сто́лъ руку свѣсила,
Говоритъ сама таковы́ слова:
„Свѣтъ-государь мой, Владиміръ князь!
А не быть бы Чурилушкѣ въ стольникахъ,
А не быть бы Чурилушкѣ въ чашникахъ:
На красу на Чурилову глядючи,
На его на кудёрышки жёлтые,
На его на перстни золочёные.

Бѣлу руку я себѣ порѣзала,
Помѣшался разумъ во буйно́й головѣ,
Помутился свѣтъ въ ясныхъ очушкахъ."
Говоритъ княгинѣ Владиміръ князь:
„Богъ тебя суди, что въ любовь мнѣ пришла!
Кабы ты, княгиня, не въ любовь мнѣ пришла,
По́ плечъ бы тебѣ голову́ срубилъ.
Ай же ты, Чурила сынъ Плёнковичъ!
А не быть же тебѣ у насъ въ стольникахъ,
А не быть же тебѣ у насъ въ чашникахъ:
Быть тебѣ во ласковыхъ зазывателяхъ,
Зазывать мнѣ гостей во почéстенъ пиръ."
Того дѣла Чурила не пятится,
Отдалъ поклонъ да и вонъ пошелъ.
А поу́тру встаетъ ранёхонько,
Умывается водушкой бѣлёхонько,
Одѣвается самъ хорошохонько.
Какъ нѐ бѣлый тутъ заюшка проскакиваетъ,
Не мелкіе слѣдо́чки промётываетъ—
Чурила изъ сапожковъ-зелёнъ сафьянъ
Серебряны гвозди́чки выраниваетъ;
Ребятки по слѣдо́чкамъ прохаживаютъ,
Серебряны гвозди́чки нахаживаютъ.
Ходитъ Чурилушка по Кіеву,
Улицами ходитъ, переулками,
Князей зазываетъ со княгинями,
Бо́яровъ скликаетъ со боярынями,
Жёлтыми кудря́ми самъ потряхива́етъ—
Жёлтые кудри разсыпаются,
Что скачёнъ жемчугъ раскати́ется.
Заглядѣлися всѣ люди на Чурилушку:
Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ,
Гдѣ моло́душки глядятъ—оконницы звенятъ,

А старыя старухи костыли грызутъ,
Все глядючи на молода Чурилушку.
Съ той поры Чурилу въ старинáхъ поемъ,
Вѣкъ будемъ пѣть его и дó вѣку.

БЫЛИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ. (63)

Какъ во той во Индіи богатоей
Да во той во Га́личи проклятоей
Не ковыль-трава по вѣ́тру колыхается,
Да не бѣ́лая березка погибается—
Сынъ со ро́дной матушкой прощается,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Со честно́й вдовой Мамельфой Тимоѳеевной,
Понизёшенько ей поклоняется,
Желтыми кудря́ми до сыро́й земли:
„Свѣтъ мой, государыня родитель-матушка,
Ты честна́ вдова, Мамельфа Тимоѳеевна!
Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
Съѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.
У меня во всѣхъ града́хъ побы́вано,
Всѣхъ князей да перевидано,
Всѣмъ княгинямъ да послужено—
Во одномъ во градѣ Кіевѣ не бы́вано,
Одного князя́ Владиміра не видано,
Да одной его княгинюшкѣ не служено;
А вѣдь скажутъ: Кіевъ градъ въ чести́, въ добрѣ.“
Отвѣчаетъ Дюку ро́дна матушка,
Ро́дна матушка Мамельфа Тимоѳеевна:
„Свѣтъ мой, чадочко мое любимое,

Молодой бояринъ Дю́кушка Степановичъ!
Нѣтъ тебѣ прощеньица-благословеньица
Съѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.
Не бывать тебѣ во градѣ Кіевѣ,
Не видать тебѣ князя́ Владиміра,
Не служить тебѣ его княгинюшкѣ:
Вѣдь до славнаго до града Кіева
Три стои́тъ заставушки великіихъ:
Первая застава—горушки толкучія,
А друга́ застава—птицы поклевучія,
Третія застава—змѣи поѣдучія.
Тутъ тебѣ ли, Дюку, не проѣхати,
Молодому живу не́ бывать."
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Ай же ты, моя родитель-матушка!
Ты меня тѣмъ не утраживай.
Дашь прощеньице—поѣду я,
А не дашь прощенья—все поѣду я."
„Ай же, дитятко мое ты милое,
Молодой ты Дюкушка Степановичъ!
Богъ тебя проститъ, Господь помилуетъ.
Уродилося ты, дитятко, зано́сливо,
Уродилося заносливо, захвастливо:
Ты расхвастаешься животи́шками,
Животишками сиротскими, вдовиными;
А во Кіевѣ-то люди все лукавые,
Изведутъ тебя вѣдь не за денежку."
Какъ пошелъ тутъ Дюкъ Степановичъ
На свою конюшню на стоялую,
Изо ста добры́хъ коне́й, изъ тысячи
Выбиралъ жеребчика неѣзжена,
Мала бурушку-кавурушку косматаго.
Шорсточка у бурушки-то трёхъ пядей,
Грива у кавурушки-то трехъ локтей,

Краснымъ золотомъ повúта, изукрашена,
Хвостъ до самой до сырóй земли,
Застилаетъ, заметаетъ слéды конскіе.
Выводилъ буркá бояринъ на широкій дворъ,
Да каталъ-валялъ его въ росѣ вечернеей, (64)
Расчесалъ гребенкой-дорогъ рыбій зубъ,
Наложилъ попону пестрядинную,
Въ три ли стрóки стрóчену да тóчену:
Первая строка-то чиста сéребра,
Средняя строка-то красна золота,
Третія строка-то скатна жемчугу.
Да не тѣмъ попона дорогá была,
Что въ три стрóки стрóчена да тóчена,
Тѣмъ попона дорогá была,
Что ладáми всякими выплётана,
Да и тѣмъ еще ли дорогá была—
Вплётано въ нее по камню яхонту,
По драгóму камню самоцвѣтному:
Отъ камней лучи пекутъ да солнопёчные,
Чтобы днемъ и ночью видно было ѣхати.
Полагалъ еще бояринъ подсѣдельники,
Клалъ снарядное сѣдёлышко черкасское,
Уздицу и повода́ съ нацвѣтами;
Подпрягалъ двѣнадцать пóдпруговъ семи шелковъ,
Подтянулъ еще тринадцату продольную—
Да не для-ради́ красы-басы угожества,
Для-ради́ укрѣпы богатырскія;
Втягивалъ въ нихъ пряжечки серебряны,
Вдергивалъ въ нихъ иглы золочёныя,
Торокú великіе подвязывалъ,
Нагружалъ въ нихъ золотой казны,
Золотой казны да платья цвѣтнаго;
Подводилъ коня къ крыльцу перёному,
Что къ крыльцу перёному, къ столбу точёному,

Что къ столбу точёному, къ колечку золочёному,
Отошелъ самъ отъ коня—дивуется:
„Али добрый конь ты, али лютый звѣрь—
Изъ-подъ славнаго наряда не увидѣти.“
Видѣли еще, какъ на коня вскочилъ,
А не видѣли поѣздки молодецкія,
Только въ полѣ кудельба́ стоитъ—
Конь стрѣлой подъ Дюкомъ въ перелётъ летитъ.
Ко первóй заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ горушкамъ толкучіимъ:
Горы вмѣстѣ сто́лкнулись-расто́лкнулись,
Не поспѣли снова сто́лкнуться—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
Маленькій косматенькій провёртывалъ.
Ко другой заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ птицамъ поклевучіимъ:
Не поспѣли птицы крыльицевъ расправити—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
Маленькій косматенькій провёртывалъ.
Къ третьей ко заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ змѣямъ поѣдучіимъ:
Не поспѣли змѣи хоботóвъ расправити—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
Маленькій косматенькій провёртывалъ.
Съ холма на́ холмъ, съ горы на́ гору,
Рѣки да озёра перескакивалъ,
Широки́ раздолья промежъ ногъ спускалъ,
Въ славный Кіевъ градъ прискакивалъ.
Проѣзжаетъ Дюкъ тутъ на широкій дворъ
Къ ласковому солнышку Владиміру,
Привязалъ коня къ столбу точёному,
Ко колечку золочёному,
Заходилъ въ палаты бѣлокаменны,
Приходилъ во гридню во столовую.

А сидитъ тутъ молода Апраксія,
Стольная княгиня княженецкая.
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Здравствуешь ты, портомойница!“
Какъ то слово ей не показалося;
Говоритъ княгиня стольная Апраксія:
„Что́ ты, деревенщина-засельщина,
Рѣчи говоришь мнѣ неумильныя,
Стольную княгиню княженецкую
Называешь портомойницей!“
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Головой качаетъ, самъ отвѣтъ держитъ:
„Гой еси ты, молода княгинюшка!
За то слово на меня ты не прогнѣвайся:
Какъ у насъ во Индіи богатоей
Да во той во Галичи проклятоей,
У моей у ро́дной матушки,
Въ экомъ платьѣ ходятъ портомойницы.
А и гдѣ же самъ Владиміръ стольно-кіевскій,
Бить челомъ бы солнышку да поклонитися?“
„Онъ ушелъ во церковь во соборную,
Господу ли Богу помолитися,
Ко Господнему кресту ли приложитися.“
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выходилъ на улицу широкую,
Прямо шелъ во церковь во соборную;
Крестъ кладетъ тутъ по писа́ному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Желтыми кудря́ми до сыро́й земли,
Да не столько Господу молился онъ,
Да не столько образа́мъ клонился онъ,
Сколько съ ноженьки на ноженьку поступливалъ,
Съ плечика на плечико поглядывалъ,
Самъ губами-то почамкивалъ;

На Владиміра ли взглянетъ князя солнышка—
Покачаетъ лишь головушкой,
На князей, на бóяровъ оглянется—
Поведетъ плечомъ лишь да рукой махнетъ.
А стояли около Владиміра:
По правý руку Добрынюшка Никитичъ младъ,
По лѣвý руку Чурилушка сынъ Плёнковичъ.
Отошла обѣдня воскресенская,
Сталъ Владиміръ князь боярина выспрашивать:
„Ты отколь, скажи, удалый добрый мóлодецъ?
Ты коéй земли, коéй орды?
Какъ тебя, скажи, назвать по имени,
Величати по отечеству?“
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!
Я изъ той изъ Индіи богатыя
Да изъ той изъ Галичи проклятыя,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.“
„А давно ли ты, бояринъ, къ намъ повыѣхалъ?“
„Дома я стоялъ заутреньку,
А во Кіевъ градъ поспѣлъ къ обѣденькѣ.“
Говоритъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ:
„Гой еси ты, нашъ Владиміръ князь!
Во глазахъ мужикъ вѣдь подлыгается,
Во глазахъ собака насмѣхается!
Повороты у него не Дюковы,
Поговорушка не Дюкова,
А долженъ онъ быть холопина боярская,
Князя, знать, убилъ, либо боярина,
Платья цвѣтныя содралъ съ него:
У обѣдни Богу не молился онъ,
Все вокругъ посматривалъ, поглядывалъ,
Все свою одёженьку оглядывалъ:
Видно, цвѣтныхъ платьевъ вѣкъ не нашивалъ.“

Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Сказывали, Кіевъ градъ въ чести́, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
Въ вашей церкви во соборноей
Просто-за́-просто да пусто-за́-пусто,
Противъ нашей и десятой доли нѣтъ;
Платья у тебя, у князя солнышка,
У твоихъ князей да бо́яровъ,
Какъ у насъ у самыхъ бѣдныихъ.“
Зазывалъ тутъ молода боярина
Князь Владиміръ во почéстенъ пиръ,
Выходили вмѣстѣ съ церкви божіей
Да пошли по городу по Кіеву.
Какъ тутъ пали дождички великіе,
Сдѣлалися улички да грязныя.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Шелъ да на сапожки все поглядывалъ.
Говоритъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ:
„И доподлинно холопина боярская,
Деревенщина да пустохвастина:
На свои сапожки не насмотрится,
Вѣкъ такихъ сапожекъ, знать, не держивалъ.“
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Сказывали, Кіевъ градъ въ чести́, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
Настланы мостóчики кирпичные,
Сыпаны песочки рудожелтые,
Да положены поручéньки калúновы;
Какъ тутъ пали дождички великіе,
Измочилися песочки рудожелтые—
Призабрызгалъ я сапожки-то зелёнъ сафьянъ.
У моей у ро́дной матушки

Стланы все мосточики дубовые,
По́верху—сукóнца одинцóвыя,
Да положены порученьки серебряны—
Какъ пойдешь по тѣмъ мосточикамъ дубовыимъ
Да о тѣ поручéньки серебряны,
Тутъ сапожки идя только чистятся,
Рудожелтой грязью не забрызжатся."
Пріѣзжали ко воротáмъ княженецкіимъ;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Головой качалъ, самъ проговаривалъ:
„Сказывали, Кіевъ градъ въ честú, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
У моей у рóдной матушки
Надъ воротáми иконъ-то будетъ семьдесятъ,
Да и всѣ иконы въ золотѣ,
А у васъ здѣсь и десятка нѣтъ!"
Заѣзжали на широкій княженецкій дворъ;
Ко столбу стоитъ привязанъ Дюковъ добрый конь.
Головой качаетъ Дюкъ Степановичъ:
„Сказывали, Кіевъ градъ въ честú, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
У моей у рóдной матушки
На дворѣ стоятъ столбы серебряны,
Въ нихъ продёрнуты колечки чиста золота,
Поразставлена сытá медвя́ная,
Понасыпана пшена да бѣлоярова—
Есть добры́мъ конямъ что́ пить да кушати.
А у васъ здѣсь брошено овсишка зя́благо.
Ай же ты, мой бурушка-кавурушка!
Ты помрешь здѣсь, бѣдный конь мой, съ голоду:
Во своемъ во городѣ во Галичѣ
Ты не кушалъ и пшены-то бѣлояровой!"
Заходили во палаты бѣлокаменны,
Проводили гостя въ гридню свѣтлую,

Становили столики дубовые,
Накрывали скатерти шелкóвыя,
Становили яствица сахáрныя,
Разводили питьица медóвыя,
Да садили гостя во большó мѣсто,
Во большó мѣсто да во большомъ углу,
Почитали гостя зá гостя.
За столомъ сидятъ всѣ, пьютъ да кушаютъ,
Пьютъ да кушаютъ, а сами слушаютъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
За столомъ сидитъ, въ окно глядитъ,
Все качаетъ лишь головушкой;
Со стола крупитчатый калачъ возьметъ,
Верхню корочку повырѣжетъ, на столъ кладетъ,
Мякишекъ-серёдку скушаетъ,
Нижню корочку подъ столъ мечётъ.
Увидалъ то солнышко Владиміръ князь:
„Что же ты, бояринъ, чванишься?
Верхню корочку на столъ кладёшь,
Нижню корочку подъ столъ мечёшь?“
Отвѣчаетъ Дюкъ Степановичъ:
„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Сказывали, Кіевъ градъ въ чести, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
Какъ у васъ все бочки-то дубовыя,
Понабúваны обрýчики еловые,
Дѣланы мѣшалочки сосновыя—
Тутъ у васъ и калачи мѣсятъ;
Какъ у васъ все печки-то кирпичныя,
Топятся дровцáми да еловыми,
Дѣланы помя́лушки сосновыя—
Тутъ у васъ и калачи пекутъ:
Оттого у васъ и калачи крупитчаты
Пахнутъ на ту глинушку дожжóвую

Да на то помя́лушко сосновое.
У моей родитель-матушки
Дѣланы все бочечки серебряны,
Понаби́ваны обру́чики злачёные,
Да положены все мёды сладкіе;
Дѣланы мѣшалочки дубовыя—
Тутъ у ней и калачи мѣсятъ;
Пе́чечки-то все у ней мура́влены,
Топятся дровца́ми да дубовыми,
Дѣланы помя́лушки шелко́выя;
Какъ помочатъ во росу меда́вую,
Пометаютъ печечки мура́влены,
Подстилаютъ бѣлою бумагою—
Тутъ у ней и калачи пекутъ:
Какъ калачикъ съѣшь—другаго хочется,
Другой съѣшь—по третьему душа горитъ,
Третій съѣшь—четвертый вонъ съ ума нейдетъ."
Наливали тутъ хмѣльныхъ напиточковъ,
Подносили гостю чару зелена́ вина;
Бралъ онъ чару во бѣлы́ руки,
Подносилъ къ устамъ саха́рнымъ—
Не понравился боярину напиточекъ,
Половину вылилъ за окошечко,
Половину за́ спину повыплескалъ
Черезъ золотъ стулъ по славной горенкѣ,
Говоритъ самъ князю таковы́ слова:
„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Какъ у васъ во Кіеву да не по нашему:
Дѣланы все бочки-то дубовыя,
Понаби́ваны обру́чики еловые,
Зелено́ вино туда положено,
Въ погреба́ да на́ землю опущено;
Тамъ винцо у васъ и призадо́хнется:
Горько ваше зелено́ вино,

Пахнетъ за́тхолью великою,
А и въ ротъ его не можно взять.
У моей сударыни у матушки
Дѣланы все бочечки серебряны,
Понаби́ваны обру́чики злачёные,
Пиво сладкое, стоялое положено,
Въ погребахъ глубокіихъ повѣшано
На цѣпочкахъ на серебряныхъ,
Да по трубамъ подземельныимъ
Буйны вѣтры понаве́дены:
Какъ повѣютъ вѣтры со чиста́ поля—
Воздухи пойдутъ по по́гребамъ,
На цѣпочкахъ бочки закачаются,
Загогочутъ будто лебеди,
Будто лебеди на тихихъ за́водяхъ,
Въ бочкахъ пиво всколыбается,
А и вѣкъ не затыха́ется.
Чару выпьешь—гу́боньки слипаются,
Другу выпьешь—третьей хочется,
Третью выпьешь—по четвертой ли душа горитъ."
Какъ тутъ младъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ
По столовой гриднѣ запохаживалъ,
Таковы́ слова до проговаривалъ:
„Что же ты, холопина боярская,
Порасхвастался имѣніемъ-богачествомъ,
Порасхвастался уѣдами да питьями?
Мы ударимъ-ка съ тобою о великъ закладъ,
О великъ закладъ, о тридцати о тысячахъ:
На три года времени проѣхати
На своихъ на ко́няхъ богатырскіихъ—
Каждый день бы ко́ни были смѣнные,
Разношерстные все ко́ни, перемѣнные,
Чтобы въ три́ года такой и масти не́ было;
На три года времени выща́пливать—

Каждый день бы платья были смѣнныя,
Цвѣтныя все платья, перемѣнныя,
Снова-на́-ново на всѣ на три́ года,
Чтобы въ три́ года такого цвѣту не́ было."
Говоритъ Чурилѣ Дюкъ Степановичъ:
„Ай ты, молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ!
Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
Просто бить тебѣ со мною о великъ закладъ:
Кладовыя у тебя полны́мъ-полно
Всякою одежицей покладены,
У меня же все одежица дорожная,
У меня все платьица завозныя."
И ударили они тутъ о великъ закладъ,
О великъ закладъ—о тридцати о тысячахъ;
По Чурилѣ сынѣ Плёнковѣ
Цѣлымъ градомъ Кіевомъ ручаются,
Поручился самъ Владиміръ князь съ княгинею;
А по Дюкѣ нѣтъ пору́кушки,
Набиралась только голь кабацкая,
Голь кабацкая до тысячи,
Больше все по Дюкушкѣ ручаются.
Закручинился бояринъ, запечалился,
Запечалился, повѣсилъ буйну голову,
Ясны очи утопилъ въ кирпичатъ полъ,
Поскорёшенько садится на червлёный стулъ,
Пишетъ письма скорописчаты
Ко своей ко ро́дной матушкѣ:
„Ай же, свѣтъ, моя ты ро́дна матушка!
Ты повыручь-ка меня съ неволюшки,
Съ-подъ того закла́да съ-подъ тяжелаго:
Ты пошли-ка мнѣ одежицы снарядныя,
Чтобъ хватило на три года времени,
Каждый день бы платья были смѣнныя,
Цвѣтныя все платья, перемѣнныя,

Снова-на́-ново на всѣ на три́ года́,
Чтобы въ три́ года такого цвѣту не́ было."
Выходилъ бояринъ на широкій дворъ,
Приходилъ къ добру́ коню ко богатырскому,
Полагаетъ письма подъ сѣдёлышко,
Отпущаетъ мала бурушку-кавурушку:
„Побѣгай-ка ты, мой добрый богатырскій конь,
Да во славную во Индію богатую,
Да во славный нашъ во Галичъ градъ,
Забѣгай-ка тамъ на мой широкій дворъ,
Ко своимъ ко конюхамъ любимыимъ."
Побѣжалъ тутъ Дюковъ добрый богатырскій конь
Да по славному раздольицу чисту́ полю,
Побѣжалъ во Индію богатую,
Прибѣгалъ во славный Галичъ градъ
Да на Дюковъ на широкій дворъ,
За́ржалъ громкимъ лошадинымъ я́сакомъ.
Услыхали конюхи любимые,
Усмотрѣли мала бурушку-кавурушку,
Приходили къ Дюковой ко матушкѣ,
Ко честно́й вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевнѣ,
Приходили, сами низко поклонялися:
„Ты честна́ вдова Мамельфа Тимоѳеевна!
Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкій дворъ."
Поглядѣла во косящато окошечко,
Увидала, бурушку-кавурушку,
Залилася горючьми́ слезьми́ старушенька:
„Видно, чадочко мое рожёное
Положило буйную головушку
Да на матушкѣ на славной на свято́й Руси!"
Выходила на широкій дворъ,
Брала бурушку за повода́ шелко́вые,
Приказала бурушку разсѣдлывать;
Да какъ стали бурушку разсѣдлывать,

Увидала письма подъ сѣдёлышкомъ,
Скоро письма распечатала,
Посмотрѣла что́ въ нихъ принаписано,
Взрадова́лась старая, что живъ любимый сынъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Говоритъ сама да таковы́ слова:
„Знать, заносливо рожёное, захвастливо,
Оттого оно тамъ и захвачено!
Ай вы, конюхи мои любимые!
Вы кормите-ка коня мнѣ скоро-на́-скоро,
Скоро-на́-скоро да сыто-на́-сыто.“
Отвели коня въ конюшеньку стоялую,
Понасы́пали пшены да бѣлояровой,
Поразста́вили сыты́ медвя́ныя.
А че́стна́ вдова Мамельфа Тимоѳеевна
Скоро шла въ палаты бѣлокаменны,
Скоро бра́ла золоты́ ключи,
Созывала всѣхъ служанокъ вѣрныихъ,
Бра́ла перецѣнщиковъ, разцѣнщиковъ,
Оцѣняли тутъ одежу драгоцѣнную,
Чтобъ хватило на три года времени,
Каждый день бы платья были смѣнныя,
Снова-на́-ново да что ни ести лучшія,
Уклада́ли въ сумы перемётныя,
Отпускали бурушку во стольный Кіевъ градъ.
Какъ пошелъ бурко́ тутъ по чисту́ полю,
Прибѣгаетъ въ Кіевъ градъ на княженецкій дворъ,
За́ржалъ громкимъ лошадинымъ я́сакомъ.
Услыхалъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Знать, пришелъ мой бурушка косматенькій!“
Выходилъ ко бурушкѣ-кавурушкѣ,
Распечаталъ сумы перемётныя,
Вынималъ одежи драгоцѣнныя.
Сталъ одежицы съ Чурилой тутъ понашивать,

На добро́мъ конѣ съ Чурилой да поѣзживать.
Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Цѣлымъ стадомъ въ полѣ лошадей погналъ,
А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поутру пораньше самъ повы́станетъ,
Въ поле бурушку косматаго повыведетъ,
Перекатываетъ во росѣ во утренней,
На буркѣ-то шерсть и перемѣнится.
Ѣздятъ, щапятъ годъ они, другой ли годъ,
Вотъ проѣздили, прощапили всѣ три́ года,
Да приходитъ, братцы, имъ послѣдній день,
А и надо имъ идти во церковь божію,
Ко заутренькѣ ко воскресенскоей.
Божій колоколъ ранёшенько гудо́мъ гудитъ,
Въ церковь божію народъ вало́мъ валитъ.
Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Всѣхъ впередъ проходитъ надуваючись,
Длинными полами раздуваючись,
Да прихлопывая шапкой-му́рманкой;
Ставится на правомъ крылосѣ.
За Чурилой входитъ Дюкъ Степановичъ,
Входитъ потихо́хонько, смирнёхонько,
Ставится на лѣвомъ крылосѣ,
Всю заутреньку стоитъ прямёхонько,
Да поклоны лишь кладетъ частёхонько.
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Погляну́лъ на праву руку, на Чурилушку:
На Чурилушкѣ одежица снарядная:
На головкѣ шапка-му́рманка-златой вершокъ,
На ногахъ сапоженьки-зелёнъ сафьянъ,
Пряжечки серебряны, шпеньки злачёные;
На плечахъ могучихъ кунья шубонька,
Что одна-ли строчка чиста се́ребра,
А другая строчка красна золота,

Петельки прошúваны шелкóвыя,
Пуговки положены злачёныя;
Да во тѣхъ во петелькахъ шелкóвыихъ
Вплётано по красноей по дѣвушкѣ,
А во тѣхъ во пуговкахъ злачёныихъ
Влúвано по доброму по молодцу:
Какъ застёгнутся, такъ и обóймутся,
Поразстёгнутся, такъ поцѣлуются.
Говóритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Молодой боярúнъ Дюкъ Степановичъ
Прозакладалъ все имѣніе-богачество
Молоду Чурилѣ сыну Плёнкову!“
Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Ты на лѣву руку посмотри теперь:
Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Прозакла́дался боярину.“
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Посмотрѣлъ на лѣву руку, на боярина:
На головкѣ шапочка со ро́жками,
На рожка́хъ по камешку по самоцвѣтному,
Спереди введенъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
По косицамъ—звѣзды частыя,
А шеломъ на шапочкѣ какъ жаръ горитъ.
Ноженьки во лапотцахъ семи шелковъ,
Въ пяты вставлено по золотому гво́здичку,
Въ но́сы вплётано по дорогому яхонту:
Днемъ идти въ нихъ—что́ по красну солнышку,
Темной ночью—что́ по свѣтлу мѣсяцу.
На плеча́хъ могучихъ шуба черныхъ со́болей,
Черныхъ соболей заморскіихъ,
Подъ зелёнымъ рытымъ бархатомъ,
А во петелькахъ шелкóвыхъ вплётаны
Все-то божьи птичушки пѣвучія,

А во пуговкахъ злачёныхъ влúваны
Все-то люты змѣи, звѣрюшки рыкучіе:
Сталъ онъ плёточкой по петелькамъ поваживать—
Вдругъ запѣли птичушки пѣвучія,
Затянули пѣсеньки небесныя,—
Удивленье весь честнóй народъ взяло.
Сталъ онъ плёточкой по пуговкамъ похаживать.
Сталъ онъ пуговку о пуговку позванивать—
Закричали звѣрюшки рыкучіе,
Люты змѣи съ пуговки плывутъ ко пуговкѣ,
Зашипѣли во всю голову,—
Всѣ ужáхнулися, во повалъ попáдали,
А ины—какъ пали óземь, такъ и óбмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Поуйми-ка ты звѣрей рыкучіихъ,
Призакличь ка змѣевъ лютыихъ,
Ты оставь людей мнѣ хоть на сѣмена.
Ай ты, молодой Чурила Плёнковичъ!
Мы пробúли денегъ сорокъ тысячей:
Перещáпилъ вѣдь тебя бояринъ-то,
Нѣту у тебя такихъ великихъ хитростей!“
А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Только принялъ отъ Чурилы тридцать тысячей,
Тутъ-же роздалъ всѣ на зелено́ вино
Поручителямъ своимъ—голя́мъ кабацкіимъ.
Ополóхался Чурилушка до смёртушки,
Шапку-мурманку свою во клочья рветъ,
Осерчавшись, говоритъ боярину:
„Гой ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Эта похвальба не похвальба у насъ.
Мы ударимъ-ка съ тобою объ иной закладъ—
Не о сотняхъ, не о тысячахъ—
Мы ударимъ о своихъ о буйныхъ гóловахъ:

О полу́-рѣки къ водѣ припадывалъ,
За кудёрышки Чурилушку захватывалъ,
Изъ воды съ конемъ Чурилушку вытаскивалъ,
Приволокъ ко ножкамъ княженецкіимъ,
Говорилъ самъ князю таковы́ слова:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Кто изъ насъ добрѣе-то повыступилъ?
Намъ которому съ Чурилой голову́ рубить?“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ахъ ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Не руби-ка ты Чурилѣ буйной го́ловы
За его за ложное за хвастанье,
Ты оставь-ка намъ Чурилку хоть для памяти.“
Стали со слезами тутъ боярина
О Чурилушкѣ умаливать-упрашивать
Кіевскія красны дѣвушки,
Молодыя молодушечки,
Съ ними старыя старушечки.
Подъѣзжалъ и старый Илья Муромецъ:
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Не руби-ка ты Чурилкѣ буйной го́ловы,
Не хвала, не честь въ томъ молодецкая:
Съ нимъ не знаются могучіе бога́тыри,
Знаются съ нимъ только бабы въ Кіевѣ.“
Говоритъ Чурилѣ Дюкъ Степановичъ:
„Ай ты, пустохвастишка боярская!
Княземъ стольно-кіевскимъ упрошенный,
Кіевскими бабами уплаканный!
Ты не ѣзди-ка ужь съ нами во чисто́ поле,
Ты живи-ка между бабами во Кіевѣ,
А и вѣкъ живи тамъ съ ними по́ вѣку!“
Былъ же тутъ Алешенька Поповскій сынъ,
Говоритъ Алешенька Владиміру:
„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Стран. 199—200.

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ—оконницы звенятъ,
А старыя старухи костыли грызутъ,

Выбирай-ка писчиковъ-общёнщиковъ,
Посылай во Индію богатую,
Да во ту во Галичь во проклятую,
Описать все Дюково богачество,
Общёнить безсчётну золоту́ казну:
Такъ ли онъ своимъ посельемъ хвастаетъ,
Такъ ли у него во домѣ дѣется?"
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„А кого же писчикомъ-общёнщикомъ
Я пошлю во Дюково посельице?"
Говоритъ Алешенька Поповскій сынъ:
„Ты пошли-ка, князь, меня, Алешеньку."
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Ты не посылай Алешеньки Поповича:
Роду онъ, Алешенька, поповскаго,
А поповски очи завидущія,
А поповски руки загребущія—
Какъ увидитъ много злата-се́ребра,
Злату-се́ребру Алеша позавидуетъ,
Не вернётся больше въ стольный Кіевъ градъ,
Тамъ и сложитъ буйную головушку.
Ты пошли-ка стара Илью Муромца,
Молода Добрынюшку Никитича,
Въ-третіихъ Михайла По́тыка Иванова,
Трехъ могучихъ русскіихъ бога́тырей;
Дай съ собой бумаги да чернилъ на три́ года—
Да не вѣкъ же имъ тамъ животы общёнивать:
Не какіе наши животы—сиротскіе."
И послали стара Илью Муромца,
Молода Добрынюшку Никитича
Да Михайла По́тыка Иванова,
Трехъ могучихъ русскіихъ бога́тырей,
Во ту Индію богатую,

Во ту Галичь во проклятую,
Дюковыихъ животовъ общѣнивать.
Отправлялись три могучіе богáтыря,
Во пути корóтали три мѣсяца,
Ѣхали раздольицемъ чистымъ полемъ.
Да подъѣхали подъ Индію богатую,
Поднялись на горушку высокую,
Увидали славный Галичъ градъ,
Сами говорятъ промежь собой:
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Вѣсточку послалъ, знать, къ рóдной матушкѣ,
Чтобъ зажгла свой славный Галичъ градъ,
Да нельзя бы намъ былó общѣнивать
Животи́шенекъ сиротскіихъ:
Галичъ градъ-то вѣдь огнемъ горитъ."
Какъ поближе къ Галичу подъѣхали:
Кровельки на всѣхъ домахъ да золочёныя,
Маковки на всѣхъ церквахъ да самоцвѣтныя,
Отъ дали́-то будто жаръ горятъ.
Заѣзжали въ славный Галичъ градъ,
Подъѣзжали ко высóку тéрему:
Не видали теремóвъ такихъ на сéмъ свѣтѣ.
Заходили во высóкъ терёмъ:
Всѣ ступеньки-то серебряны,
Всѣ грядóчки-то орлёныя,
Всѣ орлёныя да золочёныя;
Въ стѣны вкладены камéнья драгоцѣнные:
Видно мóлодца лицомъ въ нихъ, станомъ, возрастомъ;
Половицы все стекляныя,
Подъ полóмъ течетъ вода студёная,
А въ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя:
Какъ которая плеснётъ хвостомъ,
Половица звякнетъ, будто нáдтреснетъ,
Инъ ступать по половицѣ бóязно.

Какъ прошли въ палаты, во перво́й покой,
Увидали стару-матеру́ жену,
Мало шёлку, вся во чистомъ се́ребрѣ.
Господу ли Богу помолилися,
На всѣ стороны низе́нько поклонилися:
„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!
Сынъ тебѣ шлетъ челомъ-би́тьице,
Понизку́ велѣлъ поклонъ поставити.“
Отвѣчаетъ стара-матера́ жена:
„Здравствуйте и вы, уда́лы добры мо́лодцы!
Я не Дюкова есть матушка,
Я здѣсь Дюкова есть рукомойница,
Полагаю Дюку воду въ рукомойничекъ.“
Проходили мо́лодцы въ другой покой,
Увидали стару-матеру́ жену,
Мало шёлку, вся во красномъ золотѣ.
Господу ли Богу помолилися,
На четыре на сторонки поклонилися:
„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“
„Я не Дюкова есть матушка,
Я здѣсь Дюкова есть судомойница.“
Проходили далѣй добры мо́лодцы,
Увидали стару-матеру́ жену,
Мало шёлку, вся во скатномъ жемчугѣ.
Бьютъ челомъ ей, поклоняются:
„Здравствуешь ты, Дюкоза ли матушка!“
„Я не Дюкова есть матушка,
Я здѣсь Дюкова калачница.“
Проходили во покой четвертый мо́лодцы,
Увидали стару-матеру́ жену,
Мало шёлку, вся въ каме́ньяхъ самоцвѣтныихъ.
До земли челомъ бьютъ, поклоняются:
„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“
„Я не Дюкова есть матушка,

Я здѣсь Дюкова есть стольница.
Вы спины-то даромъ не ломайте-ка,
Понапрасну шеи не сгибайте-ка:
Женъ, какъ я, не мало въ нашемъ городѣ,
Всѣмъ, небось, вамъ не накланяться.
Дюкова-то матушка ушла къ обѣденькѣ;
Вы ступайте-ка во церковь во соборную,
Да смотрите, всякому не кланяйтесь.
Какъ пройдутъ впередъ лопа́тники,
За лопатниками вслѣдъ метельники,
За метельниками вслѣдъ постельники,
Тутъ пойдетъ со церкви божіей
И честна́ вдова Мамельфа Тимоѳеевна."
Скоро шли они ко церкви ко соборноей,
Становились у дверей церковныихъ.
Вотъ пошелъ народъ съ обѣденьки,
Кто въ шелку идетъ, кто въ се́ребрѣ, кто въ золотѣ,
Кто идетъ въ каменьяхъ самоцвѣтныихъ.
Выходили тутъ лопатники,
Разгребали путь-дороженьку;
Выходили вслѣдъ метельники,
Засыпали путь песочкомъ жёлтыимъ;
За метельниками шли постельники,
Стлали по пути мосточики дубовые,
По́верху — сукóнца одинцóвыя,
Полагали вдоль поручéньки серебряны.
Какъ ведутъ тутъ стару-матерý старушеньку
Тридцать дѣвицъ со дѣви́цей по́дъ руки,
Надъ старушенькой несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ ее не запекало красно солнышко,
На нее не ка́пали бы ро́сы утренни.
Платье на старушенькѣ надѣто цвѣтное,
Вся подве́дена на немъ луна небесная;
Какъ отъ красна солнца, свѣтла мѣсяца,

По всему по Галичу лучи некутъ,
Часты, мелки звѣзды разсыпаются.
Подходили къ ней, низе́нько поклонялися:
„Здравствуешь же, Дюкова ты матушка!
Сынъ тебѣ́ шлетъ челомъ-би́тьице,
Понизку́ велѣлъ поклонъ поставити.“
„Здравствуйте и вы, уда́лы добры мо́лодцы!
Вы пойдите-ка со мною во высо́къ терёмъ,
Хлѣба-соли у меня покушати,
Бѣлыя лебёдушки порушати.“
„Государыня Мамельфа Тимоѳеевна!
Мы пріѣхали вѣдь не тебя смотрѣть,
А твое житье-богачество описывать:
Призахвастался твой сынъ богачествомъ.“
„Ай же, славные вы писчики-общѣнщики!
Не какіе животы у насъ—сиротскіе,
Животы вдовиные, бобыльскіе,
А не долго же вамъ животы описывать.“
Шли бога́тыри за нею во высо́къ терёмъ,
По́итъ, кормитъ ихъ да много чествуетъ.
Какъ калачъ съѣдятъ—другаго хочется,
Какъ другой съѣдятъ—по третьему душа горитъ,
Третій ли съѣдятъ—четвертый вонъ съ ума нейдетъ.
Чару выпьютъ—гу́боньки слипаются,
Другу выпьютъ—третьей хочется,
Третью выпьютъ—по четвертой ли душа горитъ.
Наѣдались до полу́-сыта,
Напивались до полу́-пьяна.
Тутъ честна́ вдова Мамельфа Тимоѳеевна
Повела ихъ посмотрѣть свое посе́льице,
Самоё-то по́дъ-руки ведутъ служаночки;
Привела въ конюшеньки стоялыя:
Не могли жеребчиковъ пересчитать,
Не могли глазами ихъ пере́глядѣть,

Да не знали и цѣны имъ дать:
Въ чёлкѣ, въ гривѣ, во хвостѣ у каждаго
Вплётано по камню самоцвѣтному.
Привела во клѣтку во сѣдельную:
Не могли сѣдёлышекъ пересчитать,
Не могли глазами ихъ переглядѣть,
А и каждое сѣдло-то во пятьсотъ рублей.
Привела во клѣтку во платёную:
Не могли тутъ платьицевъ пересчитать,
Не могли глазами ихъ переглядѣть,
Всѣ-то дѣланы изъ шёлку да изъ бархату,
Поусажены камнями драгоцѣнными.
Завела во погребъ сорока сажонъ:
Не могли тутъ бочечекъ пересчитать,
Не могли глазами ихъ переглядѣть,
Да полны всѣ злата-серебра,
Злата-серебра да все недержана.
Вывела ихъ на широкій дворъ,
А течетъ тутъ рѣчка золочёная—
Не могли той рѣчкѣ-то и смѣты дать.
Поразумались богатыри, спрогоборятъ:
„Взяли мы бумаги да чернилъ на три года,
Да какъ здѣсь намъ животы описывать,
Здѣсь же вѣкъ свой намъ скоротати.“
Говоритъ имъ старая старушенька,
Та честна вдова Мамельфа Тимоѳеевна:
„Ай же, славные вы писчики-общѣнщики!
Вы скажите солнышку Владиміру:
На бумагу пусть продастъ весь Кіевъ градъ,
На чернила пусть продастъ Черниговъ градъ,
Да тогда пріѣдетъ животовъ описывать.“
Отправлялися они назадъ во Кіевъ градъ,
Во пути коротали три мѣсяца,
Пріѣзжали въ стольный Кіевъ градъ,

Приходили къ солнышку Владиміру.
Спрашиваетъ ихъ Владиміръ князь:
„Гой еси вы, писчики-обцѣнщики!
А и вѣрно ли похвасталъ Дюкъ Степановичъ,
Великій ль у Дюка животы сиротскіе?“
Отвѣчаютъ князю писчики-обцѣнщики,
Русскіе могучіе богáтыри:
„Ой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Великій у Дюка животы сиротскіе:
Кабы стали ихъ обцѣнивать, описывать,
Тамъ бы и свой вѣкъ скорóтали.
Да наказывала Дюкова намъ матушка,
На бумагу-то продать весь Кіевъ градъ,
На чернила-то продать Черниговъ градъ,
Да тогда пріѣхать животовъ описывать.“
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
За твою за похвальбу великую
Ты торгуй-ка въ нашемъ градѣ Кіевѣ,
Вѣкъ торгуй у насъ безпошлинно.“
Съ тѣхъ-то поръ про Дюка старинý скажутъ,
Синему-то морю да на тúшину,
А вамъ, добрымъ лю́дямъ, на послу́шанье.

БЫЛИНА ДВАДЦАТАЯ.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ ВЪ ОТЪѢЗДѢ.

Какъ стоятъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ
Княженецкія палаты бѣлокаменны.
Не отъ вѣтричка палаты зашатались,
Не отъ вихоря палаты отворялися—
Заходилъ туда Добрынюшка Никитичъ младъ,
Съ нимъ товарищи—князья да бóяре,
Русскіе могучіе богáтыри.
Въ пóлъ-сыта ли всѣ тутъ наѣдалися,
Въ пóлъ-пьяна ли всѣ тутъ напивалися,
Во хмѣлю всѣ порасхвастались:
Умный хвастаетъ отцомъ да матерью,
Неразумный—золотой казной,
А Добрыня—молодой женой.
Какъ надъ тѣмъ всѣ усмѣхнулися,
Другъ на друга оглянулися,
Межъ собою разговоръ вели:
„Чѣмъ-то молодой Добрыня хвастаетъ!“
Не ясёнъ сокóлъ съ теплá гнѣзда солётывалъ,
Не бѣлóй кречётъ съ теплá гнѣзда сопóрхивалъ—
Возстаетъ самъ батюшка Владиміръ князь
Съ своего большаго мѣста княженецкаго:
„Ай же вы, мои князья да бóяре,
Русскіе могучіе богáтыри!

Всѣ вы, добры мо́лодцы, расхвастались;
Мнѣ-то, князю вашему, чѣмъ будетъ хвастати?
Какъ ужъ да́лече-дале́че во чисто́мъ полѣ,
Какъ летаетъ тамъ Невѣжа чернымъ вороно́мъ, (65)
Пишетъ мнѣ Невѣжа со угрозою,
Кличетъ-выкликаетъ поединщика,
Супротивъ себя да супротивника.
Ужь кого бы мнѣ послать съ Невѣжей ратиться,
Очищать дороги прямоѣзжія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
За меня за князя за Владиміра,
За мою княгиню за Апраксію,
За сиротъ, за вдовъ да за безсчастныхъ женъ?"
Всѣ бога́тыри за столико́мъ утихнули,
Пріутихнули да пріумолкнули,
Другъ за друга затуля́лися:
Бо́льшіе туляются за средніихъ,
Средніе хоронятся за ме́ньшіихъ,
А отъ ме́ньшіихъ-то и отвѣту нѣтъ.
Какъ встаетъ изъ-за стола за задняго
Первый богатырь да стольно-кіевскій.
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
Говоритъ да таковы́ слова:
„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
Самъ-то я недавно изъ дороженьки,
На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ:
Никогда Невѣжа не казалъ мнѣ глазъ.
Не видалъ я и собачки во чисто́мъ полѣ,
Увидалъ бы—подстрѣлилъ бы изъ туга́ лука.
А теперь пошли-ка ты съ Невѣжей ратиться,
Очищать дороги прямоѣзжія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
Молода Добрынюшку Никитича:
Будетъ онъ защитой славну Кіеву,

Обороной будетъ нашей крѣпости."
И накинули ту служебку-работушку
На того Добрынюшку Никитича.
Выпивалъ Добрыня чару зелена́ вина,
Скороталъ почéстенъ пиръ, пошелъ съ пиру́ домой,
Нéвеселъ пришелъ домой, нера́дошенъ.
Какъ не бѣлая березка къ землѣ клонится,
Не зелёные листочки разстилаются—
Сынъ ко матушкѣ ко ро́дной приклоняется:
„Государыня моя ты, ро́дна матушка,
Пречестна́ вдова Афимья Александровна!
Ты на что́ меня несчастнаго споро́дила,
Безталаннаго на что́ меня отро́дила?
Спородила бы меня, родитель-матушка,
Малымъ, катучимъ бѣлымъ камешкомъ,
Обвертѣла бы во то́нко бѣлое поло́тнище,
Отнесла бы ко глубо́кому синю́ морю,
Опустила бы въ синё море на са́мо дно—
И лежалъ бы тамъ я съ вѣку до́ вѣку,
Буйны вѣтру́шки бы на меня не вѣяли,
Добры людушки бы про меня не баяли.
Я не ѣздилъ бы, Добрыня, по святой Руси,
Я не билъ бы безповинныхъ душъ,
Не слезилъ бы я отцовъ да ма́терей,
Не вдовилъ бы молодыхъ я женъ,
Не сиро́талъ бы я малыхъ дѣтушекъ!
А теперь мнѣ ѣхать во чисто́ поле,
Съ чернымъ вороно́мъ-Невѣжей ратиться,
Очищать дороги прямоѣзжія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ."
„Ахъ ты, свѣтъ мой, ча́дочко любимое,
Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
Кабы знала я да надъ тобой невзгодушку,
Кабы вѣдала безвре́менье великое,

То не такъ бы я тебя спородила:
Я тебя спородила бы, чадочко,
Силушкой во Святогора во богатыря,
Участью-таланомъ въ Илью Муромца, (66)
Смѣлостью въ Алешу во Поповича,
Молодецкою посадкою, поѣздкою
Во Михайла Потыка Иванова,
Выступкой, походочкой щеплівою
Во млада Чурилу сына Плёнкова,
Всѣмъ житьёмъ-бытьемъ, имѣніемъ-богачествомъ
Во боярина во Дюка во Степанова,
Красотой во солнышко Владиміра;
Да ужь, видно, зародилось чадочко
Во безсчастную звѣзду, во безталанную:
Изо всѣхъ статей тебя, Добрынюшку,
Только вѣжествомъ Господь пожаловалъ."
„Ахъ ты, свѣтъ моя да родна матушка!
Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
Да на вѣки нерушимое."
Одѣвается Добрыня, снаряжается,
Въ торокй кладетъ онъ калены стрѣлы,
Золоту казну да платье цвѣтное,
Обряжаетъ своего добра коня, (67)
Самъ садится на добра коня;
А честна вдова Афимья Александровна
Провожаетъ сына, кличемъ кликаетъ:
„Ай же ты, любимая невѣстушка,
Молода Настасьюшка Микулична!
Ты чего сидишь во теремѣ въ златомъ верху?
Али надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
Закатается вѣдь наше красно солнышко
За высоки горушки, за темны лѣсушки,
Отъѣзжаетъ вѣдь Добрыня съ широка двора.
Ты сойди-ка на широкій дворъ скорёшенько,

Распроси его да хорошенечко:
Онъ далече ль ѣдетъ, куда пу́ть держитъ?
Скоро ль ждать себя да поджидать велитъ?
Скоро ли велитъ въ окошечко посматривать?“
Какъ сошла тутъ на широкій дворъ скорёшенько
Молода Настасья дочь Микулична,
Да въ одной тонко́й рубашечкѣ безъ пояса,
Да въ однихъ тонки́хъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Какъ зашла Добрынѣ со бѣла́ лица,
Припадала къ стремечку булатному,
Стала спрашивать его, вывѣдывать:
„Ай же, свѣтъ ты мой, любимая державушка,
Миленькій Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты далече ль ѣдешь, куда пу́ть держишь?
Скоро ль ждать себя да поджидать велишь?
Скоро ли велишь въ окошечко посматривать?“
Говоритъ въ отвѣтъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Ай же ты, моя любимая семеюшка,
Молода Настасьюшка Микулична!
Ужь какъ стала у меня ты спрашивать,
Стану я теперь тебѣ и сказывать:
Ожидай Добрыню съ поля три́ года,
Три́ года прождешь—другіе три пожди.
Какъ исполнятся тому всѣ шесть годовъ,
И Добрыня твой не возворо́тится—
Поминай тогда Добрынюшку убитаго,
А тебѣ, Настасьѣ, воля вольная:
Хоть вдовой живи тутъ, хоть заму́жъ поди,
Хоть поди за князя, за боярина,
За бога́тыря, за гостя за то́рговаго
Или за простаго за крестьянина,—
Не ходи ты только за единаго—
За того за бабьяго насмѣшника,
За судейскаго за перелестника,

За Алешеньку Поповича:
Онъ, собака, мнѣ назва́ный братъ,
А назва́ный братъ вѣдь паче ро́днаго."
Только видѣли Добрыню сядючи,
А не видѣли Добрынюшки поѣдучи.
Не дорожкой онъ поѣхалъ, не воротами,
Черезъ стѣну онъ махнулъ да городо́вую,
Мимо башеньки да наугольныя;
Съ горушки на горушку поскакивалъ,
Съ холмика на холмикъ перепрядывалъ,
Рѣки да озёра перескакивалъ,
Широки́ роздолья промежь ногъ спускалъ.
А гдѣ падали копытца лошадиныя,
Тамъ колодцы становились да глубокіе,
Что глубокіе колодцы да кипячіе. (68)
Какъ не сѣрыя двѣ уточки сплывалися,
Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися—
Какъ садилися въ одно мѣсто́ свекровушка
Со свои́ со молодой невѣстушкой,
Плакали, слезами обливалися,
Молода Добрыни дожидалися.
А денёчикъ за денёчкомъ будто дождь дождитъ,
А недѣлька за недѣлькой какъ трава растетъ,
А годо́чикъ за годо́чкомъ какъ соко́лъ летитъ.
И проходитъ тому времени ужь три́ года—
Не бывалъ Добрыня со чиста́ поля.
А денёчикъ за денёчкомъ будто дождь дождитъ,
А недѣлька за недѣлькой какъ трава растетъ;
А годо́чикъ за годо́чкомъ какъ соко́лъ летитъ.
И проходятъ тому времени всѣ шесть годовъ—
Отъ Добрынюшки ни вѣсти нѣтъ, ни по́вѣсти.
Какъ привозитъ тутъ Алешенька Леонтьевичъ
Невеселую им́ъ вѣсточку, нерадостну:
Что побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ полѣ,

Головой лежитъ во частъ ракитовъ кустъ,
Рѣзвыми ногами во ковыль-траву,
Ручки, ножки у Добрыни пораскиданы,
Буйная головка поразломана,
Очи ясныя повыклевали во́роны,
А сквозь желтые кудёрышки
Проростаетъ травушка шелко́вая,
Расцвѣтаютъ цвѣтики лазуревы.
Какъ надъ тѣмъ Добрынюшкина матушка,
Жалобнёхонько да порасплакалась;
А къ Добрынюшкиной молодой женѣ
Стали запохаживать, засватывать
Сватомъ самъ Владиміръ солнышко,
Свахою сама княгинюшка Апраксія,
Добрыми словами уговаривать:
„Ай же ты, Настасья дочь Микулична!
Ужь тебѣ ли жить да молодой вдовой,
Молодой свой вѣкъ одной коро́тати?
Ты поди заму́жъ хоть за бога́тыря,
Хоть за смѣлаго Алешеньку Поповича!“
Не дается на слова Настасьюшка,
Свата да́ритъ новенькой ширѝночкой,
Свахоньку другой ширѝночкой,
Смѣлаго Алешу калено́й стрѣлой,
Имъ сама такой отвѣтъ держитъ:
„Выполнила мужнюю я заповѣдь:
Прождала́ Добрыню цѣлыхъ шесть годовъ.
Выполню и женскую я заповѣдь:
Буду ждать другіе шесть годовъ.
Какъ исполнятся тому двѣнадцать лѣтъ,
Да не будетъ мужа со чиста́ поля,
Все еще поспѣю я заму́жъ пойти.“
И прошли тому другіе шесть годовъ—
Не бывалъ Добрыня со чиста́ поля.

Пріѣзжалъ опять Алешенька Леонтьевичъ
Съ невеселой вѣсточкой, нерадостной:
Что побитъ лежитъ Добрыня во чистóмъ полѣ,
А и косточки-то порастасканы.
Сталъ опять Владиміръ князь съ княгинею
Къ молодой Настасьюшкѣ похаживать,
Подговаривать Настасью да посватывать.
Поразумалась Настасья, поразмыслилась:
„Выполнила мужнюю я заповѣдь,
Выполнила и свою-то заповѣдь,
Не видать ужь мнѣ моей державушки,
Нѣтъ въ живыхъ Добрынюшки Никитича.“
И пошла Настасья дочь Микулична
За того Алешку за Поповича.
Вотъ какъ пиръ идетъ у нихъ по третій день,
А сегодня имъ идти ко церкви божіей,
Принимать съ Алешей по златóу вѣнцу.
Въ тóу пору въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Пречестна́ вдова Афимья Александровна
Подъ окошечко садилась подъ косящато,
Плакала старушенька да съ прúчетью:
„Ахъ, тому ли ужь двѣнадцать лѣтъ назадъ
Закатилось наше красно солнышко;
Закатáется теперь и младъ свѣтёлъ мѣсяцъ!“
Какъ изъ да́леча-дале́ча изъ чиста́ поля
Не порóша бѣлаго снѣжку повыпала,
По тому бѣлóу снѣжку порошенькѣ
Что не бѣлый заюшка проскакивалъ—
Наѣзжаетъ съ поля, въ перегóнъ гонитъ
Добрый мóлодецъ, дѣтинушка залѣшанинъ;
Платьица на немъ не цвѣтныя—звѣриныя,
Конь подъ нимъ косматый, будто лютый звѣрь.
Ѣдетъ не дорожкой, не воротáми,
Ѣдетъ черезъ стѣну городóвую,

Мимо башни наугольныя,
Прямо ко придворью ко вдовиному:
Пнулъ столбы лохматымъ чоботомъ—
Столбики задрогли, пошатнулися.
Ворота́ широ́ко распахнулися.
Онъ коня пускаетъ непривязана,
Самъ идетъ въ палаты бездокладочно.
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны.
Пречестно́й вдовѣ старушенькѣ въ особину:
„Ай, честна́ вдова Афимья Александровна,
Государыня, Добрынюшкина матушка!
Твоему Добрынѣ я назва́ный братъ,
Отъ Добрыни я тебѣ поклонъ привезъ.
Во чисто́мъ полѣ вчера съ нимъ поразъѣхались:
Онъ поѣхалъ ко Царю́-граду,
На прощанье мнѣ велѣлъ, наказывалъ:
Какъ случитъ мнѣ Богъ побыть во Кіевѣ,
Распросилъ бы про его про ро́дну матушку
Да про молоду Настасью дочь Микуличну,
Про его любимую семеюшку.“
Говоритъ въ отвѣтъ Добрынюшкина матушка:
„Ай же ты, дѣтинушка залѣшанинъ!
Не тебѣ бы надо мною надсмѣхатися.
Какъ привезъ Добрынюшкинъ назва́ный братъ,
Молодо́й Алешенька Леонтьевичъ
Невеселую намъ вѣсточку, нерадостну:
Что побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ полѣ.
Какъ слезила я тутъ очи ясныя,
Какъ скорбила тутъ лицо да бѣлое,
Тяжелёшенько по сынѣ плакала.
А Добрынюшкина молода жена,
Молода Настасья дочь Микулична

За того за братца мужнина
За Алешку за Поповича замýжъ пошла.
Сватомъ-то былъ самъ Владиміръ князь,
Свахою сама княгиня да Апраксія.
Какъ идетъ у нихъ ужь пиръ по трéтій день,
А сегодня принимать имъ по златý вѣнцу."
Говоритъ дѣтинушка залѣшанинъ:
„Да еще ли мнѣ велѣлъ, наказывалъ
Мой назвáный братъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
Какъ его Настасьюшка замýжъ пойдетъ,
Мнѣ сходить на ту на свадебкý веселую,
А тебѣ сходить во погребá глубокіе,
Принести гусёлышки ярóвчаты,
На койхъ онъ самъ, Добрынюшка, поигрывалъ;
Принести еще одёжку скоморошную:
Что на ноженьки сапоженьки-зелёнъ сафьянъ,
Что на плечи шубоньку да соболиную,
На головку шапочку пушистую,
Что пушистую, ушистую, завѣсисту;
Въ рученьку дубинку сорокá пудовъ,
Чтобъ на свадебкѣ насъ не обидѣли."
„Ой, ты, деревенщина-засельщина!
Было бъ живо мое красно солнышко,
Нé дало бъ тебѣ, невѣжѣ, надсмѣхатися;
А теперь не стало красна солнышка—
Не къ чему мнѣ гусли скоморошныя,
Не къ чему мнѣ платья скоморошныя,
Не къ чему дубинка скоморошная."
И брала она скорéнько золоты́ ключи,
Отмыкала погребá глубокіе,
Приносила гусли скоморошныя,
Приносила платья скоморошныя,
Подавала деревенщинѣ-засельщинѣ;
Самъ онъ бралъ дубинку сорокá пудовъ,

Накрутился скорой, смѣлой скоморошиной
И пошелъ на тотъ почéстенъ пиръ, на свадебку.
Какъ стоятъ тутъ приворотники, придверники,
Не хотятъ впускать удáлу скоморошину.
Отъ воротъ онъ приворотниковъ отпихивалъ,
Отъ дверей придверниковъ отталкивалъ,
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія.
Вслѣдъ идутъ тѣ приворотники, придверники,
Князю солнышку велику жалобу́ творятъ:
„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Какъ пришелъ удáла скоморошина,
У воротъ не спрашивалъ онъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ разбилъ насъ, въ-зáшей прочь отталкивалъ,
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія.“
„Ай же ты, удáла скоморошина!
Ты зачѣмъ не спрашивалъ да приворотниковъ,
Ты зачѣмъ не спрашивалъ придверниковъ,
А разбилъ ихъ въ-зашей прочь отталкивалъ,
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія?“
Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,
Скоморошина рѣчей не слушаетъ:
„Здравствуй, солнышко Владиміръ князь
Со своимъ со княземъ новобрачныимъ,
Со своей княгиней новобрачною!
А скажи-ка, сударь, укажи-ка намъ,
Гдѣ-то наше мѣсто скоморошное?“
Отвѣчаетъ съ сердцемъ солнышко Владиміръ князь
„Ваше мѣсто скоморошное
Что на печкѣ на мурáвленой, на зáпечкѣ!“
Скоморошина тѣмъ мѣстомъ не побрёзгивалъ,
По́ край печеньки садился да мурáвленой,
Положилъ гусёлышки ярóвчаты
На свои колѣна молодецкія,

Учалъ-почалъ струночки налаживать,
Учалъ да по струночкамъ похаживать,
Самъ подъ струнки голоскомъ поваживать:
Сыгрыши выигрывалъ хорóшеньки
Что отъ Кіева да до Царя́-града,
На́игрышъ все бралъ изъ Кіева,
Всѣхъ пойменно отъ стараго до малаго.
На пиру круго́мъ всѣ пріумолкнули,
За столомъ круго́мъ всѣ позаслушались,
Сами говорятъ промежь себя:
„А не быть же то уда́лой скоморошинѣ,
Быть какому ни есть добру мо́лодцу,
Святорусскому могучему бога́тырю!“
Говоритъ княгиня новобрачная,
Молода Настасья дочь Микулична:
„Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
Прежній мужъ мой, молодой Добрынюшка.“
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, уда́ла скоморошина!
За твою игру да за веселую
Опущайся-ка теперь ты съ печки-за́печка,
Да садись-ка съ нами за дубовый столъ.
Дамъ тебѣ три мѣста я по выбору:
Перво мѣсто—хоть подлѣ меня,
Друго мѣсто—супроти́въ меня,
Третье мѣсто—куда самъ захошь,
Куда самъ захошь, пожалуешь.“
Не садился скоморошина подлѣ князя,
Не садился онъ и супроти́въ князя,
Сѣлъ онъ супротивъ княгини новобрачныя,
Супротивъ Настасьюшки Микуличны.
Говоритъ уда́ла скоморошина:
„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
А благослови-ка ты меня теперь

Чару зелена́ вина налить,
Поднести, кому я самъ задумаю,
Кому самъ задумаю. кого пожалую."
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же ты, уда́ла скоморошина!
Какъ дана тебѣ у насъ поволька вольная,
Что́ задумаешь, то и твори теперь."
Наливалъ уда́ла скоморошина
Полну чару зелена́ вина,
Опущалъ во чару свой злачёнъ перстень,
Подносилъ княгинѣ новобрачноей:
„Ай же ты, молоденька княгинюшка!
А испей-ка ты отъ насъ да зелена́ вина."
Молода Настасья дочь Микулична
Брала чару во бѣлы́ ручки,
Подносила ко устамъ саха́рныимъ.
Говоритъ уда́ла скоморошина:
„Хошь видать добра—такъ допивай до дна,
Не допьешь до дна—такъ не видать добра."
Молода Настасья дочь Микулична
Выпивала чарочку до донышка:
Ко устамъ ея саха́рныимъ
Прикатился тотъ злачёнъ перстень,
И узнала въ немъ она персте́нь, коимъ
Въ церкви божіей съ Добрыней обручалася;
Поклонилась князю, говоритъ сама:
„Ахъ ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Анъ не тотъ мой мужъ вѣдь, что́ возлѣ меня,
Тотъ мой мужъ, что́ супроти́въ меня."
Выходила вонъ изъ-за столовъ дубовыихъ,
Пала мужу ко рѣзвы́мъ ногамъ:
„Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости. во женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась,

Стран. 240—241.

„Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, во женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замужъ пошла.“

За Алешку за Поповича замужъ пошла.
Не охотою берутъ меня, не честію,
Силою берутъ меня, неволею."
Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Не дивуюсь разуму я женскому:
Волосъ бабій дологъ, умъ-то коротокъ;
Я дивуюсь братцу своему названому:
Отъ жива мужа жену беретъ;
Я въ-другихъ дивуюсь князю солнышку
Со княгинею его съ Апраксіей:
Я за нихъ съ Невѣжей въ полѣ ратился,
Всѣ очистилъ имъ дороги прямоѣзжія,
На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
А они мою жену законную
Отъ жива мужа другому сватаютъ."
Князю со княгиней ко стыду пришло:
Утопили очи во кирпичатъ полъ.
А Алешенька Леонтьевичъ
Палъ Добрынѣ ко рѣзвымъ ногамъ:
„Ты прости, прости меня, названый братецъ мой,
Что садился я къ твоей ко молодой женѣ,
Ко Настасьѣ дочери Микуличнѣ!"
„Ай же ты, названый братецъ мой,
Молодой Алешенька Леонтьевичъ!
Какъ во той винѣ тебя Господь проститъ,
Во другой винѣ я не прощу тебя:
Ты зачѣмъ привезъ имъ со чиста поля
Невеселу вѣсточку, нерадостну:
Что побитъ лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ?
Ты слезилъ мою родитель-матушку,
Ты скорбилъ лицо ей бѣлое,
Тяжелёшенько она по сынѣ плакала.
Этой-то вины мнѣ не простить тебѣ!"
Ухватилъ онъ тутъ Алешку за желты кудри,

Держитъ за желты́ кудри одной рукой,
Во другой рукѣ гусёлышки яровчаты:
Сталъ по гриднѣ по столовой съ нимъ похаживать,
За желты́ кудри его поваживать,
Звонкими гусёлышками да охаживать.
Сталъ Алёшенька Леонтьевичъ поохи́вать,
Да отъ буханья не слышно было оханья.
Былъ въ пиру-бесѣдѣ старый Илья Муромецъ,
Бралъ Добрыню онъ за плечи за могучія,
Говорилъ да таковы́ слова:
„Не убей-ка за напраслину бога́тыря;
Хоть онъ силою не си́ленъ, да напу́скомъ смѣлъ.“
Отпустилъ Добрыня братца тутъ со бѣлыхъ рукъ,
Бралъ за праву ручку молоду́ жену,
Цѣловалъ въ уста саха́рныя,
Да повелъ въ свои палаты бѣлокаменны.
Смотритъ та честна́ вдова старушенька:
Какъ не зоренька румяная поро́зсвѣла,
Какъ не звѣзды частыя разсы́пались—
Какъ свѣтёлъ мѣся́цъ во горенкѣ поро́зсвѣтилъ,
Красно солнышко во горенкѣ поро́спекло.
А Алешенька у князя на честно́мъ пиру
По́ край лавочки садился, самъ поохивалъ,
Самъ поохивалъ да приговаривалъ:
„Всякій-то на свѣтѣ женится,
Да не всякому женитьба удается-то:
Удалась женитьба лишь Добрынюшкѣ
Да еще тому Ставру́ Годинову.“
Только-то Алеша и женатъ бывалъ,
Только-то Алеша и съ женой живалъ!

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Какъ не ясны соколы съ чиста́ поля
Во одно мѣсто́ слеталися —
Какъ всѣ русскіе могучіе бога́тыри
Во одно мѣсто́ съѣзжалися,
Къ князю солнышку да на почéстенъ пиръ.
На пиру всѣ ѣли, наѣдалися,
На честно́мъ всѣ пили, напивалися,
А и всѣ другъ передъ другомъ порасхвастались.
Порасхвастался и солнышко Владиміръ князь:
„У меня, у князя у Владиміра,
Есть три славныихъ могучіихъ бога́тыря:
Есть матёрый, старый Илья Муромецъ,
Есть Добрынюшка Никитичъ младъ,
Есть Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ. (69)
Ѣздили всѣ трое за синё море,
Покорили языкй невѣрные,
Прибавляли мнѣ земельки святорусскія;
А Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Настрѣлялъ еще доро́гой къ моему столу
Гусей-ле́бедей да малыхъ уточекъ.
Гой еси, Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
Сослужи-ка во другой мнѣ эту служебку,
Съѣзди-ка опять ко морю синему

Да ко тёплымъ, тихимъ за́водямъ,
Настрѣляй-ка бѣлыхъ гусей-ле́бедей,
Перелётныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ
Къ моему обѣду княженецкому:
До́-люби я мо́лодца пожалую."
Тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Не допивши пива, зелена́ вина,
Богу молится да съ гридни вонъ идетъ.
Скоро мо́лодецъ садится на добра́ коня;
Только видѣли, какъ за воро́та выѣхалъ—
Во чисто́мъ полѣ лишь пыль столбомъ.
А и будетъ онъ у мо́ря синяго,
На его на счастье на великое
Привалила птица ко крутому бережку:
Настрѣлялъ онъ бѣлыхъ гусей-ле́бедей,
Перелётныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ.
Хочетъ ѣхать ужь отъ моря синяго,
Посмотрѣть еще на тихія на за́води—
Увидалъ: плыветъ колода бѣлоду́бова,
На колодѣ—бѣлая лебёдушка.
Черезъ пёрышко лебёдушка вся зо́лота,
А головка краснымъ золотомъ уви́вана,
Скатнымъ жемчугомъ поизнаса́жена.
Вынимаетъ По́тыкъ изъ налушна ту́гой лукъ,
Вынимаетъ изъ колчана калену́ стрѣлу,
Ту́гой лукъ беретъ во ручку лѣвую,
Калену́ стрѣлу беретъ во правую,
Налагаетъ на тети́вочку шелко́вую,
Ту́гой лукъ потягиваетъ за́ ухо,
Калену́ стрѣлу до семи че́твертей;
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли роги у туга́ лука,
Чуть было́—и спуститъ калену́ стрѣлу...
Какъ провѣщится тутъ лебедь бѣлая,

Проязычится языкомъ человѣческимъ:
„Душечка Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
Не стрѣляй меня ты, бѣлой лебеди,
Я не есть вѣдь лебедь бѣлая,
А я есть вѣдь красна дѣвица,
Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣевна, (70)
Королевична Подолянка.
Не убей-ка ты меня, Подолянки,
А возьми-ка ты меня въ замужество."
Поднималась тутъ отъ моря синяго
На своихъ на крыльяхъ лебединыихъ,
Вылетала на крутой берёгъ лебёдушкой,
Обернулася душою красной дѣвицей.
Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ воткнетъ копье въ сыру землю,
Привязалъ коня да за остро копье,
Подошелъ ко красной дѣвицѣ,
Бралъ ее за ручки бѣлыя,
За тѣ перстни золочёные,
Цѣловать хотѣлъ въ уста сахарныя.
Говоритъ Михайлѣ красна дѣвица,
Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣевна:
„Ай, Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
Не цѣлуй-ка ты меня да красной дѣвицы:
У меня уста поганыя,
Я вѣдь роду есть невѣрнаго,
Я невѣрнаго есть роду, некрещёная.
Какъ свезешь меня во стольный Кіевъ градъ,
Приведешь во вѣрушку крещёную,
Въ церкви божьей мы съ тобою повѣнчаемся,
Да тогда съ тобой и нацѣлуемся."
Молодой Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Бралъ ее за ручушки за бѣлыя,
За тѣ перстни золочёные,

Посадилъ къ себѣ да на добра́ коня,
Да повезъ во стольный Кіевъ градъ.
А и будетъ онъ во стольномъ Кіевѣ,
Пріѣзжалъ на княженецкій дворъ,
Подъѣзжалъ къ крылечку красному,
Соскочилъ скоре́нько со добра́ коня,
Проходилъ во гридню свѣтлую,
Помолился Спасу образу,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ на три-четыре стороны:
„Здравствуешь ты, ласковый Владиміръ князь!
Сослужилъ тебѣ я служебку,
Настрѣлялъ тебѣ я гусей-ле́бедей,
Перелётныхъ, малыхъ уточекъ;
Самъ себѣ добылъ обру́чницу,
Лебедь бѣлую Авдотью Лиходѣевну.“
„Ай, Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
Чѣмъ тебя мнѣ на́-скоро пожаловать?
Городами ли со пригоро́дками,
Али селами да со присёлками?“
„Мнѣ не надо городовъ со пригоро́дками,
Мнѣ и селъ не надо со присёлками,
Дай-ка только мнѣ пово́лечку великую
По царёвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкою, гдѣ полукружкою,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ.“ (71)
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Далъ ему поволечку великую
По царёвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкою, гдѣ полукружкою,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ.
А и только лишь во церкви во соборноей

Ко вечернѣ въ колоколъ ударили,
Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Съ бѣлой лебедью Авдотьей Лиходѣевной
Заходили въ матушку во церковь божію,
Служебку вечернюю отслушали.
Тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Низко клóнится попамъ соборнымъ,
Чтобы дали обрученье съ красной дѣвицей;
А попы-то тому дѣлу радошны,
Скоро дѣвицу крестили да молитвили,
Имя дали Марья Лебедь Бѣлая,
Обрученье дали ей съ Михайлушкой,
А и тутъ-же повѣнчали ихъ.
Молодые Богу помолилися,
Ко святымъ иконамъ приложилися,
Клали вмѣстѣ заповѣдь великую:
Кто изъ нихъ да напередъ помретъ,
То другому съ нимъ во гробъ живому лечь,
Во сырý землю идти да на три мѣсяца. (72)
Выходили съ матушки со церкви божіей,
Шли по славну городу по Кіеву,
Шли въ свои палаты бѣлокаменны,
Стали жить да быть, семью сводить.
Да не много же у нихъ житья́ было,
У Михайла Пóтыка Иванова
Съ молодой женою Марьей Лиходѣевной,
Всего-на́-всего да полтора́ года.
Сталъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
По царёвымъ кабакáмъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкою, гдѣ полукружкою,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ.
Захотѣла Марья Лебедь Бѣлая
Поискать надъ мужемъ мудрости:

Съ вечера ли расхворалася,
Ко полу́ночи ли разболѣлася,
А ко у́тру и преставилась.
Прибѣгаетъ ко Михайлѣ во царёвъ кабакъ (73)
Братъ назва́ный, молодой Добрынюшка,
Говоритъ ему да таковы́ слова:
„Ай, Михайло По́тыкъ, братъ назва́ный мой!
Ты здѣсь пьешь да прохлажаешься,
А твоя вѣдь молода́ жена
Марья Лебедь Бѣлая преставилась.“
Какъ вскочилъ Михайло на рѣзвы́ ноги,
Закричалъ Михайло во всю голову:
„Гой еси вы, братьица мои назва́ные,
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
А и ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Вы пойдите-ка ко брату ко назва́ному
Пораздумать думу крѣпкую.
Надо мнѣ исполнить заповѣдь великую,
Надо въ гробъ живому лечь съ покойницей,
Во сыру́ землю идти да на три мѣсяца.
Стройте-ка домо́вище великое,
Чтобы можно было стоя стать,
Можно было бы и сидя сѣсть,
А при времечкѣ и лёжа лечь.
Да кладите хлѣба-соли со водицею,
Чтобъ запасу было на три мѣсяца.“
Скоро эти братьица назва́ные
Строили домо́вище великое,
Чтобы можно было стоя стать,
Можно было бы и сидя сѣсть,
А при времечкѣ и лёжа лечь.
Самъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Шелъ скоры́мъ-скоро́ ко кузницамъ,
Приказалъ ковать клещи желѣзныя,

Трое прутьевъ да желѣзныихъ,
Трое прутьевъ оловянныихъ,
Да еще ли трое мѣдныихъ.
Шелъ тогда къ попамъ соборныимъ,
Вѣсть подать, что молода жена преставилась.
Приказали тутъ попы соборные
Тѣло мертвое ко церкви на саняхъ привезть, (74)
На церковной паперти поставити.
Стали-зачали копать могилушку,
Выкопали пребольшую, преглубокую,
Глубиной да шириной по двадцати сажень.
Собиралися попы да дьяконы
Со всѣмъ причетомъ церковныимъ,
Погребали тѣло Марьино,
Опускали со домо́вищемъ великіимъ
Въ ту могилу преглубокую.
Опускался во сыру́ землю за тѣломъ мертвыимъ
И Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ съ собой клещи желѣзныя,
Трое прутьевъ да желѣзныихъ,
Трое прутьевъ оловянныихъ,
Да еще ли трое мѣдныихъ.
А тѣ братьица назва́ные
Клали хлѣба-соли со водицею,
Чтобъ запасу было на три мѣсяца,
Клали свѣчи воску яраго да ладану;
Набивали обручи желѣзные
На домо́вище великое,
Желтыми песками позасы́пали,
Надъ могилой деревянный крестъ поставили,
Только мѣсто для верёвочки оставили,
А была верёвочка привязана
Ко тому ко колоколу ко соборному.
И сидитъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ,

Съ по́лудня сидитъ въ могилѣ до полу́ночи;
Ради страху ли добывъ огня,
Зажигаетъ свѣчи воску яраго.
Какъ приходитъ время полуно́чное,
Подплыла́ змѣя да подземельная;
Разъ лизнётъ домо́вище—надли́знула,
Обручи желѣзные полопались;
Во другой лизнётъ—проли́знула,
Рядъ дубо́ва тёсу сдёрнула;
Въ третій разъ лизнётъ—во гробъ плыветъ.
Увидала тутъ Михайла съ молодой женой,
Взвеселилась, взрадова́лася:
„А и буду же я нынче сытая,
Сытая я буду, неголодная:
Есть одно ли тѣло мертвое,
А другое ли живое человѣческо.“
Да Михайлушко на то не робокъ былъ:
Вынималъ клещи желѣзныя,
Захватилъ въ клещи змѣю проклятую,
Зачалъ сѣчь злодѣйку прутьями желѣзными,
Расхлысталъ всѣ прутья да желѣзные;
Принимается за прутья оловянные,
Расхлысталъ и прутья оловянные;
Принимается за прутья мѣдные...
Поклонилася ему змѣя, взмоли́лася:
„Ай же ты, Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
Не сѣки меня, змѣю, ты на уме́ртвіе,
А спусти меня, змѣю, ко морю синему,
Дамъ тебѣ я заповѣдь великую:
Принести тебѣ живой воды,
Оживить тебѣ жену-красавицу,
Молодую Марью Лебедь Бѣлую.“
Говоритъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
„Ай же ты, змѣя лукавая!

Ты отдай-ка мнѣ въ залогъ змѣёнышей."
Отдала́ ему змѣя въ залогъ змѣёнышей,
Поплыла сама подзе́мельемъ ко морю синему,
Принесла ему живой воды.
Какъ возьмётъ за шейку онъ змѣёныша,
Ступитъ ножкою на хвостъ змѣёнышу—
Пораздёрнулъ на́-двое змѣёныша;
Какъ приложитъ во одно мѣсто́ по старому,
Разъ брызнётъ—и сросся онъ по старому,
Во другой брызнётъ—зашевелился онъ,
Въ третій разъ брызнётъ—поплылъ изъ гроба вонъ.
Молодую Марью Лебедь Бѣлую
Разъ брызнётъ—въ ней кровь зайграла,
Во другой брызнётъ—зашевелилася,
Въ третій разъ брызнётъ—повы́стала,
Проглаголила да таковы́ слова:
„Фу-фу-фу, а долго же проспа́ла я!"
Говоритъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
„Безъ меня бы ты и вѣкъ спала."
За верёвочку ударилъ въ колоко́лъ—
Услыхалъ соборный тра́пезникъ,
Побѣжалъ къ могилѣ Марьиной—
Анъ ко колоколу ко соборному
Изъ земли верёвочка торга́ется.
Какъ вскричалъ Михайло во всю голову—
Мать-сыра́ земля заколыбалася,
Теремки́ задрогли, зашаталися,
Весь народъ во Кіевѣ ужа́хнулся,
Собирается къ могилѣ да дивуется:
„Что́ за диво подъ землею дѣется?
Закричали разомъ всѣ покойнички!"
Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ
Молоду Добрынюшкѣ Никитичу:
„Видно же, то братецъ нашъ назва́ный есть;

Во сырóй землѣ не долго пóжилось:
Душно, знать, въ могилѣ съ тѣломъ мертвымъ,
И кричитъ онъ богатырскимъ голосомъ."
Стали разрывать могилу скоро-нá-скоро,
Опускали лѣстницы великія;
Возстаетъ на бѣлый свѣтъ Михайлушко,
Молоду жену самъ за рукавъ ведетъ,
Съ братцами назвáными цѣлуется.
Объявили тутъ попамъ соборныимъ;
Поновили молодыхъ святой водой, (75)
Приказали жить имъ да по старому;
Стали жить они да долго здравствовать,
Межь собою времечко корóтати. (76)
А когда Михайло живучи состарѣлся,
Живучи состарѣлся да и преставился,
Вспомнили тогда попы соборные
Прежнюю ихъ заповѣдь великую,
Стали хоронить Михайла Пóтыка,
Да зарыли съ нимъ живую во сырý землю
И жену его—ту Лебедь Бѣлую,
Молодую Марью Лиходѣевну.
Съ этихъ поръ имъ стала память вѣчная.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ и СОКОЛЬНИКЪ.

Кто бы намъ сказалъ еще про старое,
Что про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

* * *

Какъ стояла во чистóмъ полѣ подъ Кіевомъ,
За пятнадцать мѣрныхъ верстъ отъ города
Крѣпкая застава богатырская,
Святорусскіихъ двѣнадцать ли богáтырей:
Во-первы́хъ—удалый старый Илья Муромецъ,
Во-другихъ—Добрынюшка Никитичъ младъ,
Во-третьи́хъ—Алешенька Поповскій сынъ,
Во-четвёртыхъ—Гришенька Боярскій сынъ,
Въ-пятыхъ—Васька Долгополистый, (77)
Во-шестыхъ—семь молодыхъ братóвъ Сбродовичей,
Да еще ли мужики Залѣшане.
Простояли во чистóмъ полѣ по три́ года,
Ничего въ чистóмъ полѣ не видѣли:
Мимо ихъ никто пѣхотой не прохаживалъ,
На добрóмъ конѣ никто да не проѣзживалъ,
Птица черный воронъ не пролётывалъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ.

Третій годъ ли на проходѣ сталъ,
А четвертый ходитъ по нау́личью.
Пораздёрнули бога́тыри бѣло́й шатеръ,
Стали во шатрѣ да опочи́въ держать:
Спали дологъ день до вечера,
Ночку тёмную да до бѣла́ свѣта.
На зарѣ на ранней зорюшкѣ,
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго,
Налетала на шатеръ тутъ птица вѣщая,
Птица вѣщая да черный вранъ,
Жалобнёшенько прокаркала.
Пробудился старый Илья Муромецъ,
Будитъ молода Добрынюшку Никитича:
„Ай ты, братецъ мой, Добрынюшка Никитичъ мла
Возставай-ка на рѣзвы́ ноги.
Что́ надъ нашимъ надъ шатромъ подѣлалось?
Налетала на шатеръ вѣдь птица вѣщая,
Птица вѣщая да черный вранъ,
Жалобнёшенько прокаркала;
Видно, сказывала вѣсточку нерадостну.
Выходи-ка со бѣла́ шатра,
Погляди-ка по дорогѣ прямоѣзжоей:
Не проѣхала ли поленица тутъ,
Не подходитъ ли подъ ко́ней лютый звѣрь?“
Повскочилъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Выбѣгаетъ скоро со бѣла́ шатра;
Смотритъ по дорогѣ прямоѣзжоей—
Увидалъ середь дороги ископыть,
Ископыть великую—во полъ-печи.
Сталъ онъ ископыть досматривать:
Ископыть—могуча богатырская.
Прибѣгалъ назадъ онъ во бѣло́й шатеръ,
Говоритъ да таковы́ слова:

„Гой еси вы, братьица мои, товарищи!
Пробуждайтесь-ка отъ крѣпка сна!
Что́ мы на заставушкѣ усто́яли?
Что́ мы на заставушкѣ угля́дѣли?
Богатырь могучій вѣдь проѣхалъ мимо насъ!“
Возставали тутъ товарищи отъ крѣпка сна,
Собирались во побѣдный кругъ,
Стали думать думу крѣпкую:
Ужь кому-то ѣхать за бога́тыремъ,
Распросить объ имени, объ отчинѣ,
Силы у бога́тыря отвѣдати?
Выходилъ удалый старый Илья Муромецъ,
Говорилъ да таковы́ слова:
„Не послать ли мужиковъ Залѣшаньевъ?
Мужики Залѣшане—бѣда дремать,
Анъ продремлютъ во чисто́мъ полѣ бога́тыря.
Не послать ли семь брато́въ Сбродовичей?
Все ребята-то моло́деньки—бѣда зѣвать,
Прозѣваютъ во чисто́мъ полѣ бога́тыря.
Не послать ли Ваську Долгополаго?
По́лы-то у Васьки длинныя:
На ходу въ полахъ онъ заплетается,
На бою въ полахъ онъ замѣшается—
Потеряетъ даромъ буйну голову.
Не послать ли Гришеньку Боярскаго?
Рода онъ боярскаго, хвастливаго:
На бою, на дракѣ призахва́стнется—
Даромъ же положитъ буйну голову.
Не послать ли хоть Алешеньку Поповича?
Нраву онъ захлыщева, зарывчата:
Изорветъ онъ силу до́ бога́тыря—
Погинётъ Алеша понапрасному.
Ужь пошлемъ-ка мы Добрынюшку Никитича:
Знаетъ со бога́тыремъ онъ съѣхаться,

Знаетъ онъ богáтырю и честь отдать."
Посылали тутъ Добрынюшку Никитича.
Скоро онъ, Добрынюшка, коня сѣдлалъ,
Скоро онъ садился на добрá коня,
Скоро выѣзжалъ да во чистó поле.
Посмотрѣлъ изъ кулака изъ молодецкаго:(78)
Видитъ нá полѣ чернизину;
Ѣдетъ прямо на чернизину,
Догоняетъ въ полѣ добра мóлодца.
Хороша управа молодецкая,
Хороши доспѣхи богатырскіе:
Конь подъ мóлодцемъ какъ лютый звѣрь,
Скоки скачетъ по цѣлóй верстѣ,
Слѣдъ вымётываетъ да во полъ-печи,
Изо рта-то у коня огóнь пышетъ,
Изъ ноздрей-то искры сыплются,
Изъ ушей-то дымъ кудрявъ встаетъ.
А шеломъ на мóлодцѣ какъ жаръ горитъ,
На конѣ уздечка какъ лучи пекутъ,
Отъ стремянъ какъ звѣзды сыплются,
Отъ сѣдла какъ ясная заря встаетъ,
Ясная заря да утренняя.
Съ лѣва стремени борзой выжлéцъ бѣжитъ,
На правóмъ плечѣ ясёнъ соколъ сидитъ,
По одной рукѣ ли соловей летитъ,
По другой ли жаворолёночекъ,
Перелётываютъ съ руки нá руку,
Перенáшиваютъ свисты съ уха нá ухо,
Улещаютъ, спотѣшаютъ добра мóлодца;
Самъ сидитъ онъ на добрóмъ конѣ да тѣшится,
Шутóчки пошучиваетъ молодецкія:
Боевую палицу беретъ одной рукой,
Какъ перомъ играетъ лебединымъ,
Вверхъ кидаетъ палицу подъ облако,

На лету подхватываетъ на бѣлы́ руки,
Не допу́скиваетъ до сыро́й земли.
Увидалъ Добрыня добра мо́лодца,
Добра мо́лодца окликнулъ звонкимъ голосомъ:
„Ай же ты, проѣзжій добрый мо́лодецъ!
А зачѣмъ ты на заставу не заѣзживалъ,
А зачѣмь ты у бога́тырей не спрашивалъ,
На́большему Ильѣ Муромцу челомъ не билъ,
Грошей подорожныихъ въ казну не клалъ
На всю младшую на братію наборную?“
Какъ услышалъ добрый мо́лодецъ бога́тыря,
Поворачивалъ къ бога́тырю добра́ коня,
Напущался на млада́ Добрынюшку,
Заревѣлъ самъ, будто лютый звѣрь:
Отъ того отъ реву молодецкаго
Всколыбалася сыра́ земля,
Выливалася изъ рѣкъ вода,
Добрый конь Добрынинъ ошара́шился,
Самъ Добрыня на конѣ устра́шился,
Богу Господу возмо́лился,
Мати пресвятыя Богородицѣ:
„Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!“
Подъ Добрыней конь посправился,
Скоро ко заставѣ поворотъ держалъ.
Пріѣзжалъ Добрыня ко товарищамъ,
Говорилъ товарищамъ, разсказывалъ:
„Какъ нагналъ я въ полѣ добра мо́лодца,
Сталъ его вывѣдывать, выспрашивать,
Тутъ коня ко мнѣ онъ поворачивалъ,
Напущался на меня, Добрынюшку,
Заревѣлъ самъ, будто лютый звѣрь:
Всколыбалася сыра́ земля,
Выливалася изъ рѣкъ вода,
Добрый конь мой ошара́шился,

Самъ я на конѣ устрáшился,
Богу Господу возмóлился:
—Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!—
Подо мною конь посправился,
Скоро ко заставѣ поворотъ держалъ."
Говоритъ Добрынѣ старый Илья Муромецъ:
„Коли ты уѣхалъ отъ богáтыря,
Намъ тебя въ товарищи не надобно!
Поѣзжай-ка ты назадъ во Кіевъ градъ,
Къ молодой женѣ, ко старой матери.
Ай вы, братьица мои крестовые!
Кто изъ васъ изъ всѣхъ удáлѣе,
У кого конь порыскучѣе,
За невѣдомымъ богáтыремъ поѣхати,
Распросить его объ имени, объ отчинѣ,
Если русскій богатырь—то побрататься съ нимъ,
А невѣрный—поразвѣдаться?"
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Я, Алеша, братцы, поудáлѣй всѣхъ,
У меня конь порыскучѣе."
Скоро сѣлъ Алеша на добрá коня,
Скоро ѣдетъ во чистó поле,
Догоняетъ въ полѣ добра мóлодца,
Окликаетъ мóлодца да во всю голову:
„Ты постой, постой, проѣзжая дѣтинушка!
Богатырь ли святорусскій ты,
Али деревенщина-засельщина?
Можетъ, ты коня укралъ аль мужика убилъ,
А сюда заѣхалъ—хвастаешь,
Чужимъ именемъ, нахвальщикъ, называешься?"
Какъ нахвальщику тутъ за бѣдý стало,
За великую досаду показалося.
Поворачивалъ коня онъ, какъ лютá звѣря,
На Алешу на Поповича,

Бралъ Алешу за бѣлы́ руки,
Снялъ Алешу со добра́ коня,
Вынулъ шелепугу подорожную,
Шелепугою стегалъ его,
На добра́ коня садилъ опять,
Самъ Алешѣ приговаривалъ:
„Ай же ты, шишира деревенская!
Ужь тебѣ ли ѣздить во чисто́мъ полѣ,
Во чисто́мъ полѣ да на добро́мъ конѣ?
Жилъ бы ты въ деревнѣ, деревенщина,
Пасъ бы ты въ деревнѣ гусей-ле́бедей,
Сѣрыихъ пернатыхъ утушекъ.“
Ѣдетъ пьянъ Алешенька, шатается,
Ко лукѣ сѣдельной приклоняется.
Увидалъ Алешу Илья Муромецъ:
„Говорилъ тебѣ, Алеша, я, наказывалъ:
Ты не пей, Алеша, зелена́ вина,
Ты не кушай сладкихъ кушаньевъ.“
Отвѣчаетъ младъ Алеша Ильѣ Муромцу:
„Радъ бы я не пити зелена́ вина,
Радъ бы я не кушать сладкихъ кушаньевъ:
Напоилъ меня нахвальщикъ до́-пьяна,
Накормилъ меня онъ до́-сыта
Тою шелепугой подорожною.“
Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ:
„Ужь ты старость, старость богатырская!
Малое-то бо́льшимъ замѣняется,
Бо́льшему-то не́кѣмъ замѣнитися.
Видно, кромѣ старика, ужь ѣхать некому!
Ай вы, братьица мои крестовые!
Поѣзжайте-ка раздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Заѣзжайте-ка на го́ру на высокую,
Посмотрите-ка на драку богатырскую:
Будетъ надо мною безврéменьице—

Поспѣвайте, братьица, на выруку."
И выходитъ старый со бѣла́ шатра,
Обряжаетъ бурушку добра́ коня,
Обряжаетъ скоро-на́-скоро,
Скоро-на́-скоро да крѣпко-на́-крѣпко;
И садится на добра́ коня,
Выѣзжаетъ во чисто́ поле,
Нагоняетъ добра мо́лодца нахвальщика.
А нахвальщикъ ѣдетъ на добро́мъ конѣ,
Потѣшается утѣхой молодецкою:
Мечетъ острое копье въ поднебесье,
Говоритъ самъ, похваляется:
„Какъ легко вертѣть мнѣ остры́мъ копьемъ,
Также будетъ мнѣ вертѣть Ильею Муромцемъ!"
Подъѣзжалъ къ нему Ильюша со бѣла́ лица,
Становилъ его да супроти́въ себя,
Говоритъ ему да таковы́ слова:
„Гой еси ты, добрый мо́лодецъ!
Что́ ты рано похваляешься?
Не улови́в птицы, теребишь ее,
На сваривши птицы, Богу молишься? (79)
Поразъѣдемся-ка со чиста́ поля
На своихъ на ко́няхъ богатырскіихъ,
Пріударимъ-ка во палицы булатныя,
Силушки другъ у́ друга отвѣдаемъ."
Какъ борзаго выжлеца тутъ добрый мо́лодецъ
Ото стремени отвязывалъ,
Самъ ли выжлецу наказывалъ:
„Ужь ты бѣгай-ка, выжле́цъ, да по темны́мъ лѣсамъ,
Самъ корми-ка свою буйну голову:
Какъ ужь мнѣ не до тебя пришло."
Ясна сокола съ плеча сопускивалъ,
Самъ ли ясну соколу наказывалъ:
„Ты лети-ка, соколъ, на синё море,

XXII. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОКОЛЬНИКЪ.

Стрн. 260.

„Какъ легко вертѣть мнѣ острыймъ копьемъ,
Также будетъ мнѣ вертѣть Ильею Муромцемъ!“

Самъ корми-ка свою буйну голову:
Какъ ужь мнѣ не до тебя пришло."
Не двѣ грозны тучушки затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ содвигалися—
Два могучіихъ богатыря съѣзжалися
На своихъ на коняхъ богатырскіихъ.
Въ первый разъ они сразилися,
Пріударили во палицы булатныя,
Били другъ друга да по бѣлымъ грудямъ,
Били другъ друга да не жалѣючи,
А со всею силой богатырскою—
Палицы во кольцахъ попригнулися,
Отломилися по маковкамъ.
У богатырей доспѣхи были крѣпкіе,
Другъ друга они не сшибли со добрыхъ коней,
Другъ друга не побили, не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили коней богатырскіихъ,
Говорили сами промежду собой:
„Какъ намъ силушки другъ у друга отвѣдати?
Поразъѣдемся-ка со чиста поля
На своихъ на коняхъ богатырскіихъ,
Пріударимъ-ка во копья мурзамецкія,
Тутъ другъ у друга мы силушки отвѣдаемъ."
Поразъѣхалися на добрыхъ коняхъ,
Во другой съѣзжалися, сразилися,
Пріударили во копья мурзамецкія,
Били другъ друга да не жалѣючи,
Не жалѣючи да по бѣлымъ грудямъ—
Копья въ чивьяхъ поломалися,
Другъ друга они не ранили,
Только оба изъ сѣдёлъ попадали. (80)
Становились скоро на рѣзвы ноги,
Говорили сами промежду собой:

„Какъ еще намъ силушки отвѣдати?
Будемъ биться плотнымъ боемъ-рукопашкою,
Тутъ другъ у́ друга мы силушки отвѣдаемъ.“
Разошлися, разбѣжалися,
Захватились плотнымъ боемъ-рукопашкою,
Другъ съ друго́мъ ломалися, водилися,
Съ вечера водились до полу́ночи,
Со полу́ночи водились до бѣла́ свѣта,
По колѣна въ землю пріобмялися.
У Ильи-то права ножка окати́лася,
Лѣва ножка подломилася;
Подхватилъ его на́хвальщикъ со коса́ бедра,
Опустилъ на матушку-сыру́ землю,
И ступилъ ему на бѣлу грудь;
Бралъ тогда рогатину звѣриную,
Заносилъ да руку правую,
Заносилъ да выше го́ловы,
Опустить хотѣлъ да ниже пояса...
На бою-то смерть Ильѣ не писана,
Застоялась во плечѣ рука у мо́лодца,
Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
Сталъ нахвальщикъ надъ Ильею издѣватися:
„Ай ты, старая базыга, ты сѣдатый пёсъ!
Ужъ тебѣ ли ѣздить во чисто́мъ полѣ,
Во чисто́мъ полѣ да на добро́мъ конѣ?
Развѣ не́ кѣмъ старичинѣ замѣнитися?
Ты поставилъ бы келе́йку по дороженькѣ,
Собиралъ бы во келейкѣ по полушечкѣ:
Тѣмъ бы старичина и животъ питалъ,
Тутъ бы старичина и животъ кончалъ.“
Какъ лежитъ Ильюша подъ бога́тыремъ,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„А не ладно же было́ написано:
—Не бывать Ильѣ въ чисто́мъ полѣ убитому,—

А теперь лежитъ Ильюша подъ бога́тыремъ.“
Разгорѣлось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь да молодецкая,
Лёжа силы у Ильюши втрое прибыло;
Что не сѣрая ути́ца востопо́рщится—
На землѣ Ильюша поворо́тится,
Замахнется правой ручушкой,
Да ударитъ во черны́ груди (81) нахвальщика—
Мечетъ мо́лодца подъ вышину небесную,
Выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго.
Свѣту бѣлаго не взвидѣлъ мо́лодецъ,
И летитъ назадъ онъ ко сыро́й землѣ.
На лету его Илья подхватывалъ
На свои на руки богатырскія,
Клалъ на матушку-сыру́ землю,
Самъ ему садился на черны́ груди,
Бралъ въ бѣлы́ руки булатный ножъ,
Заносилъ да ручку правую,
Заносилъ да выше го́ловы,
Опустить хотѣлъ да ниже пояса.
Какъ, по божьему тутъ по велѣнію,
Застоялась во плечѣ рука Ильюшина,
Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
Сталъ онъ мо́лодца допрашивать,
Сталъ онъ мо́лодца вывѣдывать:
„Ай же ты, удалый добрый мо́лодецъ!
Ты скажись, скажись-ка, не утай себя,
Ты кое́й земли, кое́й орды,
Коего́ отца да ко́ей матушки?
Какъ тебя да именѐмъ зовутъ,
Величаютъ по отечеству?“
А нахвальщикъ подъ Ильей лежитъ,—
Хоть мозги въ головкѣ потрясаются,

Видъ со ясныхъ очушекъ теряется,
И рѣчистъ языкъ мѣшается,—
Самъ Ильѣ такой отвѣтъ держитъ:
„Ай ты, старая базыга, ты сѣдатый пёсъ!
Какъ сидѣлъ бы у тебя я на бѣло́й груди,
Какъ держалъ бы во рукѣ булатный ножъ,
Не спросилъ бы у тебя я роду-племени,
Не спросилъ бы у тебя отца и матери,
А пласталъ бы только бѣлу грудь тебѣ,
Доставалъ бы сердце да со печенью.“
Во другой ли разъ его Илья допрашивалъ,
Въ третій разъ его Илья вывѣдывалъ,
Не дождался отъ нахвальщика отвѣта онъ,
Заносилъ опять булатный ножъ,
Заносилъ да выше го́ловы,
Опустить хотѣлъ да ниже пояса.
Видитъ мо́лодецъ—конецъ пришелъ ему,
Не ута́ился, сказался Ильѣ Муромцу:
„Ай же ты, удалый добрый мо́лодецъ,
Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ!
Я такой земли, такой орды:
Отъ того отъ славнаго Латы́рь-моря,
Отъ того отъ камня да отъ Ла́тыря,
Отъ той бабы отъ великой отъ Латы́горки, (82)
А по имени зовутъ Сокольничкомъ.“ (83)
Какъ тутъ старый Илья Муромецъ
Скоро сходитъ со груди его,
Какъ беретъ его за ручки бѣлыя,
Какъ беретъ за перстни золочёные,
Какъ взымаетъ со сыро́й земли,
Какъ становитъ на рѣзвы́ ножки,
На рѣзвы́ ножки да супроти́въ себя,
Какъ цѣлуетъ во уста саха́рныя,
Называетъ крестничкомъ (84) любимымъ,

Самъ-то плачетъ старый, глядючи на крестничка:
„Здравствуешь ты, мой любимый крестничекъ!
Ѣздилъ я чистымъ полемъ поляковать,
Повстрѣчался съ поленицею удалою,
Съ тою бабою великою Латыгоркой,
Да какъ съѣхались на поединочкѣ,
Я побилъ ее на поединочкѣ.
Повинилась мнѣ Латыгорка, возмолилась,
Стала звать во кумовья къ себѣ,
И крестилъ я ей тебя, Сокольничка.
Какъ поѣдешь ты ко матушкѣ родимоей,
Ко моей кумѣ любимоей,
Отвези ей отъ Ильи поклоны низкіе.
А теперь намъ полно биться-ратиться,
Послѣ бою-драки богатырскія
Будемъ отдыхъ-опочивъ держать.“
И прилегъ Илюша во чистомъ полѣ,
На бугрѣ высокоемъ, раскатистомъ,
Послѣ бою-драки опочивъ держать.
И заснулъ Ильюша богатырскимъ сномъ,
Богатырскимъ сномъ да на двѣнадцать дёнъ.
А нахвальщикъ, младъ Сокольникъ пораздумался:
„Какъ поѣхалъ я отъ родной матушки,
Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки,
Говорила мнѣ, наказывала родная:
— Ты попомни, чадо милое:
Какъ поѣдешь во чисто поле поляковать,
Бейся во чистомъ полѣ со всякими,
Да не бейся ты со старыми,
Да не бейся со угрюмыми,
Да не бейся съ невесёлыми:
Примешь скорую ты смерть отъ стараго.—
Ай ты, свѣтъ моя да родна матушка!
Какъ побилъ тебя старикъ на поединочкѣ,

Самого за то предамъ я смерти скороей."
Бралъ Сокольничекъ рогатину звѣриную,
Билъ Илью рогатиною по бѣлóй груди:
Спитъ Илья не пробуждается
Отъ того удара богатырскаго.
Надъ Ильюшей добрый конь стоитъ,
Ржетъ надъ нимъ да во всю голову,
Бьетъ копытомъ во сыру́ землю—
Спитъ Илья, не пробуждается
Отъ того отъ ржанья-топота.
Былъ же у Ильюши крестъ на во́ротѣ,
Чуденъ крестъ во полтора́ пуда:
Погодился чуденъ крестъ Ильѣ.
Пробудился онъ отъ звона отъ крестоваго,
Вскинулъ вкругъ себя да ясны очушки—
А надъ нимъ стоитъ Сокольничекъ,
Бьетъ его рогатиною по бѣлóй груди.
Разгорѣлось сердце богатырское.
Раскипѣлась кровь да молодецкая:
Воспрянýлъ Ильюша на рѣзвы́ ноги.
За желты́ кудри схватилъ Сокольничка,
Опустилъ на мать-сыру́ землю.
Наступилъ ему на ножку правую.
Дернулъ мóлодца за ножку лѣвую—
На́ двое ли мóлодца порóзорвалъ,
Раскидалъ кусочки по чисту́ полю—
Что одну ли половинку да сѣры́мъ волкамъ,
А другую половинку черным воронамъ,
Самъ прогóворилъ да таковы́ слова:
"Было чадочко еди́но—крестное,
Да самимъ же чадо смерти предано!"
Только-то Сокольничку славы́ поютъ.
А Ильюшѣ слава не минуется,
Вѣкъ поютъ да по́ вѣку Ильюшеньку.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ТРИ ПОѢЗДОЧКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Намъ не дорого пиво пьяное,
Намъ не дорого зелено́ вино,
Дорога́ намъ бесѣдушка смиренная.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое да про бывалое,
Про стараго Илью про Муромца.

* *
*

Ѣздилъ старый по чисту́ полю,
Ото младости ѣздилъ до старости,
Ото старости до гробовой доски.
Да хорошъ былъ у стараго добрый конь,
Его маленькій бурушка косматенькій:
Хвостъ у батюшки-бурушки былъ трёхъ сажень,
Грива трёхъ локтей, а шерсть трёхъ пядей.
Онъ у рѣкъ перевозу не спрашивалъ,
Однимъ скокомъ онъ ихъ перескакивалъ,
Широки́ раздолья перерыскивалъ,
Да отъ смерти старого унашивалъ.
Какъ не пыль доро́гой запылилася,
Не туманъ да съ моря подымается,

Не бѣлы́ снѣжки въ по́лѣ забѣлѣлися—
Какъ погу́ливаетъ старый во чисто́мъ полѣ,
Забѣлѣлась его буйная головушка
Со часто́й, сѣдой, мелкой бородушкой,
Затуманился подъ нимъ его добрый конь,
Запылилась за нимъ сила добрая.
Подъѣзжаетъ старый къ тремъ дороженькамъ,
Къ тремъ дороженькамъ да перекрёсточкамъ,
И лежитъ на перекрёсточкахъ горю́чъ камень,
А на камешкѣ подпись подписана:
„Во дорожку ту ѣхать—богату быть,
Во другую ѣхать—женату быть,
А во третью ѣхать—убиту быть.“
Дивовался старый, головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:
„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживалъ,
А такого чуда вѣкъ не видывалъ!
Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ богату быть?
Да на что́ мнѣ, старому, богачество?
Нѣтъ у стараго семьи любимыя,
Молодой жены, малыхъ дѣтушекъ,
А и не́кому держать золотой казны,
А и не́кому держать платья цвѣтнаго.
Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ женату быть?
Да на что́ мнѣ, старому, женитися?
Мнѣ женитися—не нажитися,
Молодую взять—чужа́ корысть,
А старуху взять—на печи лежать,
На печи лежать, киселёмъ кормить.
Ужь поѣду-ка въ дорожку, гдѣ убиту быть,
Гдѣ убиту быть да заму́чену,
Со душою тѣлу быть разлу́чену:
Пожилъ добрый мо́лодецъ на сёмъ свѣтѣ,
Походилъ, погулялъ во чисто́мъ полѣ.

И застала его старость глубокая,
Во чистóмъ полѣ застала чернымъ вóрономъ,
Сѣла мóлодцу на буйну голову,
А и при́ смерти головушка шатается.
Только смерть мнѣ на бою-то не написана!“
И поѣхалъ онъ въ дорожку, гдѣ убиту быть.
Какъ отъѣхалъ старый за три поприща,
Какъ заѣхалъ старый во темны́ лѣса,
Наѣзжаетъ на станицу станичниковъ,
А по-русски назвать такъ разбойниковъ,
Немного, немало — сорокъ тысячей.
Увидали стараго разбойники,
Кругомъ его, стараго, обла́вили,
Хотятъ его, стараго, ограбити,
Хотятъ его, стараго, съ коня стащить,
Хотятъ добра мóлодца убить-погубить,
Тѣло бѣлое со душой разлучить.
А старикъ на конѣ головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:
„Ой вы гой еси, братцы станичники,
Гой еси, подорожники-разбойники!
Вамъ убить меня, стараго, не́ за что,
Да пограбить у стараго не́чего:
Не случилось у меня съ собой казны,
Есть наличныхъ только три тысячи,
Еще крестъ на груди въ цѣлу тысячу,
Кунья шубонька во пятьсотъ рублей,
Соболиная шапочка во три сотеньки,
Да еще рукавички въ одну сотеньку.
Коню доброму цѣны я не вѣдаю:
На базаръ я его не вываживалъ,
И никто ему цѣнъ не окладывалъ;
Только вотъ узда во пятьсотъ рублей,
Да черкасское сѣдельце во двѣ тысячи;

Потому сѣдельце дорого,
Что орлёно перьемъ орлиныимъ—
Не того орла, что́ по морямъ леталъ,
А того орла, что́ по горамъ леталъ!
Какъ ударился орелъ о горю́чъ камень,
Обломалъ себѣ перья орлиныя;
Проѣзжали купцы изъ-за синя́ моря,
Обирали перья орлиныя,
Привозили старому во подарочекъ.
А попона на конѣ семи шелковъ,
Въ три строки́ ли стро́чена-то́чена:
Какъ одна-то строка злата-се́ребра,
А другая строка чиста золота,
Еще третья строка желто́й мѣди.
А во гривушку вплётанъ скачёнъ жемчугъ,
Межь ушами каме́нье понасажено,
Драгоцѣнное каме́нье самоцвѣтное,
Да не для́-ради красы молодецкія,
Для́-ради осеннихъ темныхъ ноченекъ:
Ходитъ батюшка-бурушка во чисто́мъ полѣ,
А отъ батюшки-бурушки лучи пекутъ
За три вёрсты, какъ отъ свѣтла мѣсяца."
Закричалъ тутъ атаманъ разбойничій,
Кликнулъ кличъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
„Какъ ужь, старый ты чортъ, сѣдатый волкъ,
Еще много сталъ съ нами разговаривать!
Гой, ребятушки, тати-станичники,
Гой вы, братцы мои, плуты-разбойники!
Принимайтесь-ка за дѣло ратное,
Да срубите-ка вы старому буйну голову!"
Говоритъ имъ старый Илья Муромецъ:
„А вы дайте-ка мнѣ, старому, управиться,
Послѣ сами мнѣ будете кланяться."
Вынималъ изъ налушна онъ ту́гой лукъ,

Вынималъ изъ колчана калену́ стрѣлу,
На тугóмъ лукѣ тетивку натягивалъ,
Каленую́ стрѣлку накладывалъ:
„Ой вы гой еси, добры мóлодцы!
Въ васъ стрѣлять ли, аль во сы́рой дубъ?“
Онъ стрѣляетъ не по станичникамъ,
Онъ стрѣляетъ во сыръ крякови́стый дубъ;
А и спѣла тетивка у туга́ лука,
Угодила стрѣла въ кряковистый дубъ,
Изломала его въ черенья ножёвые.
Отъ того ли отъ грому богатырскаго
Всѣ станичники съ ко́ней попа́дали,
Испужалися, врозь разбѣжалися,
На ножи-было сами наметáлися:
„Гой еси ты, старъ матёръ человѣкъ!
Ты оставь-ка насъ хоть на сѣмена!
Ты бери съ насъ всего, сколько надобно,
Ты бери съ насъ золоту́ казну,
Ты бери съ насъ платье цвѣтное,
Ты бери и нашихъ добры́хъ коней!“
Усмѣхается старъ матёръ человѣкъ:
„Кабы брать мнѣ вашу золоту́ казну,
За мной рыли бы ямы глубокія;
Кабы брать мнѣ ваше платье цвѣтное,
За мной были бы горы высокія;
Кабы брать мнѣ вашихъ добры́хъ коней,
За мной гнали бы табуны великіе.“
Говорятъ ему станичники-разбойники:
„Одно красное солнце на бѣло́мъ свѣтѣ,
Одинъ сильный богатырь Илья Муромецъ!
Ужь поди-ка ты къ намъ во товарищи,
Будешь намъ ты большимъ атаманушкой.“
„Ой вы, братцы, станичники-разбойники!
Не пойду я къ вамъ во товарищи,

Не охота мнѣ съ вами овецъ пасти.
Расходитесь-ка вы по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ,
Къ отцамъ-матерямъ, къ молодымъ женамъ,
Къ молодымъ женамъ, ко глупымъ дѣтушкамъ,
Будетъ вамъ стоять при дороженькѣ,
Проливати кровь христіянскую."
Скоро старый назадъ тутъ ворочался,
Пріѣзжалъ ко горючему камешку,
Подпись старую на немъ захѣривалъ,
Подпись новую на немъ подписывалъ:
„А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убитъ не бывалъ."
Пораздумался старый, проговорилъ:
„А поѣду-ка теперь, гдѣ женату быть."
Какъ отъѣхалъ старый за три поприща,
Наѣзжалъ терема златоверхіе.
Выбѣгали двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ,
Посреди ихъ королевна-душечка;
На ней платье-то драгоцѣнное,
Драгоцѣнное платье самоцвѣтное—
На полушечку мѣста рублемъ не купить.
Говоритъ королевна-душечка:
„Ты, удаленькій, дородный добрый молодецъ!
Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высокъ терёмъ,
Напою-накормлю хлѣбомъ-солію."
Какъ сходилъ тутъ старый со добра коня,
Оставлялъ коня неприкована,
Неприкована да непривязана;
А прекрасная королевна-душечка
Брала стараго за ручки бѣлыя,
Цѣловала во уста сахарныя,
Проводила во высокъ терёмъ,
Садила за дубовый столъ,

„Ты, удаленькій, дородный добрый мо́лодецъ!
Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высо́къ терёмъ,
Напою-накормлю хлѣбомъ-солію.“

Стлала скатерти браныя, шелкóвыя,
Приносила яствушки сахáрныя,
Приносила напиточки медóвые,
И поила-кормила добра мóлодца,
Добру мóлодцу низко кланялася.
Ѣстъ и пьетъ старикъ, прохлажается,
Весь ли дологъ депь и до вечера.
Вышелъ тутъ изъ-за стола дубоваго,
Говорилъ самъ таковы́ слова:
„Ай ты, душечка красная дѣвушка!
А и гдѣ у васъ ложни теплыя,
Гдѣ у васъ кровати тесóвыя,
Гдѣ перины мягкія пуховыя?
Мнѣ на старость старику бы опочинуться.“
Привела его въ ложни теплыя,
Ко кровати ко тесовоей.
У кровати старый головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:
„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживалъ,
А такого чуда вѣкъ не видывалъ!
Знать, кроватка-то подложная.“
Какъ возьметъ королевну за бѣлы́ ручки,
Шибанётъ ко стѣнкѣ кирпичноей,
Отвернулась кроватка подложная,
Увалилась королевна во глубóкъ погрёбъ.
Говоритъ старикъ таковы́ слова:
„Гой еси вы, слуги безъименные!
Покажите-ка мнѣ ходъ во глубóкъ погрёбъ.“
Показали ему ходъ во глубóкъ погрёбъ,
Старику ключей не надобно:
Онъ перстами замки отдёргивалъ,
Онъ ногами двери вонъ вышúбывалъ,
Выпущалъ сорокъ царей-царевичей,
Съ ними сорокъ королей-королевичей,

Сорокъ сильныхъ могучихъ богáтырей,
Говоритъ самъ таковы́ слова:
„Ай, глупы́ же вы, цари-царевичи,
Ай, глупы́ вы, короли-королевичи,
Ай, глупы́ вы, могучіе богáтыри!
Вы сдаетеся на прелесть на женскую.
Поѣзжайте-ка всѣ по своймъ землямъ,
По своимъ земля́мъ да по своимъ ордамъ,
Ко своимъ жена́мъ, ко малымъ дѣтушкамъ.“
Какъ тутъ всѣ они съединилися,
Старику до земли поклонилися:
„А спасибо жь тебѣ, старъ матёръ человѣкъ,
Что насъ выпустилъ съ неволи великія.“
Вышла тутъ и королевна-душечка,
До земли тоже била челомъ ему:
„Ахъ ты, кумъ мой любезный, Илья Муромецъ!
Не узналъ ты меня, видно, Латы́горки?“
Говоритъ въ отвѣтъ Илья Муромецъ:
„Ай ты, лютая баба-Латы́горка!
А почто же ты ку́ма любезнаго
Безъ вины хотѣла схоронить живьёмъ?“
„А почто же ты самъ, мой любезный кумъ,
Смерти предалъ младаго Сокольничка,
Мое чадочко милое единое?“
„А почто же онъ, младъ Сокольничекъ,
Нападалъ на крестнаго батюшку,
Нападалъ на соннаго, безоружнаго?
Знать, отъ вашего роду отъ проклятаго
Не видать покою людя́мъ, доколь
Не останется одинъ лишь пепелъ съ васъ.“
Бралъ тутъ старый ее за бѣлы́ ручки,
Выводилъ ее старый на широкій дворъ,
Привязалъ къ тремъ жеребчикамъ неѣзжанымъ—
Куда руки, куда ноги раздёрнули,

Растащили ее́ по чисту́ полю.
Роздалъ тутъ все имѣнье-богачество
Добрымъ мо́лодцамъ, могучимъ бога́тырямъ,
Терема́ златоверхіе огню́ предалъ,
Самъ ко камешку поворотъ держалъ,
Подпись старую на немъ захѣривалъ,
Подпись новую на немъ подписывалъ:
„А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убитъ не бывалъ,
Во другую ѣздилъ—женатъ не бывалъ.“
Пораздумался старый, прогово́рилъ:
„Ужъ поѣду-ка теперь, гдѣ богату быть.“
Какъ отъѣхалъ старый за три поприща,
Наѣзжаетъ на превели́къ камень,
Превеликъ каме́нь въ тридевяносто пудъ,
А на камнѣ подпись подписана:
„Кому камень по́дъ силу вывалить,
Да подъ камнемъ плиту чугунную,
Тотъ найдетъ подъ плитой глубо́къ погрёбъ,
А во погребѣ—богачество несмѣтное.“
Какъ у камня старый головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:
„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживалъ,
А такого чуда вѣкъ не видывалъ!“
Опускался старый со добра́ коня,
Подпадалъ подъ ка́мень могучи́мъ плечомъ,
За три поприща камень выкатывалъ,
Да плиту чугунную выпи́нывалъ—
Отворился ему глубо́къ погрёбъ,
А насыпанъ погребъ злата-се́ребра,
А насыпанъ весь да скатна жемчугу.
Бралъ тутъ старый мису чиста се́ребра,
Бралъ другую красна золота,
Бралъ и третью скатна жемчугу,

На коня садился, поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ во славный во Кіевъ градъ
И воздвигнулъ три церкви соборныя:
Перву церковь—Спасу пречистому,
Другу церковь—Николѣ Можайскому,
Третью церковь—Георгію храброму,
Заводилъ тутъ пѣнье церковное,
Устанавливалъ звоны колокольные:
„Чье имѣнье, за того, пускай, идетъ!“
Остальное злато-сéребро, скачёнъ жемчугъ
Раздавалъ по нищей по братіи,
Раздавалъ по сúротамъ безпріютнымъ;
Самъ къ горючему камешку ворóчался,
Подпись стáрую на немъ захѣривалъ,
Подпись новую на немъ подписывалъ:
„А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убитъ не бывалъ,
Во другую ѣздилъ—женатъ не бывалъ,
И во третью ѣздилъ—богатъ не бывалъ.“ (85)
Тутъ-то старому во вѣкъ слава-честь пошла,
А и наша старина-то до конца дошла.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

КАКЪ ПЕРЕВЕЛИСЬ БОГАТЫРИ НА СВЯТОЙ РУСИ. (86)

Какъ на славной было, братцы, на Сафатъ-рѣкѣ, (87)
Не здоро́во, братцы, учинилося,
Помутилась славная Сафатъ-рѣка,
Помѣшался славный богатырскій кругъ:
Что не стало бо́льшаго бога́тыря,
Стараго уда́ла Ильи Муромца!
Ужь вы, братцы, вы, товарищи!
Убирайте-ка вы лёгки стру́женьки
Дорогимъ суконцемъ багрецо́вымъ,
Увивайте-ка весёльчики
Аравитскимъ краснымъ золотомъ,
Увивайте-ка укрюченьки
Цареградскимъ крупнымъ жемчугомъ;
Чтобы по ночамъ онѣ не бу́ркали,
Чтобъ не подавали я́сака
Ко тѣмъ злымъ людя́мъ—тата́ровьямъ.

* *
*

На закатѣ было красна солнышка,
Выѣзжали на Сафатъ-рѣку
Семь уда́лыхъ русскіихъ бога́тырей,
Семь могучихъ братьицевъ назва́ныихъ:

Выѣзжалъ Горденко Блудовичъ,
Выѣзжалъ Василій Казиміровичъ,
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ, (88)
Выѣзжалъ Самсонъ Самойловичъ, (89)
Выѣзжалъ Алешенька Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Выѣзжалъ и матерóй Илья,
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.
Пораскинулось предъ ними поле чистое,
А на томъ на пóлѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ, крякóвистый,
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужь какъ первая дорога къ Нову-гóроду,
А вторая-то дорога къ стольну Кіеву,
А что третія дорога ко синю́ морю,
Ко синю́ морю далёкому;
Та ли третія дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная—
Залегла дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ, и три́ года.
Становились на распутіи бога́тыри,
Разбивали свой бѣлóй шатеръ,
Отпускали кóней погулять въ чистóмъ полѣ;
Ходятъ кóни по шелкóвой муравѣ-травѣ,
Да пощипываютъ зелену́ траву,
Да побрякиваютъ золотой уздой;
А въ бѣлóмъ шатрѣ бога́тыри
Долгу ночку сномъ корóтаютъ.
На восходѣ было красна солнышка,
Возставалъ всѣхъ раньше Илья Муромецъ,
Выходилъ да на Сафатъ-рѣку,
Умывался студенóй водой,
Утирался тонкимъ пóлотномъ,
Помолился чудну образу;

Видитъ тутъ: черезъ Сафатъ рѣку
Переходитъ силушка невѣрная:
Добру мо́лодцу той силы не объѣхати,
Сѣру волку не обры́скати,
Черну во́рону не о́блетѣть.
И кричитъ Ильюша зычнымъ голосомъ:
„Ой, ужь гдѣ же вы, могучіе бога́тыри,
Вы, уда́лы братьица назва́ные!“
Какъ сбѣгалися на зовъ его бога́тыри,
Какъ садились на добры́хъ коней,
Какъ бросалися на силушку невѣрную,
Стали силушку колоть-рубить.
Да не столько рубятъ ихъ бога́тыри,
Сколько топчутъ ко́ни добрые:
Бились съ силой ровно три часа,
Изрубили силу до единаго.
Стали мо́лодцы тутъ похвалятися:
„Какъ у насъ, могучіихъ бога́тырей,
Плечи молодецкія не намаха́лися,
Кони добрые не уходилися,
И мечи булатные не притупилися!“
И возго́воритъ Алешенька Поповичъ младъ: (90)
„Подавай намъ силу хоть небесную:
Мы и съ тою силой, братцы, справимся!“
Только молвилъ слово неразумное,
Появились двое супротивниковъ,
Крикнули имъ громкимъ голосомъ:
„А давайте-ка вы съ нами бой держать?
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.“
Не узнали супротивниковъ бога́тыри,
Разгорѣлся на слова́ ихъ младъ Алешенька,
Разгонялъ коня ретиваго,
Налетѣлъ на супротивниковъ,
Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:

Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетаетъ старый Илья Муромецъ,
Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ богáтыри,
Стали силушку колоть-рубить—
А та сила все растетъ-растетъ,
На богáтырей боёмъ идетъ.
Да не столько рубятъ ихъ богáтыри,
Сколько топчутъ кóни добрые—
А та сила все растетъ-растетъ,
На богáтырей боёмъ идетъ.
Билися три дня и три часа,
Намахáлися ихъ плечи молодецкія,
Уходилися ихъ кóни добрые,
Притупились ихъ мечи булатные—
А та сила все растетъ-растетъ,
На богáтырей боёмъ идетъ.
Испугалися могучіе богáтыри,
Побѣжали къ каменнымъ горамъ,
Ко пещерушкамъ ко тёмнымъ;
Первый только подбѣжалъ къ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окáменѣлъ;
Другой только подбѣжалъ къ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окáменѣлъ;
Третій только подбѣжалъ къ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окáменѣлъ.

Съ тѣхъ-то поръ могучіе богáтыри
И перевелися на святой Руси!

Тутъ богáтырямъ и старинамъ конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ БЫЛИНАМЪ.

1. (Стрн. 3). «Леванидовъ чудный крестъ» есть крестъ, взятый Владиміромъ Святымъ изъ Корсуня (греческаго Херсонеса въ Крыму), послѣ принятія тамъ св. крещенія, и водруженный потомъ въ Кіевѣ на лугахъ, получившихъ отъ креста названіе «луговъ Леванидовыхъ». Самый крестъ названъ Леванидовымъ, вѣроятно, по епископу Левонтію. У креста Леванидова обыкновенно «братаются» богатыри, и отъ него же начинаются ихъ богатырскія поѣздки. Затѣмъ онъ оказывается вообще повсюду, гдѣ начинается какое-нибудь знаменательное дѣйствіе, какъ въ данномъ случаѣ— у истока Волги.

2. (Стрн. 3). «Бѣлый горючій камень Латырь» (отъ греческаго электронъ), «Латырь-камень», «бѣлый горючій камень» или, просто, «горючій камень» есть янтарь, который, обладая, по повѣрью народному, большими цѣлебными и вообще чародѣйными свойствами, служитъ, какъ крестъ Леванидовъ, но еще чаще его, мѣстомъ отправленія богатырей на разнаго рода подвиги, и лежитъ обыкновенно на перекресткахъ трехъ дорогъ. Балтійское море, побережье котораго особенно изобилуетъ янтаремъ, называется по немъ Латырь-моремъ:

«Ахъ, Латырь-море всѣмъ морямъ отецъ,
А Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ.»
(Изъ «Голубиной Книги.»)

Впрочемъ, янтарь, какъ показали недавнія раскопки, встрѣчается и около Кіева, на правомъ берегу Днѣпра, иногда кусками до двухъ фунтовъ вѣсомъ.

3. (Стрн. 4). Слово «богатырь» нѣкоторыми учеными производится отъ слова Богъ, въ виду того, что богатыри, по представленію народному,— существа съ высшими божественными качествами, полубоги. По мнѣнію другихъ, оно выработалось изъ древняго буйтуръ (прозвище, между прочимъ, князя Всеволода Святославича въ «Словѣ о полку Игоревѣ»), составленнаго изъ словъ буй (дикій) и туръ (зубръ, волъ). Полубогами-титанами по-препмуществу являются богатыри до-владимірской эпохи, такъ-называемые «старшіе» богатыри —исполинскіе миѳическіе представители прежней

стихійной кочевой жизни, борющіеся не столько съ людьми, сколько съ непокорными силами природы, тогда какъ «младшіе» богатыри, которые тѣломъ меньше и слабѣе старшихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и человѣчнѣе ихъ, осѣдло группируясь около кіевскаго князя Владиміра, служатъ опоэтизированными типами сложившейся уже русской общины. Главнѣйшіе изъ старшихъ богатырей: Вольга Всеславьевичъ, Микула Селяниновичъ и Святогоръ; кромѣ нихъ, встрѣчаются въ былинахъ: Самсонъ (отъ ветхозавѣтнаго Самсона «съ семью власами ангельскими на головѣ») Самойловичъ, Суханъ или Сухманъ (суш-манъ, изсушаемый, изсыхающій) Домантьевичъ (христіянское Дементьевичъ—передѣлка изъ первоначальнаго миѳическаго Одихмантьевичъ), Полканъ (полуконь), Колыванъ (образъ котораго совершенно неопредѣленный) и проч. Между младшими богатырями, главными дѣйствующими лицами кіевскаго эпоса, первое мѣсто принадлежитъ тремъ: Ильѣ Муромцу, Добрынѣ Никитичу и Алешѣ Поповичу, которые въ позднѣйшихъ пересказахъ, времени донскаго казачества, величаются: первый—«атаманомъ» казачьимъ, второй—«подъатаманомъ», третій—«есауломъ».

4. (Стрн. 4). «Поленицы» или «поляницы» (отъ полевать, поляковать), обыкновенно дочери «старшихъ» богатырей (напр. Микулы Селяниновича),—амазонки древней Руси, дѣвицами «полюютъ» въ чистомъ полѣ и силой, ловкостью, удалью превосходятъ часто богатырей. Выйдя же замужъ, онѣ дѣлаются самыми преданными, любящими женами и только въ исключительныхъ случаяхъ проявляютъ еще свои богатырскія наклонности (какъ Василиса Микулична). Рыская на конѣ за приключеніями, участвуя въ княжескихъ пиршествахъ, играя въ шашки-шахматы, даже сватаясь лично за богатырей, поленицы пользуются полною равноправностью съ мужчинами, которая, такимъ образомъ, народомъ нашимъ уже въ древности охотно предоставлялась женщинѣ, если она умѣла постоять за себя.

5. (Стрн. 4). Добрыня Никитичъ, какъ показываетъ самое имя его,—олицетвореніе мягкосердія богатырскаго: при большой тѣлесной силѣ, онъ, безъ крайней необходимости, и мухи не обидитъ, но для защиты сиротъ, вдовъ и «безсчастныхъ» женъ, самъ домовитый семьянинъ, готовъ драться до послѣдней капли крови. Его кротость доходитъ иногда даже до робости (см. былину объ «Ильѣ Муромцѣ и Сокольникѣ»). Сынъ боярина Никиты Романовича, онъ своимъ «вѣжествомъ», «уговоромъ», «смиреньицемъ» вполнѣ оправдываетъ свое боярское происхожденіе; а ко всему этому, онъ и артистъ въ душѣ: мастеръ пѣть и играть на модномъ инструментѣ — гусляхъ. Нѣкоторыми рапсодами Добрыня называется племянникомъ князя Владиміра, т.-е. родственникомъ его, меньшимъ лѣтами. У Нестора же имя «Добрыня» носитъ дядя Владиміра Святаго, дававшій ему мудрые совѣты. Вѣчная юность красавца-боярина выражается краснорѣчиво въ его постоянномъ

прозвищѣ «младъ», которое, для усиленія, иногда даже удваивается: «молодой Добрынюшка Никитичъ младъ».

6. (Стрн. 6). Старшій богатырь Вольга́ Всеславьевичъ—титанъ-охотникъ и воинъ, изучившій, для порабощенія всей одушевленной природы (звѣрей, птицъ, рыбъ и людей), всѣ хитрости-мудрости, заключающіяся главнымъ образомъ въ оборотничествѣ, т.-е. въ способности принимать образъ разныхъ животныхъ. Имя его «Вольга́» или «Волхъ» происходитъ отъ одного корня съ словомъ волхвъ—кудесникъ, жрецъ, занимающійся волхованіемъ. Отъ Волха же производятъ названіе рѣки Волхова. Почти нѣтъ сомнѣнія, что въ полубога Вольгу былевымъ творчествомъ преображенъ историческій Олегъ, который, по славѣ всевѣдѣнія, вѣдовства и въ Несторовой Лѣтописи называется Вѣщимъ. Не безъинтересно указать здѣсь на другаго богатыря-оборотня—князя Игоря въ «Словѣ о Полку Игоревѣ»: совершая побѣгъ свой изъ земли Половецкой, Игорь, чтобъ отвести глаза врагамъ, оборачивается поперемѣнно то въ горностая, то въ гоголя, то въ волка, то въ сокола. Отчество Вольги́ «Всеславьевичъ» или «Святославичъ» заимствовано рапсодами отъ брата Владиміра Святаго — Олега Святославича.

7. (Стрн. 10). Вмѣсто «индейскаго» царя «Салтыка Ставрульевича» и царицы его «Азвяковны» (Узбековна), въ нѣкоторыхъ варіянтахъ выступаютъ «турецкій» царь «Турецъ-Санталъ» съ царицей «Панталовной». Походъ Вольги съ его дружиной въ индейское (или турецкое) царство есть, вѣроятно, набѣгъ Олега на Царь-градъ въ 906 году.

8. (Стрн. 15). Ближайшіе приближенные князя Владиміра — «князья-бо́яре» не играютъ въ былинахъ почти никакой роли, какъ въ драмѣ «лица безъ рѣчей». Изъ дѣтей боярскихъ — «боярченковъ» набирается придворный штатъ князя: «стольники», «чашники», «кравчіе» и т. д., въ число которыхъ поступаютъ, впрочемъ, и богатыри, какъ, напр., Добрыня Никитичъ (по происхожденію своему бояринъ) и Чурила Плёнковичъ. Изъ князей и бояръ въ былинахъ называются поименно только Блудъ (у Нестора подъ 980 годомъ), Часъ, Путята (отецъ Забавы Путятичны, племянницы Владиміра) и Бермята Васильевичъ, иначе Пермята, Перминъ или Пермилъ (происхожденіемъ, вѣроятно, изъ Перми). Послѣдній, съ прозвищемъ «старый», служитъ князю, такъ-сказать, ходячимъ архивомъ, дающимъ во всякое время необходимыя справки о предметахъ, никому другому неизвѣстныхъ.

9. (Стрн. 16). Всѣ чужія страны на востокъ отъ Кіева называются обыкновенно «ордами», а на западъ «землями» или «Литвами». Въ ордахъ царствуютъ «цари» съ «царевичами» и «царевнами», въ земляхъ и Литвахъ «короли» съ «королевичами» и «королевнами» («королевичнами»).

10. (Стрн. 16). Былевая Апраксія (Евпраксія) королевична есть, по всему вѣроятію, лѣтописная Рогнѣда, дочь половецкаго князя Рогволода, отказывавшаяся сначала отъ замужства съ княземъ Владиміромъ, но вышедшая потомъ за него, по убіеніи отца ея Рогволода.

11. (Стрн. 17). Дунай Ивановичъ относится нѣкоторыми къ числу «старшихъ» богатырей (см. прим. 3), такъ какъ, обратившись, умирая, въ старшую рѣку славянъ Дунай, онъ какъ-бы возвращаетъ природѣ ея стихійную силу и самъ дѣлается олицетвореніемъ всѣхъ рѣкъ вообще, такъ что съ теченіемъ времени въ устахъ народа обратился даже въ нарицательное имя: «за рѣками, за дунаями». Прозвище «тихій», принадлежащее рѣкѣ Дунаю у всѣхъ славянъ присвоено въ былинахъ и богатырю Дунаю Ивановичу.

12. (Стрн. 29). Въ нѣкоторыхъ пересказахъ этой былины, вмѣсто «Дуная Ивановича» и «Настасьи королевичны», поставлены «Донъ Ивановичъ» и «Нѣпра́ (Днѣпра́, Днѣпръ) королевична».

13. (Стрн. 35). Былина объ «Алешѣ Поповичѣ» въ основныхъ своихъ чертахъ представляетъ много общаго съ былиною объ «Ильѣ Муромцѣ и Идо́лищѣ»: тамъ и здѣсь русскій богатырь, готовясь на бой съ чудовищемъ-врагомъ, маскируется калікой перехожею, чтобы не быть узнаннымъ; тамъ и здѣсь роковое столкновеніе вызывается обжорствомъ чудовища, причемъ и самое глумленіе русскаго богатыря надъ «обжорищемъ» выражается въ одномъ и томъ-же наивно-остроумномъ сравненіи (съ собакой и коровой, «треснувшими» отъ обжорства). Съ другой стороны, всѣ мелкія подробности этихъ былинъ и всѣ пріемы каждаго изъ двухъ богатырей: лукаваго Алеши и прямодушно-грубаго Ильи, настолько различны и соотвѣтствуютъ характерамъ того и другаго, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ самостоятельности обоихъ разсказовъ. Остается принять, что въ нихъ описываются два отдѣльныя, но весьма схожія событія, безсознательно вылитыя народнымъ творчествомъ, по ихъ тождественности, въ одну и ту-же поэтическую форму. Всѣ мнѣнія нашихъ ученыхъ сходятся на томъ, что въ убіеніи Ильею великаго и страшнаго Идо́лища слѣдуетъ видѣть уничтоженіе при Владимірѣ идолопоклонства на Руси. Сравнивая, съ этой точки зрѣнія, былину объ «Алешѣ Поповичѣ» съ былиною объ «Ильѣ и Идо́лищѣ», мы не могли не остановиться на мысли, что и въ первой изъ нихъ врагомъ русскаго богатыря является языческій идолъ: первоначальныя попытки введенія въ языческой Руси христіянства весьма естественно должны были исходить отъ христіянскаго духовенства, нашедшаго къ намъ доступъ еще при Св. Ольгѣ, принявшей христіянство; и вотъ миссія низверженія идоловъ возлагается въ былевомъ эпосѣ, прежде всего, на богатыря изъ «богомольной стороны» — города Ростова, на сына стараго попа соборнаго (вѣроятно епископа) Леонтія—Алешу Поповича. Первый бой его съ идоломъ происходитъ еще по пути къ стольному Кіеву; причемъ, какъ-бы для зачуранія

себя отъ нечистой силы, онъ заимствуетъ у богомольнаго странника его посохъ и весь каличій нарядъ. Преодолѣвъ врага посредствомъ уловки и отрубивъ ему голову, богатырь пріѣзжаетъ въ Кіевъ. Но здѣсь идолопоклонство еще въ силѣ, и только-что пораженный идолъ торжественно воздвигаютъ вновь и чествуютъ обильными жертвами: онъ съѣдаетъ по цѣлой ковригѣ «монастырской», проглатываетъ заразъ бѣлую лебедь, «охлёстываетъ» духомъ чары зелена́ вина въ полтора ведра. Алеша Поповичъ, насмѣявшись надъ чудовищемъ, вызываетъ его на новый бой: весь дворъ княжескій, весь народъ и даже заѣзжіе купцы держатъ поруки за идола; одинъ владыка черниговскій ручается за торжество христіянства. И въ этотъ разъ, благодаря своей хитрости, Алешѣ удается справиться съ сильнымъ врагомъ. Но окончательно уничтожить «Идо́лище» со всей его «силой невѣрной» суждено только богатырю-крестьянину Ильѣ Муромцу.

14. (Стрн. 35). Алешѣ Поповичу, подобно Добрынѣ, хотя и нѣсколько рѣже, присвоивается прозвище «младъ». Онъ изъ всѣхъ богатырей наименѣе любимъ народомъ, что́ высказывается какъ въ изображеніи съ видимымъ удовольствіемъ и обстоятельностью комическихъ положеній въ его жизни и въ презрительной кличкѣ «Алешка», такъ и въ томъ, что единственная былина, которой онъ является героемъ — настоящая былина о борьбѣ его съ Тугариномъ Змѣевичемъ — имѣется вполнѣ лишь въ одномъ пересказѣ (у Кирши Данилова); память народная, точно нарочно, утратила воспоминаніе о главномъ подвигѣ этого несимпатическаго богатыря. Наши современные собиратели успѣли разыскать только три отрывка этой былины.

15. (Стрн. 36). Каликами перехожими, одними изъ древнихъ пѣвцовъ былинъ, внесено въ былины много именъ изъ священнаго писанія. Такъ «Сафатъ-рѣка» получила свое названіе отъ ветхозавѣтной долины Іосафата. Въ настоящей былинѣ, воспѣвающей, какъ сказано, первое торжество христіянства надъ язычествомъ, перенесеніе дѣйствія на библейскую почву очень естественно.

16. (Стрн. 36). «Калики перехожіе», по своему названію, хотя и близки къ нищимъ-калѣкамъ нашего времени, но общаго съ ними имѣютъ только хожденіе съ мѣста на мѣсто и прошеніе милостыни. Они, въ своемъ родѣ, также богатыри, но, подобно богатырямъ «старшимъ», богатыри кочевой, до-владимірской эпохи: шуба на нихъ соболиная, лапти семи шелковъ, шитые серебромъ и золотомъ, сумка рытаго бархату; гуня въ тридцать пудъ, шляпа въ девять пудъ, посохъ въ сорокъ пудъ; подъ шагами ихъ мать-земля подгибается; а «зычный» голосъ ихъ дѣйствуетъ пуще грому небеснаго:

«Становилися калики во единый кругъ,
Клюки-посохи въ сыру́ землю потыкали,
Сумочки на посохи навѣсили,

Сумочки-то рыта бархату,
Попросили милостынки, золотóй гривны,
Крикнули всѣ вмѣстѣ зычнымъ голосомъ:
Отъ тѣхъ пóкриковъ отъ богатырскіихъ
Да отъ голосовъ отъ молодецкіихъ
Дрогнетъ матушка сырá земля,
Со деревъ охлопья да посыпались,
Съ теремовъ верхи да повалялися,
Въ горенкахъ оконницы разсыпались,
Въ погребахъ напитки всколыбалися,
Конь подъ княземъ окарáчился,
А богáтыри съ коней попáдали.»
(Непомѣщенная здѣсь былина о «Сорока каликахъ»).

Это — послѣдніе могиканы былой кочевой жизни, выговорившіе себѣ дальнѣйшее существованіе обѣтомъ странствовать ко святымъ мѣстамъ и распространять въ народѣ духовные стихи, а также поэтическія повѣствованія о сѣдой старинѣ. Силы въ нихъ еще болѣе, чѣмъ въ истыхъ богатыряхъ, которые поэтому зачастую и вооружаются каличьей клюкою или шелепугою; но смѣлости въ нихъ нѣтъ уже и «въ полъ-богатыря».

17. (Стрн. 37). Имя «Тугаринъ» дано противнику Алеши Поповича, какъ полагаютъ, по имени половецкаго хана Тугаркана, на внучкѣ котораго былъ женатъ сынъ Владиміра Мономаха Андрей. По тождеству именъ двухъ Владиміровъ, имя позднѣйшаго половецкаго хана вѣроятно перенесено народомъ и въ памятное ему царствованіе Владиміра Святаго. Отчество «Змѣевичъ» присвоено Тугарину, какъ потомку нечистой силы, которая всѣми народами олицетворяется чаще всего въ образѣ змѣи или дракона.

18. (Стрн. 41). Оживленіе убитаго уже разъ Тугарина объясняется, какъ изложено въ прим. 13-мъ, возстановленіемъ разрушеннаго идола. Затѣмъ вообще, какъ отродье змѣиное, Тугаринъ долженъ обладать особенной жизненной силой.

19. (Стрн. 46). «Пучай-рѣка»—нынѣшняя Почайна. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ, вмѣсто Пучая, встрѣчается «Израй-рѣка», отъ библейскаго Израиля.

20. (Стрн. 50). Змѣя предлагаетъ Добрынѣ побратимство — обычное между богатырями братство «крестовое» или «назвáное».

21. (Стрн. 50). Племянница Владимірова «Забава» называется иногда также «Запавой» или «Любавой». Имя отца ея «Путяты» встрѣчается въ лѣтописяхъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую Владиміру Мономаху, и, подобно имени Тугарина (см. выше прим. 17), перешло впослѣдствіи въ былевые разсказы о времени Владиміра Святославича.

22. (Стр. 50). Большихъ горъ въ предѣлахъ древней Руси нѣтъ, и потому, вмѣстѣ съ неясностью понятія о горѣ, и самыя названія горъ въ былинахъ какія-то миѳическія. Всего чаще упоминаются: 1) «Латырь-гора» (воображаемый возвышенный берегъ Латырь-моря, т.-е. Балтійскаго моря); 2) гора «Сорочинская» (сарацинская, арабская), которая, по представленію народному, помѣщается гдѣ-то на берегу Хвалынскаго (Каспійскаго) моря; 3) «Святыя Горы», на которыхъ живетъ богатырь Святогоръ,—вѣроятно Карпаты.

23. (Стрн. 62). О богатыричѣ Василисѣ Микуличнѣ и мужѣ ея существуютъ двѣ разныя былины, построенныя на одномъ и томъ-же мотивѣ: что мужъ ея впадаетъ въ немилость князя Владиміра; но развитіе и развязка дѣйствія въ одной былинѣ комичны, въ другой трагичны. Мы выбрали первую редакцію, какъ потому, что послѣдняя, по развязкѣ, весьма схожа съ помѣщаемою здѣсь былиною о «Дунаѣ Ивановичѣ и Настасьѣ королевичнѣ», такъ и потому, что въ послѣдующихъ былинахъ упоминается о счастливомъ супружествѣ еще здравствующихъ Ставра и Василисы. Въ трагическомъ пересказѣ былины, мужъ Василисы называется Данилой Ловчаниномъ и посылается княземъ въ «службу дальнюю, невзворотивную», на Буянъ-островъ. Съ горя, что онъ сдѣлался «неугоденъ» князю, Данило, побивъ предварительно враговъ, падаетъ грудью на «востро́ копье». Василиса, съ тоски, «спарываетъ» себѣ также бѣлу грудь» надъ трупомъ мужа.

24. (Стрн. 62). Въ Лѣтописи (Новгородской) Ставёръ упоминается въ первый разъ подъ 1118 годомъ. Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ бояръ новгородскихъ, присягавшихъ въ Кіевѣ Владиміру Мономаху, но неугодныхъ ему, онъ былъ отправленъ въ ссылку. Тождественность событія и одинаковость именъ царствующихъ князей послужили слагателямъ былинъ поводомъ къ наименованію Ставромъ одного изъ богатырей Владиміра Святаго, причемъ родиною его, вмѣсто Новгорода, называется Черниговъ.

25. (Стрн. 62). Торговля въ старину производилась по бо́льшей части мѣновая, и купцы находились постоянно въ разъѣздахъ, т.-е. вездѣ были гостями; отсюда названіе ихъ—«гости торговые».

26. (Стрн. 64). Василиса Микуличпа—старшая дочь Микулы Селяниновича (см. былину объ немъ). Въ народныхъ сказкахъ она называется также «Василисою Золотою Косою», «Василисою Премудрою» и «Прекрасною».

27. (Стрн. 64). Подъ выраженіемъ «посадитъ на овесъ и на воду», очевидно, слѣдуетъ разумѣть «на хлѣбъ (овсяный) и на воду».

28. (Стрн. 65). «Грознымъ» (страшнымъ) представляется простолюдину всякій посолъ, застающій его врасплохъ нежданою-негаданою вѣстью.

29 (Стрн. 67). По плохому состоянію дорогъ въ древней Руси, по нимъ ставились вѣхи.

30. (Стрн. 69). Въ былинахъ «лицами безъ рѣчей», подобно князьямъ-боярамъ, являются еще такъ-называемые «скученные» богатыри, цѣлыя кучи которыхъ, по общему имъ свойству, носятъ одно общее имя: «братья Притченки» (отъ прыткій), «Хапиловы» (отъ хапать, хватать — «хваты»), «Сбродовичи» (отъ сбродъ), «мужики Залѣшане» (отъ залѣсье, лѣсъ).

31. (Стрн. 79). Молодому заѣзжему венеціянскому купцу, одаренному удивительнымъ искусствомъ пѣнія и игры на гусляхъ (подъ которыми здѣсь слѣдуетъ понимать, конечно, нѣчто въ родѣ итальянской мандолины или гитары), дано имя искуснѣйшей пѣвчей птицы—«Соловья», точно также, какъ и знаменитому былевому Соловью разбойнику, свистъ котораго если и не умиляетъ, то сражаетъ всякаго съ ногъ. Отчество «Будимірович», составленное изъ словъ буди и міръ, усиливаетъ еще артистическое значеніе Соловья, который, какъ Орфей, своей чарующей игрой пробуждаетъ весь окружающій міръ.

32. (Стрн. 82). «На златѣ-серебрѣ не погнѣваться» — значитъ: князь не прогнѣвается, что ему не дарятъ злата-серебра: такимъ подаркомъ его не удивишь.

33. (Стрн. 82). «Всѣ-то хитрости на нихъ Царя-града,
Всѣ-то мудрости Ерусалима,
А все замыслы Соловья Будимірова»—

означаетъ: всѣ подробности узоровъ были заморскіе, но соединеніе ихъ въ одно стройное цѣлое принадлежало самому Соловью.

34. (Стрн. 83). Какъ человѣку торговому, князь предлагаетъ Соловью Будимировичу для застройки «бойкое» мѣсто; но Соловью, хотя и строющему затѣмъ, кромѣ теремовъ, гостиный дворъ, не того надобно.

35. (Стрн. 86). Соловьёва золота казна «стучитъ-бренчитъ, щелчитъ-молчитъ»—т.-е. только и слышно пересыпаніе денегъ.

36. (Стрн. 87). По одному варіанту, Соловей Будимировичъ съ Забавой Путятичной тутъ-же мѣняются перстнями; но Соловьева матушка отсрочиваетъ свадьбу до тѣхъ поръ, пока сынъ не расторгуется. Соловей отъѣзжаетъ за синія моря. Между тѣмъ является къ князю Владиміру съ подарками «голый щапъ» (бѣдный щеголь) «Давидъ Поповъ», и князь отдаетъ за него племянницу. Во время свадебнаго пира, однако, возвращается Соловей Будимировичъ, и Забава изъ-за стола съ радостью бросается къ нему и выходитъ за него. Этотъ эпизодъ явно заимствованъ изъ былины о «Добрынѣ въ отъѣздѣ», такъ какъ не только общее содержаніе его, но и многія мелкія подробности и даже цѣлыя фразы схожи съ концомъ послѣдней былины; «голый» же «щапъ Поповъ» есть, очевидно, «бабій пересмѣшникъ» Алеша «Поповичъ».

37. (Стрн. 90). Пока совершаются богатырями кіевскаго князя описываемые въ предъидущихъ былинахъ подвиги,—далеко на сѣверѣ, въ нынѣшней Владимірской губерніи, подъ Муромомъ, въ деревушкѣ Карачаровѣ безвѣстно прозябаетъ растительною жизнью параличный крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, которому суждено сдѣлаться впослѣдствіи спасителемъ отчизны отъ враговъ внутреннихъ, духовныхъ и внѣшнихъ. Здѣсь, предоставленный въ теченіе десятилѣтій самому себѣ, въ дали отъ суеты мірской, какъ прикованный къ скалѣ Прометей, Илья исподоволь набирается того безкорыстнаго, человѣчнаго духа, который необходимъ истинному оберегателю общественныхъ интересовъ, остающемуся вѣкъ безсемейнымъ бобылемъ для вящшей пользы общины. На родинѣ его, въ селѣ Карачаровѣ и въ настоящее время есть крестьяне Ильюшины, которые съ гордостью производятъ отъ него родъ свой.

38. (Стрн. 91). Мать Ильи Муромца, по преданію, называлась Ефросиньей Яковлевой.

39. (Стрн. 91). Въ теченіе тридцатилѣтняго «сидѣнія» Ильи Муромца, въ немъ какъ-бы назрѣваютъ испо́линскія силы, необходимыя для предстоящихъ ему подвиговъ, непреодолимыхъ для другихъ смертныхъ. Но вывести его изъ неподвижности можетъ только внѣшняя, сверхъестественная, искупительная сила; такими ангелами-искупителями являются могучіе представители вѣчнаго движенія, былаго кочевья—калики перехожіе, однимъ словомъ своимъ пробуждающіе къ жизни его онѣмѣлые члены, однимъ прикосновеніемъ губъ къ напитку, который онъ испиваетъ послѣ нихъ, дѣлающіе изъ него сильнѣйшаго богатыря.

40. (Стрн. 94). Заря, по народному повѣрью, самое дѣйствительное время для совершенія всякаго рода чаръ; роса же заревая обладаетъ, будтобы, особенною цѣлебною силой, и купаніе въ ней подъ Ивановъ день принадлежитъ къ древнѣйшимъ обрядамъ славянъ.

41. (Стрн. 95). Какъ самъ Илья Муромецъ, до пробужденія богатырскихъ силъ его поданнымъ каликами питьемъ, находится въ безпомощномъ, параличномъ состояніи, такъ и богатырскій конь его, до купанія въ чародѣйной утренней росѣ, долженъ быть болѣзненнымъ, шелудивымъ.

42. (Стрн. 99). «Въ полпути» отъ села Карачарова къ Мурому дѣйствительно воздвигнута надъ ключомъ часовня во имя пророка Иліи, который, такимъ образомъ, является какъ-бы ангеломъ муромскаго богатыря.

43. (Стрн. 99). Вмѣсто Чернигова, въ разныхъ варіантахъ называются «Бѣжеговъ», «Бекетовецъ», «Кидишъ», «Кряковъ», «Смолягинъ» (Смоленскъ) и «Турговъ».

44. (Стрн. 102). «Заставы» въ былинахъ бываютъ двоякаго рода: заставы вражьи—преграды, встрѣчаемыя богатырями на своемъ пути со стороны враговъ или вообще враждебной силы, и, въ противоположность

ныя, заставы богатырскія—небольшія крѣпостцы, бо́льшею частью по окраинамъ государства, на которыхъ стоятъ богатырская дружина «братья крестовая» или «названая», оборону отчизны отъ внѣшнихъ враговъ.

45. (Стрн. 102). Рѣка «Смородина» или «Самородина» есть миѳическая рѣка, сама рождающаяся и, подобно древне-греческой Летѣ, безпощадно поглощающая въ своихъ волнахъ всѣхъ смертныхъ, переплывающихъ ее. Поэтому она протекаетъ и мимо Соловьинаго гнѣзда, гдѣ всякому прохожему грозитъ неминуемая смерть.

46. (Стрн. 103). Соловей разбойникъ, залегающій тридцать лѣтъ дорогу въ стольный Кіевъ, олицетворяетъ собою вообще главныхъ внутреннихъ враговъ возникающаго государства—шайки разбойниковъ, которыя разсѣять суждено первому нашему народному герою—Ильѣ Муромцу. Кто не испытывалъ невольной дрожи темною, ночью въ глухомъ мѣстѣ при неожиданномъ рѣзкомъ свистѣ, служащемъ обыкновенно условнымъ знакомъ для злоумышленниковъ? Неудивительно, что народное воображеніе одарило прототипъ русскихъ разбойниковъ убійственнымъ соловьинымъ свистомъ, отъ котораго онъ и получилъ свое имя. Отчество же его «Рахмановичъ» производится отъ слова рахманъ или брахманъ, т.-е. браминъ — индейскій жрецъ и кудесникъ. Иногда онъ называется и «Птицей Рахманной», «Алатырцемъ некрещёнымъ» (отъ Латырь-моря), а по батюшкѣ «Одихмантьевичемъ» (какъ и старшій богатырь Сухманъ) или «Ахматовичемъ» (отъ татарскаго Ахмата).

47. (Стрн. 107). По другимъ пересказамъ, неожиданное нападеніе до того раздражило нашего богатыря, что онъ разорилъ все гнѣздо Соловьиное и «показнилъ» всю семью, за исключеніемъ самого отца-разбойника, котораго повезъ съ собой въ Кіевъ.

48. (Стрн. 117). Какъ Вольга Всеславьевичъ есть полубогъ-охотникъ и воинъ, побѣждающій всю одушевленную природу, такъ Микула Селяниновичъ есть «любимый земледѣлецъ» полубогъ-крестьянинъ, божественный представитель земледѣлія и первой осѣдлости на Руси, который, изборазживая своею чудесною сохою вдоль и поперегъ всю матушку святую Русь, порабощаетъ питательную силу земли. Имя его «Микула»—Микола, Николай; отчество «Селяниновичъ» показываетъ, что онъ сынъ селянина, т.-е. крестьянина; въ видѣ исключенія онъ величается и «Никитичёмъ». Сыновей у него нѣтъ; но, по одинаковости происхожденія, изъ «младшихъ» богатырей всего ближе приходится ему главнѣйшій—Илья Муромецъ. Второй, послѣ Ильи, младшій богатырь—Добрыня Никитичъ, типъ семьянина, женится на одной изъ трехъ полоняницъ-дочерей Микулы—Настасьѣ, старшая сестра которой, Василиса, замужемъ за богатыремъ-купцомъ Ставромъ. Такимъ образомъ Микула есть, въ нѣкоторомъ родѣ, родоначальникъ младшихъ богатырей.

49. (Стрн. 122). Тяжесть сохи Микулиной, которой не могла осилить вся дружина Вольгй, есть та-же самая «земная тяга», которую затѣмъ тщетно силится одолѣть въ переметной сумкѣ Микулиной великанъ-Святогоръ (см. былину о немъ).

50. (Стрн. 123). Но Лѣтописи, Олегъ подъ Гурчевцемъ или Вручевцемъ нашелъ смерть: «Побѣгъшю же Ольгу съ вои своими въ градъ, рекомый Вручій, бяше черезъ гроблю мостъ ко вратамъ градным: тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю; и спехнуша Ольга съ мосту въ дебрь, падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци. И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дня у Вручего.»

51. (Стрн. 129). Двухъ главныхъ «старшихъ» богатырей, о которыхъ имѣются отдѣльныя былины, Вольги Всеславьевича и Микулы Селяниновича, при князѣ-солнышкѣ Владимірѣ нѣтъ уже въ живыхъ. Изъ прочихъ старшихъ богатырей, нѣкоторые также сошли уже со сцены; другіе, не умѣя освоиться съ условіями осѣдлой жизни, доживаютъ кое-какъ свой вѣкъ, не совершая уже никакихъ богатырскихъ подвиговъ. Одинъ изъ нихъ, Святогоръ удалился отъ свѣта на свои Святыя Горы, и единственная попытка его (описываемая въ настоящей былинѣ) приложить свою исполинскую мощь къ новымъ житейскимъ условіямъ — къ земскому дѣлу — почти погубила его: онъ по колѣна угрязъ въ землю, и кровь, вмѣсто пота, потекла по лицу его. Онъ—представитель грубой физической силы кочеваго періода, которая, какъ самостоятельная стихія, въ строгомъ строѣ одухотворенной нравственнымъ началомъ гражданской жизни не имѣетъ уже мѣста и должна умереть. Изрѣдка Святогору присвоивается отчество—«Колывановичъ».

52. (Стрн. 139). По одному пересказу, встрѣча Ильи Муромца съ Святогоромъ происходитъ тотчасъ по первомъ выѣздѣ его изъ родительскаго дома. Но конь Святогоровъ возитъ своего хозяина съ Ильею трое сутокъ; Илья же, простоявъ въ Муромѣ заутреню, къ поздней обѣднѣ того-же дня поспѣлъ въ Кіевъ, слѣдовательно, по пути, очевидно, не могъ трехъ сутокъ пробыть въ карманѣ Святогора. Затѣмъ, разсказывая въ Кіевѣ князю о помѣхахъ, замедлившихъ его своевременное прибытіе къ обѣду «княженецкому», онъ ни въ одномъ варіантѣ не упоминаетъ о своей встрѣчѣ съ Святогоромъ. Далѣе, рекомендуясь Святогору, онъ, въ нѣсколькихъ пересказахъ, называетъ себя богатыремъ изъ Кіева (значитъ, ѣдущимъ изъ Кіева, а не впервые въ Кіевъ), и указываетъ даже цѣль своей поѣздки—повидать Святогора, невиданнаго еще кіевскими богатырями. Поэтому, не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, что поѣздку свою на Святыя Горы Илья совершилъ уже послѣ перваго пріѣзда своего въ Кіевъ съ Соловьемъ разбойникомъ.

53. (Стрн. 145). Вдохнувъ въ себя могучій богатырскій духъ Свято-

гора и получивъ въ наслѣдство его славный мечъ (называемый въ одномъ варіантѣ мечомъ-кладенцемъ), Илья Муромецъ дѣлается прямымъ воспріемникомъ древнихъ русскихъ титановъ—«старшихъ» богатырей, и можетъ смѣло выступить, на защиту отечества, противъ всѣхъ враговъ духовныхъ (Идолища) и внѣшнихъ (царя Калина), какъ выдержалъ уже убійственный свистъ врага внутренняго (Соловья разбойника).

54. (Стрн. 147). Въ «Идолищѣ» (иначе «Одолище» — отъ одолѣть) представляется метафорически, какъ надо полагать, старшій изъ древнерусскихъ боговъ Перунъ (отъ глагола переть, бить), соотвѣтствующій греческому Зевсу-громовержцу. «Силу поганую», сопровождающую Идолище, составляютъ прочіе боги: Купало—богъ земледѣлія, Волосъ—богъ скотоводства, Стрибогъ—богъ вѣтровъ, Ладо—богъ семейнаго счастья и любви, Коляда—богъ мира, и другіе. Всѣ боги древней Руси олицетворялись кумирами, которымъ, для бо́льшей внушительности, придавался обыкновенно возможно грозный видъ огромными размѣрами тѣла, множествомъ головъ и страшными чертами лица; причемъ каждый кумиръ имѣлъ свои необходимые, наводящіе ужасъ аттрибуты, въ видѣ многоголовыхъ ящеровъ, змѣевъ и т. п. Туловище громоноснаго Перуна было искусно вырѣзано изъ дерева и стояло на желѣзныхъ ногахъ; голова его была серебряная съ золотыми усами, а въ рукѣ у него сверкала молнія изъ рубиновъ и карбункуловъ.

55. (Стрн. 147). Смѣлый Алеша Поповскій сынъ, первый изъ русскихъ богатырей дерзнувшій свергнуть одиночный идолъ (Тугарина Змѣевича), не нашелъ въ себѣ, однако же, достаточно мужества, чтобы выступить противъ всего сонмища языческихъ боговъ.

56. (Стрн. 153). По лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, Владиміръ Святославичъ, окрестившись въ Херсонесѣ (близъ нынѣшняго Севастополя) въ 988 году, по возвратѣ въ Кіевъ, прежде всего распорядился уничтоженіемъ языческихъ идоловъ. Идолъ Перуна, возвышавшійся на священномъ холмѣ противъ самаго княжескаго терема, былъ привязанъ къ лошадиному хвосту и, подъ палочными ударами, спущенъ по́дъ гору въ Днѣпръ. Здѣсь бѣдный идолъ, будто-бы, съ рыданіями и воплями пытался еще выбиться на берегъ; но его схватили, и, съ тяжелымъ камнемъ на шеѣ, онъ пошелъ ко дну. Послѣ этого, убѣжденный въ безпомощности своихъ старыхъ боговъ, народъ повалилъ толпами въ рѣку, гдѣ, стоя въ водѣ, по примѣру Христа, и былъ окрещенъ іереями. Прочіе кумиры были также или разбиты, или сожжены.

57. (Стрн. 156). Былина объ «Ильѣ Муромцѣ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ» заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что въ ней муромскій герой, «помѣшавъ учёныя мѣста» на пиру у Владиміра и усадивъ затѣмъ рядомъ съ собою бѣдный пролетаріатъ—«голей кабацкихъ», удовольствовавшись самъ, впрочемъ, мѣстомъ середнимъ,—ратуетъ за равноправность сословій, которая лишь 9 вѣковъ спустя, въ нынѣшнее благополучное

царствованіе, по собственной державной волѣ Царя Освободителя, дарована русскому народу въ столь широкой мѣрѣ—въ крестьянской реформѣ, всесословныхъ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, гласномъ судѣ съ присяжными и всеобщей воинской повинности.

58. (Стрн. 167). Поголовное побіеніе татаръ Ильею Муромцемъ, разсказываемое въ былинѣ объ немъ и царѣ Калинѣ, не соотвѣтствуетъ никакой исторической битвѣ въ особенности, какъ и въ самомъ царѣ Калинѣ не слѣдуетъ искать какой-нибудь опредѣленной исторической личности: царь Калинъ есть лицо собирательное, внѣшній врагъ по-преимуществу, и въ побѣжденіи этого врага съ его несчетной силой должно видѣть вообще побѣдоносныя дѣйствія оружія Владиміровыхъ богатырскихъ дружинъ противъ азіятскихъ варваровъ, особенно печенѣговъ, безпрестанно вторгавшихся въ русскіе предѣлы; причемъ побѣдные лавры, естественно, предоставляются все тому-же любимому былевому герою—Ильѣ Муромцу. Татарское иго, однако, запечатлѣлось въ памяти народной на столько глубоко, что позднѣйшими рапсодами, вмѣсто тѣхъ или другихъ враговъ владимірской Руси, вездѣ называются одни «татаровья», а вмѣсто царя Калина, нерѣдко выступаетъ «Батый Батыевичъ» («Батыга», «Бутеянъ Бутеяновичъ») или «Мамай»; такъ что въ окончательномъ избіеніи силы царя Калина, описываемомъ съ такимъ торжествомъ, воспѣвается безсознательно и сверженіе татарскаго ига, совершившееся 500 лѣтъ спустя (въ 1480 году).

59. (Стрн. 176). Интересно сравнить это описаніе несмѣтныхъ полчищъ царя Калина съ разсказомъ Волынскаго Лѣтописца о нашествіи Батыя въ 1237 году: «Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжьцѣ, многомъ множьствомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарьская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города, и отроци его обсѣдяху градъ, и не бы слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множьства ревѣнія вельблудъ его и рьжанія отъ гласа стадъ конь его.»

60. (Стрн. 188). Достойно вниманія, что князь Владиміръ добровольно предоставляетъ здѣсь народу ту самую льготу, которою прежде Илья Муромецъ обусловилъ примиреніе свое съ княземъ.

61. (Стрн. 190). Чурила Плёнковичъ есть яркій типъ получившаго свѣтскій лоскъ того времени богатаго купеческаго сынка, живущаго въ полное свое удовольствіе, незнающаго удержу своимъ затѣямъ и поставившаго себѣ жизненною цѣлью—своимъ щегольствомъ и удалью разудивить весь міръ. Въ этихъ видахъ онъ поступаетъ и на службу къ князю, при дворѣ котораго есть чѣмъ и предъ кѣмъ блеснуть. Своею удалью онъ возвысился до богатырства; но онъ ограничивается только придворною должностью, а не примыкаетъ къ земской богатырской дружинѣ: ему, бѣлолицему красавцу и щеголеватому волокитѣ, не до защиты отчизны, въ чис-

томъ полѣ, въ дождѣ и вьюгѣ, или на дальнихъ, безлюдныхъ «заставахъ», въ дали отъ столичнаго комфорта. Имя «Чурила» (или «Чурило») нѣкоторыми языковѣдами производится отъ предполагаемаго родоначальника его Чура, какого-то древняго славян каго бога, которому вѣроятно воздвигались встрѣчавшіеся въ старину на перекресткахъ идолы—чурки или чуры, и которымъ и донынѣ чураются въ заговорахъ и заклинаніяхъ. Имя же «Чура» тѣми-же лингвистами сближается съ именемъ греческаго бога Гермеса (Меркурія).

62. (Стрн. 195). Имя «Плёнъ» («Плёнко», «Плёнчище») происходитъ вѣроятно отъ слова плѣнъ, полонъ: плѣнные, полоненные продавались нѣкогда въ рабство, составляя весьма важную статью торговли; одному изъ главныхъ торговцевъ этимъ живымъ товаромъ легко могло быть присвоено соотвѣтственное имя Плёнъ. Происхожденіемъ же этотъ «гость» — «Сурóжанинъ», т.-е. съ Сурожа (Азовскаго моря).

63. (Стрн. 201). Ни въ одной другой былинѣ столь свойственный русскому народу простодушный юморъ не достигаетъ такой силы, какъ въ былинѣ о «Дюкѣ Степановичѣ»: не знаешь, что забавнѣе: небывалыя ли чудеса Дюкова «посельница» и наивное удивленіе «общѣнивающихъ» ихъ русскихъ богатырей, или же самъ пѣвецъ былины, искренне вѣрующій во всѣ эти чудеса и невинно подтрунивающій, вмѣстѣ съ Дюкомъ, надъ простячка́ми-кіевлянами. Особенно яркій контрастъ представляетъ самоувѣренно-спокойное хвастовство вылощеннаго западно-европейской цивилизаціей Дюка съ доморощеннымъ ухарствомъ кіевскаго фата Чурилы. Хотя Дюкъ и величается въ былинѣ «бояриномъ», но, судя по имени, онъ едва ли не Dux, герцогъ, который, впрочемъ, какъ усматривается изъ конца былины, не гнушается заниматься и (столь прибыльнымъ) торговымъ дѣломъ; для этого дѣла-то онъ въ сущности, можетъ быть, и прибылъ въ Кіевъ, и пущенная имъ въ глаза кіевлянамъ пыль, которою ослѣплять такъ умѣютъ насъ и современные иностранные «гости», послужила ему лучшей рекламой, добывшей ему право вѣчнаго безпошлиннаго торга. Родина Дюка — родственная намъ Галицкая Русь («Галичь проклятая»), которая однако, какъ лежащая за предѣлами Владиміровыхъ владѣній, помѣщается неособенно сильными въ географіи рапсодами гдѣ-то тамъ — въ «Индіи богатой».

64. (Стрн. 203). О значеніи купанія въ росѣ см. прим. 40.

65. (Стрн. 229). Невѣжа-черный воронъ олицетворяетъ собою цѣлое вражеское полчище.

66. (Стрн. 231). «Участь-таланъ» Ильи Муромца въ томъ, что ему «смерть на бою не писана».

67. (Стрн. 231). Сборы Добрыни въ дорогу описываются здѣсь, нѣкоторыми рапсодами, также обстоятельно и тѣми-же словами, какъ и сборы его

на гору Сорочинскую противъ змѣя Горынчища, для избавленія Забавы Путятичны (см. былину о второмъ боѣ его съ змѣемъ). Такъ какъ такое-же подробное описаніе сборовъ, съ незначительными отступленіями, должно было быть сохранено нами, по его характеристичности, еще въ двухъ былинахъ, гдѣ героями являются два другіе богатыря (Илья Муромецъ, въ былинѣ объ немъ и царѣ Калинѣ, и Дюкъ Степановичъ), то въ настоящей былинѣ мы считали умѣстнымъ выбрать сокращенную редакцію, незадерживающую дѣйствія.

68. (Стрн. 233). Одинъ пѣвецъ (правда, лучшій—Рябининъ) повѣствуетъ здѣсь и о самыхъ подвигахъ Добрыни Никитича; причемъ Добрыня дается княземъ Владиміромъ въ товарищи другому богатырю—Василію Казиміровичу, отправляющемуся къ королю (царю) Бутеяну Бутеяновичу (Батыю) отвести дани-выходы за двѣнадцать съ половиною лѣтъ; но, прибывъ къ Бутеяну, отодвигаетъ Василія на второй планъ и выступаетъ самъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Такъ какъ ни въ одномъ изъ прочихъ многочисленныхъ (до тридцати) пересказовъ былины о «Добрынѣ въ отъѣздѣ» — о похожденіяхъ Добрыни ничего не упоминается, то мы склоняемся къ мнѣнію, что разсказъ объ этихъ похожденіяхъ перенесенъ Рябининымъ въ настоящую былину изъ какой-нибудь другой самостоятельной былины, отрывки которой и передаются также нѣкоторыми другими рапсодами. Не включая затѣмъ этихъ богатырскихъ приключеній въ нашу сводную былину, тѣмъ болѣе, что они повредили бы цѣльности и занимательности всего разсказа, имѣющаго предметомъ эпизодъ изъ семейной жизни Добрыни, — мы не можемъ, тѣмъ не менѣе, не привести здѣсь въ извлеченіи весьма картиннаго описанія Добрыниныхъ подвиговъ:

На вопросъ Бутеяна Бутеяновича:

«— Ай же вы, дородны добры мо́лодцы!
Кто изъ васъ тораздъ играть во шашки-шахматы,
Да во славныя во та́влеи нѣмецкія?» *)

Василій Казиміровичъ отвѣчаетъ:

«— Дома у меня всѣ игроки оставлены,
Только ести у меня надеюшка
Что на Спаса, на Пречисту Богородицу
Да на своего на братца на крестоваго,
На млада́ Добрынюшку Никитича.»

Кликнули Добрынюшку Никитича. «Со великой со горячности» просмотрѣлъ Добрыня одинъ «ступе́нь» шашечный и проигралъ Бутеяну добра́

*) „Нѣмецкія“ — явно новѣйшая редакція.

коня богатырскаго. Подъ другую игру король ставитъ залогомъ великую безсчетну золоту казну, а русскій мо́лодецъ свою буйную головушку. На этотъ разъ, однако, Добрыня обыгрываетъ короля. Тогда король предлагаетъ другаго рода состязаніе:

«— Кто изъ васъ гораздъ стрѣляти изъ тугá лука,
Пропущати стрѣлочку калёную
По тому по острію ножёвому,
Чтобы вѣсомъ ровно шла да на двѣ стороны,
Угодила бы въ колечико серебряно?»

Василій Казиміровичъ посылаетъ, вмѣсто себя, опять своего братца крестоваго. Побѣжали слуги королевскіе за лукомъ.

«Какъ несутъ Добрынѣ ту́гой лугъ разрывчатый,
Подъ конецъ несетъ лукъ сто татáровей,
Подъ другой несетъ другое сто,
Подъ серёдочку еще да третье сто,
Всѣ идутъ татаровья — покряхтываютъ.
Бралъ Добрыня ту́гой лукъ разрывчатый,
Сталъ Добрыня стрѣлочку накладывать,
Сталъ шелко́вую тетивочку потягивать —
Заскрипѣли полосы булатныя,
Заревѣли змѣи у тугá лука,
Изломался ту́гой лукъ, полопался,
Со бедра его Добрыня бросилъ о́ землю.»

Какъ Добрыня играетъ здѣсь только роль «товарища» Василія Казиміровича, такъ у него самого взятъ пажомъ молодой Иванушка Дубровичъ; этого пажа онъ посылаетъ къ коню богатырскому отстегнуть отъ праваго стремени его собственное «дрянное лучёнышко завозное».

«Какъ во томъ луку разрывчатомъ, въ тупомъ концѣ,
Были сдѣланы гусёлышки яровчаты,
Да не для-ради красы-у́гожества,
Для-ради потѣхи молодецкія....»
«Какъ беретъ Добрыня ту́гой лукъ разрывчатый,
Самъ становится да на рѣзвы́ ножки
Супроти́въ колечика серебряна,
Какъ кладетъ онъ ту́гой лукъ подъ ножку лѣвую,
Съ лѣвой ножки на право́ плечо:
Защелка́ла тутъ тетивочка шелко́вая,
Натянулся у Добрыни ту́гой лукъ,

Наложилъ онъ стрѣлочку калёную,
Три́ раза стрѣлилъ по острію ножёвому,
Три́ раза попалъ въ колечико серебряно.»

Послѣ него стрѣляетъ Бутеянъ:

«Первый разъ стрѣлилъ — пере́стрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ — не до́стрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ — попасть не могъ.»

Королю дѣло не слюбилося, и онъ предлагаетъ бороться.

«Какъ на улицѣ-то ходятъ три борца,
Три борца да три татарина,
Дружка дружку за́ воротъ похватываютъ,
Дружка дружку на́ земь да побрасываютъ.»

Добрыня сходитъ съ крыльца и спрашиваетъ Бутеяна: какъ прикажетъ съ ними драться — со всѣми ли вдругъ или по одиночкѣ? Бутеянъ отвѣчаетъ, что можетъ драться, какъ ему угодно. Тогда Добрыня перваго татарина хватаетъ за воротъ, втораго за голову, третьяго за волосы, бросаетъ о сыру́ землю и зашибаетъ до смерти. «Та борьба была побброна.» Бутеянъ, испугавшись, не только отказывается отъ привезенныхъ ему русскими богатырями даней-выходовъ, но даетъ имъ еще «грамоту повинную» платить съ своей стороны кіевскому князю дани-выходы «вѣкъ по́ вѣку».

69. (Стрн. 243). Какъ указано въ прим. 16, калики перехожіе были послѣдними представителями былой кочевой жизни. Богатырь Михайло По́тыкъ, выступающій въ одной былинѣ (о «Сорока каликахъ», неномѣщенной здѣсь) во главѣ каликъ, есть по-преимуществу богатырь-бродяга, какъ показываетъ самое прозвище его: «По́тыкъ» (потыкаться, слоняться по міру) или «Пото́къ» (неудержимо-подвижный, какъ потокъ, рѣка). Изъ эпохи кочевья, къ которой онъ принадлежитъ еще своимъ существомъ, богатырь этотъ влечетъ за собою всю языческую обстановку: жену-оборотня, подземныхъ гадовъ, добывающихъ живую воду, и проч. Но христіанское начало въ немъ все-таки пустило уже столь глубокіе корни, что еретница-жена тщетно пытается погубить его, и сама, по смерти мужа, несетъ заслуженное наказаніе, будучи обречена живою лечь съ нимъ въ могилу.

70. (Стрн. 245). «Бѣлою Лебедью», въ которую обыкновенно обращались красавицы-женщины-оборотни сказочныхъ временъ, стали называться впослѣдствіи вообще женщины-красавицы. Авдотья Лиходѣевна (иначе Лиховидьевна) есть, по нѣкоторымъ варіантамъ, дочь царя Лиходѣя Лиходѣевича.

71. (Стрн. 246). Безшабашный разгулъ есть одна изъ характеристическихъ чертъ бродяжничества, представителемъ котораго служитъ Пóтыкъ.

72. (Стрн. 247). Со стороны довѣрчиваго Пóтыка такой уговоръ былъ искреннимъ выраженіемъ безграничной супружеской вѣрности, тогда какъ Бѣлая Лебедь Авдотья Лиходѣевна, какъ показали послѣдствія, имѣла при этомъ свой особый злой умыселъ.

73. (Стрн. 248). По нѣкоторымъ пересказамъ, вѣсть о смерти жены застаетъ Пóтыка на чужбинѣ, въ ордѣ царя Налета Налетовича (иначе царя заморскаго Бухаря), гдѣ онъ, по примѣру Добрыни (см. прим. 68), обыгрываетъ царя въ шашки-шахматы.

74. (Стрн. 249). Покойники въ старину доставлялись въ церковь не иначе какъ на саняхъ.

75. (Стрн. 252). Уже разъ отпѣтые покойники, въ случаѣ оживленія, вновь освящаются.

76. (Стрн. 252). Въ нѣкоторыхъ варіянтахъ былины разсказываются еще дальнѣйшія похожденія Пóтыка, вызванныя побѣгомъ жены его къ королю литовскому: волшебница Лебедь Бѣлая подноситъ погнавшемуся за ней мужу «зелья забыдущаго» и обращаетъ его въ бѣлый горючій камешекъ (см. прим. 2); но братья названые его Илья Муромецъ и Добрыня, при помощи встрѣтившагося имъ калики перехожаго, приподнимаютъ грузный камешекъ, который раскалывается и выпускаетъ на свѣтъ божій Пóтыка. Не смотря на уговариванья братцевъ крестовыхъ, мягкосердый Пóтыкъ вторично идетъ въ Литву за женою, которая снова успѣваетъ слабому до зелена́ вина мужу преподнести, подъ видомъ зелена́ вина, соннаго зелья. Тутъ, однако, спасаетъ его, посредствомъ уловки, дочь королевская Настасья, съ которою Пóтыкъ и «принимаетъ по злату вѣнцу», снявъ предварительно буйну голову чародѣйкѣ-женѣ за ея «поступки неумильные».

77. (Стрн. 253). «Васька Долгополистый», «Долгополый», «Долгополище», иначе называемый еще «Василіемъ Казимировичемъ», «Долгомѣровичемъ» или «Игнатьевичемъ», а также «Пьяницей», оба съ Михайлой Потыкомъ—знаменитые пьяницы.

78. (Стрн. 256). Смотрѣніе въ даль изъ кулака молодецкаго соотвѣтствуетъ современному наблюденію въ подзорную трубку, которая, впрочемъ, какъ анахронизмъ, иногда упоминается и рапсодами.

79. (Стрн. 260). «Не улóвя птицы, теребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься»—

значитъ: не поймавъ птицы, уже щиплешь ее; не сваривъ птицы, садишься за столъ.

80. (Стрн. 261). По одному пересказу, послѣ боя на копьяхъ, богатыри еще тягаются черезъ гривы лошадиныя:

«Тя́гами желѣзными хватался,
Черезъ гривы лошадиныя тянулися,
Другъ друга́ никто не перетягивалъ,
Другъ друга́ бога́тыри не ранили.»

81. (Стрн. 263). У всѣхъ исчадій тьмы груди черныя, тогда какъ у людей, хотя бы и враговъ, онѣ бѣлыя.

82. (Стрн. 264). «Латыгорка» (иначе «Латымірка», «Лысогорка», «Горынинка», «Горынчанка», въ сказкахъ «Баба-Яга»), богатырша царства тьмы, получила свое имя отъ Латырь-горы, которая есть ничто иное, какъ берегъ Латырь-моря (Балтійскаго).

83. (Стрн. 264). «Сокольникъ» (иначе «Соловникъ», «Борисъ Козловъ», «Збутъ королевичъ младъ», «Жидовинъ богатырь», «Татарченокъ Бусурманченекъ») есть представитель темной силы, такъ что бой его съ Ильей Муромцемъ есть какъ-бы аллегорическая борьба начала тьмы и зла съ свѣтлымъ, нравственнымъ началомъ.

84. (Стрн. 264). Сокольникъ называется также сыномъ Ильи Муромца.

85. (Стрн. 276). Нѣкоторые рапсоды заставляютъ «стараго» послѣ этого умереть:

«Какъ пріѣхалъ опять во Кіевъ градъ,
Ко пещерамъ тѣмъ ко кіевскимъ,
Прилетала сила невидима́я,
И взимали стараго со добра́ коня,
Заносили во пещеры во кіевски;
Тутъ ли старый и опочи́въ держалъ,
Тутъ матёръ человѣкъ и окаменѣлъ,
И понынѣ его мощи нетлѣнныя.»

Въ кіевскихъ пещерахъ, дѣйствительно, до настоящаго времени показываются мощи Ильи.

86. (Стрн. 277). Существуетъ мнѣніе, что былина о томъ, «Какъ перевелись богатыри на святой Руси»,—значительно позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ всѣ прочія былины Владимірова круга. Поводомъ къ такому мнѣнію должно было послужить приведенное выше (въ прим. 85) окончаніе былины о «Трехъ поѣздочкахъ Ильи Муромца», который, по нѣкоторымъ пересказамъ, умеръ своею смертью при возвратѣ съ послѣдней поѣздки,—чѣмъ оправдалъ на дѣлѣ предсказаніе каликъ перехожихъ, давшихъ ему богатырскую силу: что смерть ему на бою не написана. Притомъ-же былина о гибели богатырей имѣется вполнѣ лишь въ одномъ пересказѣ. Но подобное мнѣніе едва ли основательно. Каждый былевой богатырь есть типъ, живущій вѣка́, и продолжительность жизни богатырей соотвѣтствуетъ гран-

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТРЕБУЮЩИХЪ ОБЪЯСНЕНІЯ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И НЕОБЫЧНЫХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ БЫЛИНАХЪ.

А.

Азвяковна (царица) — жена индейскаго царя Салтыка Ставрульевича (см. прим. 7).

Алеша Поповичъ—см. прим. 13 и 14.

Апраксія — стольная княгина кіевская (см. прим. 10).

Афимья Александровна — мать Добрыни Никитича.

Б.

Базыга—хрычъ.

Баса—краса.

Безвременье—невзгода.

Бермята Васильевичъ—см. прим. 8.

Бесѣда—скамья.

Благословить—благословить.

Богатырь—герой (см. прим. 3).

Богачество—богатство.

Большой уголъ—главный уголъ, гдѣ стоятъ образа.

Браный—узорчатый, вышивной.

Братовство—братство.

Буде—если.

Булатъ—сталь; ***булатный***—стальной.

Буркó—бурый конь.

Бурнастый—бурый.

Бѣгецъ—бѣгунъ.

Бѣлояровая пшена — пшеница-кукуруза.

В.

Вальякъ—рѣзьба; ***вальящетый***—рѣзной.

Василиса Микулична — старшая дочь Микулы Селяниновича (см. прим. 23 и 26).

Васька Долгополистый или Долгополый—см. прим. 77.

Вдвоемъ — вдвое; ***«вдвоемъ тебя»*** — вдвое противъ тебя.

Вдовить—лишать жену мужа.

Веденецъ—Венеція; ***веденецкій*** — венеціянскій.

Верехъ—верхъ.

Взимать—брать.

Вливать—выливать.

Во всю голову—во все горло.

Волжанка—клюка изъ дерева иволги.

Волокитный—волочащійся съ мѣста на мѣсто.

Вольга Всеславьевичъ—см. прим. 6.

Вольгота—свобода, вольный шагъ.

Во-потай (впотай)—тайно.

Воспрогóворить—выговорить.

Воспрокуриться — подняться, ударить въ голову (въ переносномъ смыслѣ).

Вранъ—воронъ.

Выжлецъ борзой—ловчій песъ.

Выигрышъ—содержаніе пѣсни.

Вырука—выручка.

Выступка—поступь, осанка; ***выступкою щапить*** — щеголять поступью, осанкою.

Выть—1) ѣда, кормъ («медвѣжья выть»); 2) количество ѣды заразъ.
Выщапливать—щеголять.
Выщербить—выломать часть цѣлаго.
Вѣжество—вѣжливость.
Вѣковѣчный—начинающійся съ начала вѣка или продолжающійся до конца вѣка.

Г.

Главище (глава)—голова.
Голь кабацкая—народъ обѣднѣвшій, бездомный.
Горденко Блудовичъ—см. прим. 88.
Гостебище—пирушка, гости.
Гость торговый—купецъ; гость корабельный—мореходный купецъ (см. прим. 25).
Граять—каркать.
Гридня—столовая комната.
Грудью пойти—поскакать.
Грядка—шестъ для вѣшанья одежды.
Гуня—верхнее платье.
Гурчевецъ (Вручевецъ, Вручій)—вѣроятно, Овручъ (Волынской губ.) (см. прим. 50).
Гусёлышки, гусельцы—гусли.

Д.

Державушка (держава)—владыка.
Держать—носить, тратить; держаться—издерживаться.
Дивоваться—удивляться.
Добрыня Никитичъ—см. прим. 5.
Довлѣетъ—подобаетъ, прилично.
Догадка—догадливость.
Долина́—длина, вышина.
Домовище—гробъ.
Дунай Ивановичъ—см. прим. 11.
На дымъ пустить—пожечь.
Дѣянье—дѣйствіе.
Дѣяться—дѣлаться.
Дюкъ Степановичъ—см. прим. 63.

Е.

Еврейскій стихъ—духовный.
Епане́чка (епанча)—плащъ.
Ерусалимъ—Іерусалимъ.

Ж.

Жаровой лѣсъ—рослый, выросшій на припекѣ, на *жару*.
Жалкій—жалобный.
Живность—жизнь.

З.

Забава Путятична—племянница князя Владиміра (см. прим. 21).
Завидливый, завидущій—завистливый.
Заводь—заливъ, защищенный отъ вѣтра.
Завозный—взятый на дорогу, привезенный для дороги.
Заворачивать—забирать.
Завѣсистая шапка—съ завѣсами, которые можно опускать и приподнимать.
Завѣтъ—обѣтъ.
Загусельщикъ—гусляръ.
Задаться—поступить въ обученіе или на службу.
Задёрнуть—приготовить.
Зазыватель—позовщикъ.
Займище—топкое мѣсто, иногда поросшее тростникомъ или лѣсомъ.
Закатáться—закатываться.
Заколодить—покрыться колодьемъ.
Залѣшанинъ (имя нарицательное)—лѣсной житель, дикарь; отъ того-же

корня: мужики Залѣшане (см. прим. 30) и Никита Заолѣшанинъ —подъ именемъ котораго скрывается Илья Муромецъ (см. был. XVI).
Замуравѣть — покрыться муравою.
Заносливый — заносчивый.
Заповѣдь—см. завѣтъ.
Заржучись — отъ *заржать*.
Застава — преграда (см. прим. 44).
Застолье — мѣсто за столомъ.
Застояться — остановиться.
Затохоль — затхлый запахъ.
Затыхаться — сдѣлаться затхлымъ.
Затюремщикъ — заключенникъ.
Захвастливый — хвастливый.
Захлыщевый — забубенный, отчаянно-смѣлый.
Захошь — см. хошь.
Зачинъ — начало.
Звеселять — взвеселять.
Земь — земля.
Златоверховатый — съ золотымъ верхомъ.
Златъ — золотой.
Зобать — ѣсть что-нибудь мелкое, разсыпчатое.
Зычный — звучный.

И.

Иванъ Гостиный сынъ—см. прим. 88.
Идолище — см. прим. 13 и 54.
Избыть — избавиться.
Изотчество, изотчина — отцовское имя.
Илья Муромецъ — см. прим. 37.
Индейское царство — см. прим. 7.
Индія богатая — см. прим. 63.
Ископыть — комъ грязи или земли изъ-подъ копыта.
Исполóшаться — всполошиться.
Источенька — разноцвѣтный струйчатый поясъ.

К.

Кавурка (каурка) — каурый (желторыжій) конь.
Калика перехожая — нищій калѣка (см. прим. 16).
Калинъ царь — см. прим. 58.
Камень бѣлый горючій или, просто, горючій — янтарь (см. прим. 2).
Камочка — камка.
Кирпичатъ полъ — кирпичный.
Клюшничать — быть клюшникомъ.
Кожанъ, кожанецъ — 1) невыдѣланный овчинный тулупъ; 2) кожаный мѣшокъ.
Кой — который.
Коковка — загнутый верхній конецъ палки (клюки).
'коло — около.
Колпакъ — см. шляпа.
Колыбаться — колебаться.
Конникъ — залавокъ сейчасъ при входѣ въ дверь, послѣдній уголъ.
Конюхать — быть конюхомъ.
Корба — чаща мелкаго лѣса.
Косица — високъ.
Красовитый — красивый.
Крестьянствовать — заниматься крестьянскимъ дѣломъ.
Крылецъ — крыльцо.
Крылосъ — клиросъ.
Кряковистый — съ корявымъ пнемъ, суковатый.
Кудельба — см. курево.
Купáвъ — красивый.
Курево — пыль столбомъ.

Л.

Ладить — приготовлять, готовиться;

ладиться—1) собираться; 2) быть въ ибру.
Ластинье — тонкая дрань.
Латыгорка — мать Сокольника (см. прим. 82).
Латырь-камень — янтарь (см. прим. 2).
Латырь-море — Балтійское (см. прим. 2).
Леванидовъ крестъ — корсунскій (см. прим. 1).
Леванидовы луга — см. прим. 1.
Литва — всякая земля на западъ отъ Кіева (см. прим. 9).
Ложня — спальная комната.
Луда — подводный камень.
Лукоморье—излучина морскаго побережья.
Луна небесная — твердь.
Люби—отъ *любовь*; *до-люби*—сколько угодно; *по-люби* — по душѣ.
Въ любовь придти — по сердцу придти, понравиться.

М.

Маломожный (маломочный) — малосильный.
Мамельфа Тимоѳеевна — мать Дюка Степановича.
Мареа Всеславьевна—мать Вольги Всеславьевича.
Матёрый, матербй — престарѣлый и сильный.
Матерѣть—рости, становиться большимъ и сильнымъ.
Меженный — отъ *межень*, жаркая лѣтняя пора.
Микула Селяниновичъ—см. прим. 48.
Михайло Потыкъ Ивановичъ—см. прим. 69.
Младъ — молодой.
Могота — мощь.
Молитвиться — молиться.
Мосты — настланные переходы наружнихъ сѣней.
Мудрости искать надъ кѣмъ — стараться перехитрить, опутать чарами.
Муравленый — муравою, разводами расписной, пестрый.
Мурашъ — муравей.
Мурзамецкій — отъ *мурза*. (Эпитетъ копья).
Мурманка — шапка, имѣющая съ обѣихъ сторонъ завѣсы, которые можно опускать и приподнимать.

Н.

Набольшій — наибольшій, глава.
По надобью — сколько надобно.
Наигрышъ — содержаніе пѣсни.
Наконъ — разъ.
Накрутиться — накутаться, нарядиться.
Налучникъ, налушно — чахолъ на лукъ.
Намётывать (служебку) — налагать.
Напускъ — сильное нападеніе.
Напустить — напуститься.
Нарядить — справиться.
Науличье — площадь на улицѣ.
Невѣжа-черный воронъ—см. прим. 65.
Немудрый — простой.
Неуёмчивый — неукротимый.
Неумильный — невѣжливый.

О.

Обзариться — заглядѣться, польститься.

Обкольчужиться—надѣть кольчугу.
Облатиться — надѣть латы.
Ободверина — притолока и косяки у дверей.
Обоймень—что́ можно обнять двумя руками.
Оболоко — облако.
Обцѣнщикъ — оцѣнщикъ.
Объумѣться — придти въ себя.
Одинцовый — темнозеленый.
Одноличный — одинаковаго лица.
Одномѣдный — изъ одной мѣди.
Озадориться — раззадориться.
Окаракою, окарачь — на четвереньках.
Окатиться — раскатиться.
Околенька — оконница.
Окольный—идущій *около* чего-нибудь.
Омѣшикъ — рало у сохи.
Опережь — прежде.
Опознать — узнать.
Опочивъ держать — опочивать.
Опочинуться — уснуть.
Ортай — землепашецъ.
Орать — пахать.
Орда — земля, сторона (см. прим. 9).
Ордынскій—отъ *орда*. (Эпитетъ телѣги).
Орѣховецъ — вѣроятно, вымышленный городъ.
Въ особину — особенно.
Отвѣдать — попробовать.
Отчина — см. изотчина.
Ошарашиться — стать дыбомъ.

П.

Палатный брусъ — гряда, откуда и *гредня* или *гридня* (столовая).
Палица (палка) — дубинка.
Палъ — обгорѣлый лѣсъ.
Паробокъ — слуга.
Пенье — пни.
Перелестникъ (судейскій) — обманщикъ. (Эпитетъ Алеши Поповича).
Перёное крылечко—съ *перёнами* или *перилами*.
Перепасться — перепугаться.
Перещапить — перещеголять.
Писчикъ — писарь.
Платёный — платяной.
Пленъ (Пленко, Пленчище) Сурожанинъ — отецъ Чурилы Пленковича (см. прим. 62).
Поверткій — поворотливый, проворный.
Поволжаный — изъ дерева иволги.
Поволька — воля.
Поворотъ держать — вернуться.
Повѣтерь — попутный вѣтеръ.
Погода — непогода.
Погодиться — пригодиться.
Погрязывать, угрязывать — погружаться въ грязь, въ землю.
Подвигаться — подвизаться, совершать подвиги, полевать.
Подираться — драться.
Подковыренные лапти — проплетенные вторично.
Подколѣнный—младшій (отъ *колѣно*, старшій въ семьѣ или въ родѣ).
Подкрутиться — пріодѣться.
Подорожникъ — попадающійся на дорогѣ. («Разбойнички-подорожнички»).
Подорожный — 1) взятый на дорогѣ или на дорогу; 2) платимый за дорогу.
Подсолнечникъ — зонтикъ, опахало.
Подстолье — мѣсто подъ столомъ.
Позариться — польститься.
Показаться — понравиться.
Покляпый — наклоненный въ одну сторону.

Полевать — рыскать по чисту полю, отыскивая приключеній.
Поленица—женщина-богатырица(см. прим. 4); также и иноземные богатыри.
Полона́ — взятое въ плѣнъ.
Поло́нъ — 1) плѣнъ; 2) плѣнникъ.
Получка — дань.
Поляковать — см. полевать.
Помя́лушко (помело)— метла для выметанія печи.
Попротивиться — вступить въ бой.
Пороша — молодой снѣгъ.
Порученьки — перила.
Порыскучій — см. рыскучій.
Поселица (поселье) — мѣсто поселенія, постояннаго жительства.
Поскакучій—отъ *поскакивать*. (Эпитетъ зайца).
Поскочить — поскакать.
Пословаться—вести посольское дѣло.
Поступка — поступь.
Посыльный — посольскій.
Потникъ — подстилка подъ сѣдло, чтобы не тереть спины лошади.
Поучёный — знающій.
Почестка — по́честь.
Прикакуивать — ликовать.
Приниматься къ рѣчамъ — обращать вниманіе.
Присошекъ — лопатообразная часть сохи, накладываемая попеременно то на одинъ, то на другой омёшикъ, для откидыванія вспаханной земли.
Пристилаться — разстилаться.
Притченки — см. прим. 30.
Прихватка — ухватка.
Причеть — причитанія.
Пріогрюшиться — погрузиться.
Пріужахнуться — ужаснуться.
Провизгъ — визгливый тонъ рѣчи.
Провѣщиться — заговорить.
Пропитомство — пропитаніе; *пропитомствовать* — пропитать.
Просто — легко.
Путыни — путы.
Пучай — рѣка Почайна (см. прим. 19).
Пѣхотою — пѣшкомъ.
На пяту отворить дверь — настежь.

Р.

Разболакивать—разоблачаться, скидавать.
Развалить — расчистить.
Разгорчивый — легко разгорающійся.
Разрывчатый — отъ *разрываться*. (Эпитетъ лука).
Ратиться — сражаться.
Рогачъ — рукоятка у сохи.
Родитель, родителекъ — родной, родная.
Розстань — перекрестокъ.
Рудожелтый — красножелтый.
Рукобитье — обрядъ сговора.
Рыбій зубъ — моржовая кость.
Рыкучій — издающій рыкъ.
Рыскучій — рыскающій.

С.

Салтыкъ Ставрульевичъ—см. прим. 7.
Самсонъ Самойловичъ—см. прим. 3.
Саповочка — дудочка.
Сафатъ-рѣка — см. прим. 15.
Саха́рный—са́харный. (Эпитетъ яствъ и устъ).
Сбродовичи — см. прим. 30.
Сверстаться — поровняться.
Сверстный — равный, подходящій.
Сворохнуться — пошевелиться.
Святогоръ — см. прим. 51.
Святыя Горы — см. прим. 22.
Сдиваться — удивляться.

Семья, семеюшка — общее названіе супруговъ въ отношеніи другъ друга.
Середа — полъ.
Сила—войско.
Спрóтать—лишать родителей.
Скорбить — доводить до скорби.
Скурлатъ—шерстяная ткань разнаго цвѣта.
Слава идетъ—молва; *славу пѣть* кому-нибудь — пѣть въ честь умершаго.
Слезить — вводить въ слезы.
Смёртушка — смерть.
Смородина (рѣка) — см. прим. 45.
Смѣта — счетъ.
Снарядный — нарядный.
Сокольникъ — см. прим. 83.
Сокрутиться — одѣться.
Соловей Будиміровичъ—см. прим. 31.
Соловей разбойникъ—см. прим. 46.
Соловый — блѣдножелтый.
Сорочинскій—сарацинскій,арабскій; *гора Сорочинская* — см. прим. 22.
Спрогóворить — проговорить.
Спустить — отпустить.
Спѣть — глаголъ, выражающій *пѣніе* спускиваемой тетивы или стрѣлы.
Ставёръ Годиновичъ—см. прим. 24.
Стаметъ (аксамитъ) — бархатъ.
Становитый — статный.
Старина, старинка, старинушка—пѣсня про *старину*, былина.
Статья—1) свойство характера, качество, выпавшее кому-нибудь на долю; 2) самая участь, судьба.
Столованье — пированье.
Стольничать — быть стольникомъ.
Сторожокъ — спускная дверь.
Стоялый — 1) давно стоявшій (эпитетъ меда); 2) гдѣ есть стойло (эпитетъ конюшни).
Стрѣта — встрѣча.
Ступа, ступокъ — тихій шагъ.
Ступéнь — ходъ (въ игрѣ).
Сумляться — сомнѣваться.
Супротивиться — драться, вступать въ бой.
Супротивникъ (супротивница) — равный по силѣ или по другому свойству противникъ, а также вообще ровня.
Супротивъ — 1) напротивъ; 2) *супротивъ* кого силой, красотой — ровня.
Суханъ Домантьевичъ—см. прим. 3.
Сходня, сходенька — лѣстница.
Сцапина — царапина.
Счудиться — сотвориться (о чудѣ).
Счудоваться — быть пораженнымъ чудомъ.
Съ-подъ — изъ-подъ.
Сыгрышъ — музыка, напѣвъ.
Сытá (медвяная) — жидкій пчелиный медъ.
Сыть — то, чѣмъ бываютъ *сыты*. («Волчья сыть»).
Сѣдатый — сѣдой.

Т.

Тавлеи (tabula) — шашки, шахматы.
Тать — воръ.
Толкучій — сталкивающійся.
Тоневья — тони, рыболовныя сѣти.
Торóки — дорожный мѣшокъ, сума за сѣдломъ.
Тóщиться — истощаться.
Тугаринъ Змѣевичъ — см. прим. 13 и 17.
Туляться — прятаться; *тулица* — туляющійся, прятающійся.
Туръ — зубръ, волъ.

У.

Увалиться — провалиться.

Угодить — попасть.
Угожество — красота.
Угражнвать — угрожать.
Угрязывать — см. погрязывать.
Укрючины—уключины, въ которыхъ ходятъ весла.
Укрѣпа — крѣпость.
Улещать — ластиться.
Уливаться — заливаться.
Уловный—гдѣ кто уловленъ, найденъ.
Умильный — умѣлый, вѣжливый, любезный.
Уныльный — унылый.
Упадка — упадокъ духа; *не съ упадкою* — безъ боязни.
Управа — посадка.
Уродствовать — проказить, чудить.
Утопить (очи) — уставить.
Утріе — утро.
Утѣшенье (ути́шенье)—тишина; *«синему морю на утѣшенье»* — чтобъ было тихо.
Уѣда — кушанье.

Х.

Хайлище—пасть.
Хамкать — лаять по-собачьи.
Хапиловы — см. прим. 30.
Хвалынское море — Каспійское.
Хоробрый — храбрый.
Хошь, захошь — хочешь, захочешь.
Хрущатый — жесткій, плотный.

Ц.

Царёвъ—постоянный эпитетъ кабака.
Цѣловальникъ — цѣловавшій, въ знакъ вѣрности, крестъ кому-нибудь.

Ч.

Чашничать — быть чашникомъ.
Чебурацкій (?) — эпитетъ свинца.
Челомъ-битчикъ — челобитчикъ.
Червленый —багряный, пурпуровый.
Червчатый — красноватый.
Чернедь — чернь.
Чернизина — черное пятно.
Чивье — рукоятка.
Чингалище — кинжалъ.
Чоботъ — полусапожекъ, сапогъ.
Чурила Пленковичъ—см. прим. 61.

Ш.

Шалыга, шелепуга—плеть съ обвязанной пулей, кистень.
Шеломъ — шлемъ.
Ширинка — полотенце.
Шишира — праздношатающійся.
Шляпа (колпакъ) земли греческой—дорожная, съ широкими полями.
Шопоткомъ — шопотомъ.
Шпенекъ — пряжечная шпилька.

Щ.

Щапить — щеголять.
Щапъ — щеголь.
Щелейка — горное ущелье.
Щепливый (щепетливый) — щегольской.
Щепо́мъ щепить — щеголять.

Я.

Ярлыки скорописчаты — грамоты.
Яровчатый — яворчатый, изъ дерева явора.
Ясакъ — вѣсть, голосъ, зовъ.

BOOKBINDING CO.
53 A
5457 005
CONTROL MARK
6035

PG 3114 .A92 C.1
Kniga o kievskikh bogatyrskikh
Stanford University Libraries
3 6105 037 166 894

A92

	DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305